

Регина Романова

Нетронутая дьяволица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Регина Романова

Нетронутая дьяволица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70570561

SelfPub; 2024

Аннотация

Вики, до этого никогда не уезжающая далеко от родителей, теперь взрослеет и понимает, что в её жизни начинается новая глава. После знакомства с будущими друзьями мировоззрение Уокер в корне меняется – она осознаёт, что в этом мире ничего не стоит на месте: людям свойственно переезжать, находить и терять. После знакомства с Люцифером Вики надеется, что им предназначено разделить лишь мгновение из жизни, но у судьбы другие планы.

Содержание

Новое начало	4
Возвращение	26
Милосердие	59
Театр и признание	94
Азарт	121
Люцифер	157

Регина Романова

Нетронутая дьяволица

Новое начало

С первым осенним холодком жизнь начнётся сначала.

Стою в коридоре в окружении нескольких чемоданов, сжимая в руках и без того помятое письмо. Письмо, которое стало новым началом. Письмо, которое изменило мою жизнь на сто восемьдесят градусов.

«Уважаемая Виктория Уокер,

С радостью сообщаем о Вашем блестящем успехе и получении гранта на образование в ВУЗе «Рай и Ад». Мы рады предоставить Вам уникальную возможность продолжить своё обучение со второго курса факультета кинорежиссуры по специальности «Сценарное дело».

Академический год начинается 9 сентября, и все студенты должны прибыть в общежитие на день раньше. Мы гарантируем увлекательное обучение, наполненное не только лекциями, но и практическими занятиями.

Университетская жизнь может быть интересной – Вы сами убедитесь в этом после начала учёбы. Ждём Вас с

нетерпением. Спасибо за то, что выбрали именно нас!»

Глазами пробегаюсь по заученным строкам на листе бумаги, кажется, в миллионный раз, и всё ещё не могу поверить в достоверность написанного.

Родители суматошно носятся по дому, – хотя, скорее, только папа. Мама лишь подгоняет его – чтобы проверить, всё ли я взяла с собой, пока я безуспешно пытаюсь понять, как время пролетело так быстро. Кажется, словно только вчера я с иронией подавала заявку на грант и не надеялась абсолютно ни на что, а сейчас стою в коридоре в ожидании такси, которое станет моим отправителем в новую жизнь.

До этого я никогда не расставалась с родителями надолго и уж точно никогда не переезжала от них, так что сейчас не могу даже представить, что меня ждёт. Но, на самом деле, я всегда мечтала переехать: кому не надоест отчитываться каждый раз перед выходом из дома и вынужденно отвечать на сотни вопросов переживающего отца, а после докладывать то же самое, но в более короткой форме, практичной матери?

И вот моя мечта сбывается прямо здесь и сейчас. Я покидаю родное гнёздышко с лёгкой улыбкой на лице и пустотой в сердце с надеждой заполнить её новыми эмоциями в другом городе. Наверное, в такие моменты люди обычно грустят или боятся, но мои руки дрожат не от страха, а от предвкушения. Пусть мне и немного тревожно.

В голове проносится целый рой вопросов, не дающий с

должным вниманием вслушаться в диалог мамы и папы прямо передо мной. Смогу ли я влиться в новый коллектив? Насколько приятными окажутся преподаватели? Понравится ли мне в ВУЗе или я, по примеру главных героев любимых сериалов, буду до слёз скучать по родному дому?

Не знаю, дело ли во мне или в окружающих, а может, как любят говорить астрологи, звёзды не сошлись, но ни в школе, ни в университете мне не удавалось находить друзей, за исключением, конечно, тех компаний, с которыми мы неоднократно собирались только для того, чтобы не чувствовать себя одиноко на очередной вечеринке. К слову, я была частым гостем на них, несмотря на то, что родители никогда не одобряли моих ночных вылазок – говорили, что это не те люди, ради которых стоит портить наши отношения и подвергать себя опасности, выходя на улицу в столь поздний час. Но и покладистой или боязливой я никогда не была, а потому пренебрегала их словами и разрушала доверие между нами ради «друзей на ночь». Впрочем, такое общение меня устраивало. До недавних пор.

Отец демонстративно машет рукой перед лицом, выводя из размышлений, и я стыдливо понимаю, что прослушала его слова.

– Вики, – обращается он ко мне низким родным голосом, и я почему-то только сейчас, впервые за девятнадцать лет жизни с ним, замечаю морщинки на лбу. – Это тебе, – он протягивает мне запечатанную коробку и проводит рукой по

лёгкой седине, пока я пытаюсь встряхнуть подарок и понять, что внутри. – Откроешь, когда будешь чувствовать себя одиноко и захочешь вернуться домой, договорились? – спрашивает он, отчего я недовольно вздыхаю – терпеливость никогда не была моей лучшей чертой.

– Не раньше, – к диалогу подключается мама, бросая на меня глубокий взгляд васильковых глаз. – Слышишь?

Золотистые волосы мамы чуть выше плеч ярко блестят на полуденном солнце, пробивающимся через окно уютной прохожей. Осматриваю убранство дома так внимательно, словно нахожусь здесь впервые, – хочу запомнить всё досконально.

Воспоминания пролетают в голове со скоростью света: вот папа встречает меня после первого учебного дня, принимая в крепкие объятия и выслушивая эмоциональный рассказ о школе; вот мама сердито смотрит на меня поздним вечером, когда я с ощущением тысячи порхающих бабочек в животе возвращаюсь домой, удерживая в руках букет цветов от первого возлюбленного, и совсем не слушаю её гневную тираду о моём непозволительном поведении. А предметы, пропитанные семейным уютом, заседают глубоко в сердце: например, наша общая фотография в нещадно разбитой рамке одним из субботних вечеров, на которой я ещё совсем маленькая – лет десять, не больше – беззаботно улыбаюсь и крепко-крепко обнимаю маму с папой; или календарь, в котором отмечены когда-то важные для нас даты, висящий на стене

вот уже несколько лет – папа часто обещал маме купить новый и заменить его, но спустя время мы настолько привыкли к старому, что решили оставить.

Каждая из таких, казалось бы, мелочей, вызывает во мне чувство приятной ностальгии, и сдерживать эмоции становится почти что невозможно.

– Поняла, не раньше. Договорились, – даю я обещание, пока совсем не расчувствовалась, и, к своей радости, слышу звук подъезжающей машины. Натягиваю улыбку на губы, чуть подкрашенные блеском, чтобы не выдавать волнение. Хочу, чтобы родители думали, что я не переживаю. – Такси подъехало.

– Мы будем скучать, – негромко произносит папа, и я замечаю, как его глаза поблёскивают от слёз, отчего в груди разливается приятное тепло. – Звони почаще.

– И докажи всем, что лучше их, – мама заправляет одну из моих пепельных прядей мне за ухо и, в отличие от отца, со всей силы обнимающего меня, обходится лишь сдержанной улыбкой.

Смеясь от маминого пожелания, я открываю входную дверь дома.

Отец помогает сложить чемоданы в немаленький багажник авто, пока мама стоит на крыльце, укутавшись в мягкий кардиган, и мы прощаемся с ними окончательно. Кажется, только сейчас я начинаю осознавать происходящее. С одной стороны, я счастлива, что теперь могу делать то, что захочу,

и жить своей жизнью, но, с другой... Всё же нелегко расстаться с родителями.

Как бы я описала эмоции при начинании жизни с чистого листа после девятнадцати лет стабильности? Предвкушение, граничащее с волнением, обволакивает сердце и разум одновременно, мешая сделать свободный вдох, и отдаётся покалываниями где-то в районе груди.

«Прошлое остаётся в прошлом, дальше – лучше», – я настойчиво убеждаю себя в этом и надеюсь, что тремор не будет сопровождать всю поездку.

Захлопываю дверь машины и замечаю, что водитель морщится от этого, но ничего не говорит. Удобно устраиваюсь на переднем сидении рядом с мужчиной, назвав ему адрес, и мы трогаемся с места.

Вынимаю из сумки планшет, подаренный на окончание школы, и начинаю работать – дорога не короткая, ехать около четырёх часов, так что время есть. Единственное, пожалуй, что способно отвлечь меня от всего на свете, – писательство. В школьные годы вместо учёбы я часами, например, продумывала характеры героев, из-за чего не раз выслушивала недовольные лекции от учителей. Впрочем, это и стало причиной того, почему я решила связать с подобным свою дальнейшую жизнь, поступив на сценарное дело.

Я удовлетворённо улыбаюсь, когда дописываю одну из глав, и складываю гаджет обратно, решив уделить внимание видам за окном. Мимо с бешеной скоростью проносятся де-

сятки деревьев, листва которых постепенно начинает терять зелёный окрас, напоминая о том, что осень уже вступает в свои законные права.

От предвкушения я не спала всю ночь, и вскоре это даёт о себе знать – уже через несколько минут любования природой глаза начинают медленно закрываться, и я сама не замечаю, как проваливаюсь в глубокий сон. Просыпаюсь лишь тогда, когда кто-то толкает меня в плечо, вынуждая разлепить глаза.

– Мы на месте, – усмехается водитель, указывая на таксометр в телефоне, и я под его неприятным насмешливым взглядом вынимаю долларовую купюру. Раздражение пронзает меня не столько оттого, что я уснула в машине, сколько от его реакции. Незачем так реагировать на естественный процесс человеческого организма.

Благо, он оказывается хоть сколько-то приятным в том, что помогает мне достать чемоданы из собственного багажника, и уже спустя минуту не видно и следа его машины.

Я оказываюсь на территории кампуса, и моему взору открывается вид на прекрасный сад, за газоном которого явно ухаживают. Несколько шестиэтажных зданий, вымощенных белым кирпичом, расположены друг за другом. Окна украшены чёрными рамами, и за некоторыми из них уже видно студентов, занимающихся своими делами.

Прохожу вперёд по асфальтированной тропинке до нужного мне общежития, везя за собой чемоданы, колёсики ко-

торых шумно едут по земле. Я захожу внутрь, не переставая восхищаться видами и осматриваться по сторонам. К слову, общежитие определённо построено не так давно, и оно производит большее впечатление, чем старенький кампус моего предыдущего ВУЗа, в котором мне доводилось побывать всего пару раз и, честно признать, хотелось поскорее уйти оттуда. В этом же здании хочется жить.

Прохожу по коридору чуть дальше и слышу несколько голосов за углом, пока жду лифт.

– Люци, ты уверен? – робко спрашивает женский голос, и я выглядываю из-за стены, чтобы понять, кто говорит. Девушка, одетая в брючный латексный костюм, подчёркивающий все достоинства её фигуры, навязчиво пытается коснуться руки парня, стоящего напротив.

– Да, сколько раз повторять? – холодно отвечает он и показательно отстраняется от девушки, убирая её руку со своего запястья, прикрытого рукавом чёрной рубашки. – Ости, мы это уже обсуждали. Я больше не хочу затрагивать эту тему. Всё.

Люци – как назвала его Ости – оборачивается на пятках и быстрым шагом удаляется, даже не взглянув напоследок на девушку, готовую вот-вот расплакаться. Он делает это слишком неожиданно даже для меня и успевает заметить, как я нагло подслушиваю их диалог. Сердце в груди начинает колотиться в разы быстрее, когда парень направляется в мою сторону, и я начинаю постукивать ногтем по круглой кнопке,

надеясь, что лифт придет быстрее, чем незнакомец дойдёт до меня. Строгие глаза сверкают в мою сторону, и на мгновение мне кажется, – или нет – что они ярко-красного оттенка. Взгляд приковывает, вгоняя в ступор, но я не понимаю, из-за чего он так злится: из-за ссоры с Ости или из-за того, что я подслушивала?

– Тебя не учили, что подслушивают безмозглые? – он нависает надо мной, и из-за разницы в росте мне приходится поднять голову.

Страх сменяется раздражением, и я возмущённо вскидываю брови, сложив руки на груди. Да кто он вообще такой, чтобы бросаться подобными словами в чужой адрес?

– А тебя не учили, что людей оскорбляют только свиньи? – отвечаю я, закатив глаза и пытаюсь соорудить столь же недовольный взгляд, как и у него. – Твоей матери было бы явно очень приятно услышать, как её сын общается с девушками.

Он с силой сжимает челюсти, начиная играть желваками. Его ноздри заметно раздуваются, а широкие тёмные брови вмиг движутся к переносице, и я понимаю, что моя фраза разозлила его ещё больше. Заветный мелодичный сигнал приехавшего лифта избавляет меня от дальнейшей перепалки с незнакомцем, и я, быстрым шагом отойдя от него, захожу в кабину. Двери закрываются, становясь моим спасением, а из груди вырывается лёгкий выдох облегчения.

Дохожу до нужной комнаты и сразу же прохожу в помещение – удивительно, но оказывается открыто, хотя внутри

никого нет. Сразу понимаю, что помимо меня здесь живёт кто-то ещё: на одной из кроватей уже лежит чёрный плед, поверх которого разбросано несколько подушек, а на стене висит причудливая гирлянда. Рабочий стол уже захламлён тетрадами и учебниками, а сбоку – фотография приятной на вид брюнетки. Рядом со входной дверью вижу ещё одну, которая, по всему видимому, ведёт в ванную, и решаю проверить.

К своему изумлению замечаю там девушку с фотографии, обернутую в белое полотенце. Она хлопает серыми глазами, удивлённо смотря на меня, когда я захопываю дверь и неловко отхожу.

«Вот и познакомилась с соседкой!» – думаю я, отшатнувшись в сторону. – *«Не удосужилась даже постучаться!»*

– И тебе привет, – здоровается она нежным голоском, когда выходит из ванной, и запах сладких малиновых духов разлетается по комнате.

– Привет. Прости, я не думала, что там кто-то есть.

Я слабо улыбаюсь – в отличие от парня в коридоре, эта девушка кажется дружелюбной.

Но соседка лишь отмахивается, взъерошивая мокрые блестящие волосы чёрного цвета. Её реакция успокаивает меня, так что больше мне не хочется спрятать голову в песок, чтобы забыть об инциденте.

– Ерунда, – видимо, она удивилась моему появлению, а не тому, что я ненароком разглядывала её практически без

ничего, потому что сейчас она нисколько не смущается, стоя передо мной во всё том же полотенце. – Я Мими. А ты Вики, стипендиатка?

Я недоверчиво киваю. Откуда она знает?

– Не удивляйся. В этом году грант выиграли только два человека, и сейчас вы на слуху у всего университета, – Мими уже понимает меня без слов и я не могу не обрадоваться этому. – Давно приехала?

– Только что. Ещё ничего не рассмотрела, покажешь?

«Она мне нравится. Она хотя бы не стала ворчать и возмущаться, – задумываюсь я, не отводя взгляда от своей новой соседки. – Было бы неплохо попытаться подружиться с самого начала. Может, хотя бы сейчас мне удастся найти хорошую подругу?»

– Конечно, – она с хитрым прищуром подходит вплотную ко мне и оценивающим взглядом проходится с ног до головы. – У тебя интересный цвет волос, – отмечает она, а я с улыбкой вспоминаю, как спонтанно приняла решение сменить имидж. – Не думала о локонах? Мне кажется, они бы подчеркнули твой острый подбородок.

– Почему я чувствую, что к твоим советам по поводу внешности стоит прислушаться? – я тихонько смеюсь.

– Потому что я шикарно выгляжу. Очевидно.

Мими щёлкает меня по носу так, словно мы давние подруги, и не могу сказать, что я против. Она слишком быстро располагает к себе, чтобы чувствовать себя некомфортно.

– Кстати, ты знаешь что-то о завтрашней конференции? – спрашиваю я давно интересующий меня вопрос. Если не расспрошу у кого-то об этом, взорвусь.

Кажется, Мими не нравится эта тема – она выгибает одну бровь, стоя напротив зеркала и расчёсывая волосы.

– Скукотища, – недовольно протягивает она, продолжая прихорашиваться. – Весь прошлый год нас насильно заставляли ходить на них. Благо, обещали, что на втором курсе это прекратится.

– Всё так плохо? – я расстроено сажусь на стул за рабочим столом и вынимаю из сумки белую флешку с презентацией, ради которой не спала пару ночей точно. – Мне, как стипендиатке, посоветовали проявлять себя с самого начала года, так что записали туда выступающей.

Мими заинтересованно подходит ко мне и смотрит на то, как я кручу меж пальцев флешку, после чего несколько раз хлопает по плечу.

– Влипла, – мелодично смеётся она и вновь подходит к зеркалу. – Могу только посочувствовать.

Её реакция не воодушевляет, но теперь я, по крайней мере, знаю, как студенты относятся к подобного рода мероприятиям. Возьму на заметку.

Следующий час, пока я аккуратно раскладываю вещи из чемоданов, Мими приводит себя в порядок – используя фен, выпрямляет длинные волосы, после чего наносит яркий макияж, подходящий, скорее, для похода в учебное заведение,

а для проведения целой ночи в клубе, но мне даже нравится. Она точно знает, как подчеркнуть свои достоинства, и несколько не стесняется раскрепощения, надевая на себя кожаный топ с глубоким вырезом и штаны из того же материала.

Тоже решаю переодеться, и выбор падает на шёлковую майку тёмно-синего цвета, с которой отлично сочетаются белые атласные брюки. Улыбаюсь собственному отражению в зеркале и замечаю, как Мими подходит сзади и подмигивает мне.

Не могу объяснить, но она притягивает к себе. Ещё никогда мне не хотелось так сильно подружиться с кем-то, с кем я знакома от силы пару часов.

Мы выходим из комнаты, закрываем деревянную дверь на ключ и идём в неизвестном для меня направлении. Я просто следую за Мими. Она, кажется, с радостью соглашается на роль экскурсовода и, признаться честно, прекрасно с этим справляется – харизмы ей не занимать. Она показывает мне общую комнату с мягкими диванами, телевизором и даже несколькими рабочими столами для тех, кто по той или иной причине не может заниматься в своей комнате. Кухня оказывается общей – по одной на этаж. При виде них появляется ощущение, словно здесь никто и никогда не готовил, слишком чисто оказывается в обеденных зонах.

Несколько студентов встречаются нам на пути, и почти каждый из них здоровается с Мими – кто-то обычным кивком, а кто-то тёплой улыбкой и объятиями. От неё я узнаю,

что каждый этаж предназначен для определённого курса, и неважно, кто к какой группе принадлежит.

Распределение – одна из особенностей «РиА». По нему учеников делят на три группы: Ангелы, Демоны и Непризнанные. Видимо, создатель этого разделения был религиозным фанатом какой-то мифологии, раз решил ввести это на полном серьёзе. Впрочем, я ничего не имею против, но и не горю ярым желанием участвовать в этом, хотя выбора всё равно нет.

Как я вычитала в одном из правил ВУЗа, – а их я перечитывала раза четыре, не меньше – эти группы позволяют представителям каждой из них проводить больше времени вместе и становиться более социализированными в силу официальных мероприятий, проводимых администрацией университета. Что ж, может, это и плюс, но факт того, что студентам не предоставляют выбора: участвовать в этом или нет, огорчает.

«РиА» не терпит неприметных людей, а потому руководство внимательно следит за успехами своих студентов. Те, у кого выдающиеся результаты в учёбе, формируются в группу Ангелов. Те же, кто активно вовлечён во внеучебные мероприятия, кто проявил себя как лидера, попадают к Демонам. Новеньким и тем, кто не проявил должной активности ни в социальной жизни ВУЗа, ни в обучении, достаётся участь Непризнанных, а итоги подводятся в конце каждого семестра. Таким образом, любой Ангел может стать Непри-

знанным, как Демон – Ангелом и тому подобное. К слову, на первый раз студентам без отличий дают второй шанс – так что один и тот же человек два семестра подряд может оставаться среди них, но у меня желания носить клеймо «невыдающейся» совершенно нет.

По возвращении в общую комнату на нашем этаже замечаем двух парней, сидящих на диване, и я сразу понимаю, что это близкие друзья Мими: увидев их, она срывается с места, подбегает к ним и крепко обнимает.

– Ади, Сэми, я так скучала! – восклицает она, а я лишь улыбаюсь, наблюдая за этим тёплым моментом со стороны.

Тот, что Ади, рыжеволосый с изумрудными глазами, посмеиваясь, пытается отстранить от себя счастливую Мими, но попытки оказываются безуспешными. Сэми же, сероглазый брюнет, принимает объятия подруги с искренней радостью.

– Всё, всё, хватит, задушишь, – хохочет Ади, и только тогда, когда Мими отпускает его, я замечаю на лице парня россыпь веснушек.

Кажется, что они могут заразить тебя своим счастьем, и из-за этого невозможно не радоваться, смотря на них. Но где-то внутри меня что-то неприятно щёлкает.

У меня никогда такого не было.

«*Может, всё ещё впереди?*» – задаю себе вопрос, на который не знаю ответа, но так хочу, чтобы он был утвердительным.

– Мы тоже рады тебя видеть, – широкая улыбка растягивается на губах Сэми, и они садятся обратно на диван, приглашая нас с соседкой рядом. – А ты стипендиантка, да? – он указывает в мою сторону, прищурившись.

Я киваю и теперь лично знакомлюсь с парнями. С усмешкой смотрю на то, как Мими возмущённо машет руками, когда Ади занимает собой половину дивана, вальяжно рассевшись на нём.

Троица оказывается невероятно болтливой, и я не всегда успеваю следить за их диалогом, но всё же узнаю, что Ади и Мими из группы Демонов, а Сэми – Ангел. Меня зачаровывает то, насколько они дружны, несмотря на распределение и на то, что учатся на совершенно разных факультетах.

Да и мне они уделяют много внимания. Я словно оказалась в кругу давних друзей.

– Переживаешь? – мягко спрашивает Сэми, привлекая к себе моё внимание, когда Ади и Мими, отбирая друг у друга пульт, выбирают фильм для просмотра. – Насчёт учёбы, – поясняет он, заметив мой непонимающий взгляд.

– Скорее, насчёт коллектива, – вздыхаю я.

– Всё будет хорошо, – он ободряюще кладёт руку мне на плечо и чуть сжимает его. – С тобой в группе учится Асмодей, он, в принципе, неплохой.

«Надеюсь, что это действительно так, Сэми», – проносится в моих мыслях, когда я заглядываю в добрые серые глаза.

Не знаю, кто такой Асмодей, но одно знаю точно: мне хотелось бы влиться в компанию парней и Мими.

– В задницу этот фильм, – недовольно ворчит Ади и плюется рядом с Сэми. – С тобой невозможно что-то выжать, – он цокает языком и отводит от Мими взгляд.

– Я не виновата, что у тебя на уме одни ужастики и порнушка, – она обиженно складывает руки на груди, демонстративно отворачиваясь. – Хочу прогуляться, – внезапно заявляет она, но её идею никто не оспаривает.

Мы оказываемся в уютном дворике общежития, где студенты уже усиленно готовятся к началу учебного года – кто-то читает книги, сидя на пока ещё зелёной траве, кто-то ведёт увлеченный диалог с друзьями, удобно расположившись на деревянных скамьях, а кто-то просто снуёт туда-сюда от скуки.

Замечаю внезапно изменившееся лицо Мими, – с расслабленно улыбающегося на, видимо, раздражённое и недовольное – когда она смотрит в сторону одной из скамеек. Ади смотрит туда же, куда и его подруга, и вздыхает. Сэми будто безразлично складывает руки в карманы белоснежных брюк, но мне кажется, что за этим скрывается нервозность.

– Что не так? – спрашиваю я, когда они останавливаются посреди дороги.

Вот и прелести новых знакомств – поначалу часто не понимаешь многого. Ты не знаешь, о чём идёт речь, пытаешься угадать, кому можно доверять, а кому – нет.

– Ости, – называет Мими знакомое уже мне имя и указывает взглядом на ту самую девушку, которую я видела несколькими часами ранее в коридоре.

Она находится в компании того же парня. Я чувствую, как удивлённо ползут вверх мои брови: она что, настолько себя не уважает? Как после всего того, что он наговорил ей, Ости может так унижительно ластиться к нему?

«Это выглядит так глупо, – проносится в моей голове, хотя я, наверное, не могу судить из-за незнания подробностей. – Если бы кто-то разговаривал со мной в подобном тоне, как это делал Люци с Ости, я не позволила бы себе даже думать о том, чтобы навязываться к нему. Тем более, когда его равнодушие к ней настолько откровенное, что его ощущаю даже я!»

– Лучше не пересекаться с ней, ничем хорошим это не закончится, – остерегает Сэми, видимо, желая избежать конфликта.

– Мы же не будем избегать её всегда, – подключается Ади.

– Ты забыл, чем закончилась наша последняя встреча? – шипит Мими на него, но у меня появляется чувство, что она обращается ко мне – так угрожающе она это делает.

Пока Мими, Ади и Сэми решают, что делать дальше: уйти или остаться, никто не замечает, как Ости подходит вплотную к нам, пожертвовав ради этого даже компанией Люци. Её вид куда более самодовольный, чем в нашу первую встречу, пусть и заочную. Глаза хитро и даже высокомерно про-

ходятся по каждому из нас, после чего она откидывает длинные волосы за плечи.

– Какая встреча, – Ости насмешливо улыбается, словно хищник, наблюдающий за добычей, и складывает руки на груди. – Якшаешься с Непризнанными, малышка Мими?

Почему-то после этого вопроса выражение лица Мими кривится ещё больше, и сначала мне кажется, что это из-за меня, но после понимаю, что дело в другом.

– Не смей так называть меня, – сквозь зубы проговаривает она. Видимо, это что-то важное для неё. – Расстроилась, что Люцифер снова отверг тебя? Иди дальше бегать хвостиком за ним, а меня не трогай, – может, пользы тебе больше будет.

– Странно просто, что ты, так дорожающая своей репутацией, держишь рядом с собой её, – она игнорирует слова Мими о Люцифере и с отвращением смотрит на меня, но прежде, чем я, рассерженная её поведением, успеваю вклиниться в диалог, слышу позади себя знакомый низкий голос.

Ости вмиг замолкает, сконфуженно поджимает губы и отводит теперь уже не уверенный взгляд в сторону.

– Любительницу подслушивать, – дополняет внезапно появившийся Люцифер, и я оборачиваюсь, чуть не врезавшись в него. Только сейчас замечаю, что шея и грудь его полностью покрыты татуировками: одна пуговица рубашки растёгнута, и из-под одежды виднеется нарисованный череп. – Тебя не только не подслушивать, но ещё и не пялиться не учили?

– Хочешь преподать мне урок этики? – поднимаю взгляд, отрываясь от его, откровенно говоря, привлекательных тату, и замечаю, как вся компания с удивлением наблюдает за нами. Что ж, в первый же день поссориться с кем-то, вполне в моём стиле. Не сказать, конечно, что я рада этому, но окружающие и их поведение зачастую вынуждают меня отстаивать свою позицию. Жаль только, что спокойную речь мало кто понимает, и приходится вступать в конфронтацию.

– Тебе бы не помешало, – он сводит брови к переносице и переводит взгляд тёмных глаз, блестящих под яркими лучами солнца, на Мими. – А тебе, кажется, нужны уроки самообладания. Мими, у тебя на лице все эмоции показаны. Не стоит так демонстративно показывать свою злость.

– Решил посоревноваться с Дино и переквалифицировался в психолога?

Не понимаю, о ком она говорит, но это, видимо, задевает Люцифера, и, воспользовавшись заминкой, мы всей компанией уходим следом за Мими. Она громко хлопает дверью, когда мы вчетвером возвращаемся в нашу комнату, и Сэми мягко берёт её за руку в попытке успокоить.

– Не злись ты так, – Ади садится на мою кровать без разрешения, но я, в общем-то, не имею ничего против. – Как будто не знаешь, какой у него характер.

– В том-то и дело, что знаю, Ади! – Мими повышает голос и отстраняется от Сэми, начиная ходить по комнате кругами. – И знаю, что он променял нашу многолетнюю дружбу

на... – она чуть запинаяется и цокает языком. – На компанию Ости!

Мими сжимает челюсти от обиды и поднимает взгляд наверх, делая глубокий вдох, и я замечаю, как в уголках её глаз начинают поблёскивать подступающие слёзы.

– Ненавижу, – она взъерошивает волосы, которые так долго и старательно укладывала, и мы с Сэми и Ади переглядываемся друг с другом. – Мы дружили с самого детства, и что теперь? Это не тот Люцифер, которого я знала. Это эгоист, которому никто не нужен.

Теперь-то я медленно начинаю осознавать, что у них случилось. Обиду Мими можно понять. Значит, моё первоначальное мнение о Люцифере верное? Человек, забывший про свою близкую подругу и так грубо с ней разговаривающий, априори не может быть хорошим.

Мне становится жаль её – чаще всего боль, как ни парадоксально, причиняют именно близкие люди, и тебе либо повезёт смириться с этим, либо придётся мучиться мыслями о том, почему так произошло.

Мы стараемся поддержать Мими, но вскоре она сама переводит тему разговора в более положительное русло, и спустя некоторое время парни решают вернуться к себе в комнату.

– Мими, – обращаюсь я к ней, когда мы ночью лежим в кроватях, – что у вас произошло с Ости? – если с Люцифером пазл сложился, то с ней ещё даже не начал.

– Потом, Ви, – зевнув, отвечает она. – Всё потом...

Решаю больше не донимать её вопросами – она и так почти уснула – и накрываюсь уютным пледом, положив руку под подушку. Завтра первый учебный день в новом месте, и я не имею права облажаться.

Возвращение

Все люди делятся на две категории: те, с которыми легко, и также легко без них, и те, с которыми сложно, но невозможно без них.

Мне никогда прежде не приходилось выступать на научных собраниях, но страха публики я никогда у себя не замечала. Предложение – хотя, скорее, наставление – выступать на конференции ничуть не подкосило меня, даже учитывая, что максимальная аудитория, на которую я выступала ранее, – тридцать человек, и те были моими одноклассниками.

Выходить на широкую сцену, позади которой на большом экране проектируется моя презентация, оказывается довольно интересно. Я не переживаю, ведь прекрасно знаю выбранную мной тему, да и тщательная подготовка на протяжении нескольких ночей напролёт лишь придаёт уверенности.

Ни для кого не секрет, что людей встречают по одежке; неприметную девушку в невзрачном наряде, говорящую тихим голоском, да ещё и стоящую в закрытой позе, вряд ли кто-то слушал бы. Мне нельзя облажаться на первой же конференции, так что к своему внешнему виду я подошла со всей серьёзностью. Я разрывалась среди множества вариантов того, что могла бы надеть, но в итоге остановилась на яр-

ко-красном брючном костюме, в придачу к которому я наде-
ла белый корсет.

Стоя перед аудиторией, я отвожу плечи назад и выпрям-
ляю спину. Уверенно смотрю на собравшихся людей, сохра-
няя слабую улыбку на губах. В руках я держу листы с распе-
чатым на них докладом, но надеюсь пользоваться ими не
слишком часто.

– Добрый день, – здороваюсь я, вежливо кивнув присут-
ствующим. – Меня зовут Виктория Уокер. Тема моего до-
клада: «как превратить слово в визуальное волшебство».

Заинтересованные взгляды сидящих в зале студентов и
преподавателей заставляют меня проговаривать информа-
цию чётко и ясно, лишь изредка подглядывая в пригото-
вленный текст. Некоторые, как я замечаю время от времени, да-
же записывают сказанное мной, благодаря чему понимаю,
что выбрала правильную тему и чувствую удовлетворение от
осознания, что мой доклад кому-то интересен.

Рассказываю о том, как важно в наше время создание ори-
гинальных и качественных сценариев, ведь киноиндустрия
развивается с каждым днём всё больше, и всё чаще можно
лицезреть на экранах банальные и неинтересные фильмы. Я
считаю, что хороший сценарий – ключ к успеху любой кар-
тины, ведь без него никакой визуал и идеально подобранный
каст актёров не поможет добиться того, чего добиваются с
интересными сюжетами.

– В целом, – заключаю я, ходя по сцене взад-вперёд, – в

наше время бóльшее внимание почему-то уделяется красивой картинке. Несомненно, это тоже важно, ведь почти все ведутся на обёртку. Но в погоне за этой самой обёрткой многие забывают об очень важной вещи: о сценарии. Я, как будущий сценарист, хочу обратиться к своим коллегам: пишите качественные сценарии и не забывайте о своей первоначальной роли.

Делаю слабый поклон и громко выдыхаю.

Я справилась. Я сделала всё, что хотела и должна была. Громкие аплодисменты разносятся по помещению, и я улыбаюсь ещё шире.

Однако всё идёт не так гладко, как я изначально предположила – Люцифер встаёт со своего места на одном из последних рядов. Даже издали я вижу его мрачный взгляд, который не предвещает ничего хорошего.

Чёрт, и как я сразу не заметила его среди присутствующих?

– У меня есть вопрос, – сложив руки на груди, начинает он, а я сдержанно киваю. – Я правильно понимаю, что, по твоему мнению, *самое главное*, – Люцифер интонацией выделяет именно эти слова, и я уже понимаю, что сейчас мне придётся отстаивать свою точку зрения, – в успехе фильма – сценарий? – лёгкая щетина выступает на его лице, придавая возраста, но от Мими я вчера узнала, что Люцифер тоже студент второго курса.

– Я говорила об этом буквально на протяжении всего сво-

его выступления, – холодно бросаю я, не отводя взгляда от чужих наглых глаз, но чувствую, как гневно сжимаются челюсти. – Так что да, я действительно так считаю.

– А что для тебя успех фильма? – вызывающе спрашивает он.

«Неужели думает, что у меня не найдётся ответа?» – я сдерживаю усмешку и вместо этого начинаю спокойно отвечать.

– Успех фильма для меня – это, прежде всего, связь со зрителем. Он должен не только вызвать интерес, но и заставить задуматься над поднятой темой. Популярность и количество просмотров, конечно, тоже не менее важны. Чем популярнее картина, тем больше человек увидит фильм. Чем больше человек увидит фильм, тем больше вероятность того, что они задумаются над главной мыслью сюжета.

Люцифер кивает, но его лицо не расслабляется, взгляд при этом всё ещё остаётся недружелюбным, а брови – сдвинутыми.

– Ты затронула столько тем, – он проходится рукой по идеально уложенным волосам, разглаживая их ещё больше, – но ни разу не упомянула, как важен маркетинг для продвижения. Ведь без него никто и не узнает о фильме. Не аннотация, не красивые актёры, а реклама и деньги – вот, что приносит первоначальный успех сюжету. Ты правильно отметила, что люди в основном ведутся на обложку, но ещё больше они ведутся на общераспространённость.

Борюсь с желанием раздражённо закатить глаза и вместо этого выдавливаю очередную улыбку. У меня всё ещё есть аргументы в мою пользу, так что сдаваться я не собираюсь.

– Но я так не считаю, – складываю листы в общую папку, вновь поднимая на Люцифера взгляд. – Известный не значит качественный.

– Интересно, а сколько твои «качественные сценарии» смогут привлечь внимания, если их никто не узнает? – мы уже очевидно начинаем пытаться перетянуть одеяло на себя; никто не готов соглашаться с другим и уступать. – Только наивные идиоты полагают, что в наше время раскрутить что-либо можно без денег и рекламы.

Мне определённно точно не нравится, как настойчиво он пытается осадить меня.

«Так сильно хочет донести свою точку зрения? Или просто относится ко мне предвзято?» – я уже открываю рот, чтобы сказать что-то ещё в защиту собственного мнения, как из-за своего места встаёт взрослый мужчина с густыми чёрными волосами и приметными усами.

– Достаточно, – успокаивает он нас одним поднятием руки, благодаря чему я понимаю, что это один из профессоров. – Спасибо за сообщение, мисс Уокер. Это было познавательно.

Я уважительно киваю, прежде чем забрать все свои материалы и уйти со сцены. Взгляд сам возвращается к Люциферу, и я презрительно оглядываю его довольное лицо. Судя по

всему, его это всё позабавило. В отличие от меня.

«Захотел опозорить меня при всех? Это не будет так просто».

Я выхожу из аудитории, гордясь собой, своей работой, но всё прошло не идеально. Он всё испортил. Люцифер – самая настоящая ложка дёгтя в бочке мёда. Спор с ним совершенно не входил в мои планы. Но ничего, я ещё отыграюсь.

Иду по светлому коридору, сквозь панорамные окна в котором пробиваются лучи яркого сентябрьского солнца, и ищу необходимую аудиторию, где пройдёт первое учебное занятие.

Перемена уже началась, так что на каждом этаже огромное количество студентов, занятых своими делами. Я иду неспеша, внимательно рассматривая обстановку.

Коридоры пусть и широкие, но учащихся всё равно слишком много, и приходится проталкиваться через них, несмотря даже на то, что многие предпочитают сидеть или на подоконниках, или в лаунж-зонах с мягкими на вид красными диванами.

Все пытаются перекричать друг друга, обсуждая с друзьями лекции и семинары, и иногда я встречаю знакомые лица – это присутствующие с конференции. Они совершенно не обращают на меня внимания, отчего я расслабленно выдыхаю в надежде, что никому, кроме меня, Люцифера и профессора, нет дела до произошедшего. В любой другой ситуации я бы обрадовалась тому, что меня запомнили, но точно не сейчас.

За рассматриванием убранства университета, кстати, не особо отличающегося по стилю от общежития, я совсем не замечаю ничего перед собой и ненароком врезаюсь в незнакомого студента. Прежде, чем смотрю на него, начинаю потирать место ушиба на голове ладонью.

– Прости, я не специально, – извиняется он, хотя, по сути, столкновение произошло из-за меня. Я бы могла начать злиться, что из-за него на моём лбу теперь, вероятно, останется ушиб, но, благо, признавать собственную вину умею.

– Ничего, это из-за моей невнимательности, – отмахиваюсь я, произнеся это резче, чем должна была, и только сейчас поднимаю на него голову.

Его небесные глаза с волнением проходятся по мне с ног до головы и я мягко улыбаюсь. Его русые волосы собраны в небрежный пучок, а короткие локоны выбиваются, неаккуратно падая на лицо. Парень поправляет чуть помятую белую рубашку и отряхивает от невидимой грязи серые брюки.

– Ты как, не ушиблась? – заботливо спрашивает он. – Ещё раз извини.

Я несколько раз повторяю, что всё в порядке, а он лишь поджимает пухлые губы, явно чувствуя себя донельзя неловко.

И я не могу отрицать того, что внутри меня разливается тепло из-за этого парня. Такие люди способны поднять настроение, особенно после стычки с Люцифером. Всё же, подобных ему в университете меньшинство. По крайней мере,

я надеюсь на это.

Незнакомец выглядит слишком светло и невинно, чтобы подумать, что он в группе Демонов, – хотя распределение и проходит совсем по другому критерию – и я оказываюсь права, предполагая, что он один из Ангелов.

– Так уж и быть, – шутливо проговариваю я, чтобы разбавить смущённую атмосферу, – в качестве компенсации проводи меня до нужной аудитории, – что ж, двух зайцев разом.

Его глаза загораются, и он начинает интенсивно кивать. Мне нравится, какой баланс создаёт Вселенная: когда кажется, что всё ужасно, она обязательно подкинет что-то, что хоть немного улучшит ситуацию.

– Я Дино, – представляется он, протянув руку. – Со второго курса психологии.

– Вики, – протягиваю руку в ответ и понимаю, что до сих пор не знаю, на кого учатся Сэми, Ади и Мими. – Со второго курса сценарного дела.

Дино по-доброму усмехается по непонятной мне причине, отчего я выгибаю бровь.

– Я знаю, – отвечает он на мой немой вопрос. – Ты же стипендиатка.

Вопросов от этого меньше не становится, и я чуть прокашливаюсь, убирая прядь белых волос себе за ухо. Есть в этом ВУЗе хоть один человек, не знающий, что Виктория Уокер – стипендиатка?

Не то чтобы я была сильно против внимания, но, когда

четверо из шести встреченных мной людей повторяют одну и ту же фразу, это начинает порядком поднадоедать.

Называю Дино номер необходимой мне аудитории, и он ведёт меня в неизвестном направлении, по пути проводя небольшую экскурсию. Он показывает, где находится столовая и уборные, рассказывает больше об устройстве ВУЗа и делится большим количеством новой информации. На пути нам встречается много профессоров, с которыми Дино здоровается сдержанными кивками, однако одного со сдвинутыми к переносице бровями, тронутыми лёгкой сединой, он игнорирует, несмотря на то, что тот довольно громко бросает ему «добрый день». Решаю не расспрашивать его об этом, но любопытство от этого не утихает.

Мы прощаемся у двери в просторную и наполненную светом аудиторию. Он желает мне удачи и, развернувшись на пятках, уходит. Надеюсь увидеться с ним снова – по крайней мере, Дино, кажется, расположен ко мне, а хорошие знакомства не помешают.

Занимаю свободное место за партой, когда аудитория наполовину заполнена студентами, но никто из них не обращает на меня внимания. Подходить первой я не хочу, так что мы так и остаёмся с ними не представленными друг другу, хотя, если уж стипендиаты здесь действительно такая редкость, то они, вероятно, уже знают обо мне.

Вынимаю из кожаной сумки одну тетрадь с ручкой и кладу их на парту, после чего открываю планшет и решаю пора-

ботать над главой, пока профессор ещё не пришёл. Удивительно, но мне почему-то внезапно хочется ввести в сюжет ситуацию, подобную той, что произошла у нас с Люцифером. Не знаю, но, может, это позволит мне выплеснуть эмоции, которыми я пока не могу с кем-либо поделиться. Держать всё в себе не самый лучший вариант, а писательство всегда помогало мне лучше всяких психологов.

– Ты Вики? – спрашивает меня низкий женский голос, когда я заканчиваю описание нового персонажа. Девушка с растрёпанными волосами чуть ниже плеч, одетая в серый брючный костюм, не стесняясь смотрит в экран моего планшета, заставив меня спешно заблокировать его. Как не красиво с её стороны – вторгаться в моё личное пространство. – Я Лора, – представляется она, когда я киваю. – Это Энди, – она указывает в сторону, и только сейчас я замечаю шатена, стоящего рядом с ней.

– Привет, – здоровается он, похоронив мои надежды дописать сегодня хотя бы одну сцену и заставив выругаться не самой цензурной бранью в своих мыслях. – Ты пишешь?

Чудно, Энди тоже подсматривал.

– Мы же сценаристы, – отшучиваюсь я, с натянутой улыбкой откладывая планшет обратно в сумку. – Обязаны писать.

– Над чем работаешь? – Энди, не спрашивая разрешения, садится рядом со мной, и я замечаю, как Лора недоверчиво бросает взгляд на него.

«Стараюсь сдержаться, чтобы не показать своей зло-

сти на тебя и подружку за то, что помешали моей работе».

Теперь я жалею о том, что удивлялась, почему со мной никто не заговаривает. Мне, в общем-то, вполне достаточно знакомства с Ади, Сэми и Мими, так что пока нужды в общении с кем-либо особо нет. Да и, тем более, с людьми, не соблюдающими личных границ. Я хоть и грезила о том, чтобы найти настоящих друзей, но общаться с кем-то, кто не имеет чувства такта, в мои планы не входило.

– Давай я оставлю это в секрете, хорошо? – писательство – что-то интимное для меня, так что я никогда не стану делиться этим с первым встречным. – Впредь советую не лезть туда, куда не надо.

– А ты ведь Непризнанная, да? – спрашивает Лора; она игнорирует мою колкость в их адрес, переводя фокус внимания на себя. – Мы с Энди тоже, – говорит она ещё до того, как я успеваю что-либо ответить. – На первом курсе удалось пробиться к Ангелам, но сейчас вернулись к первоначальной группе.

Она улыбается, словно радуясь этому, но я её совсем не понимаю. «Непризнанные» даже звучит неприятно, как можно гордиться тем, что ты ничем не отличился в учебном семестре?

Профессор, вошедший в кабинет, становится моим спасением от вынужденного диалога с однокурсниками, и оказывается тем самым преподавателем, который остановил нашу с Люцифером перепалку во время конференции. Как я

узнаю позже, его зовут Винчесто.

Лекцию он ведёт так интересно, что я ни на минуту не отвлекаюсь даже для того, чтобы посмотреть на время, – настолько его речь увлекает. Профессор Винчесто садится на край деревянной парты и не без эмоций рассказывает нам о приёмах драматургии и даже приводит в пример собственные работы, с восхищением зачитывая их всей группе.

Непонимающе смотрю на то, как некоторые заняты своими делами и вовсе не слушают профессора, но мне не должно быть до этого дела. Всё, что должно меня интересовать, – собственные дела.

***

Облачное небо и ослепляющее солнце постепенно сменяются хмурыми тучами, и мелкие капли дождя тихо стучат по окну в столовой, когда Мими повышает на Ади голос и о чём-то спорит с ним, – кажется, это уже четвёртый раз за день. Однако их споры выглядят скорее забавными, чем серьёзными. Сэми же увлечённо читает толстый учебник, перелистывая шершавые страницы одну за другой. Как я поняла по названию, выгравированному на обложке книги, он учится на лингвиста. Осталось узнать, на кого учатся Мими и Ади.

Перевариваю всё произошедшее за полдня, который, кажется, стал насыщеннее, чем прошедший год, и понимаю, что всё произошло совсем не так, как я представляла. Знала ли я, например, что из каждого угла буду слышать «Непри-

знанная» и «стипендиатка»? Конечно, нет. И, если «стипендиатка» звучит как что-то приятное, то клеймо «Непризнанной» меня совершенно не устраивает. А знала ли, что программа здесь в разы тяжелее, чем в моём предыдущем ВУЗе? Несомненно, да, но не думала, что настолько.

«Соберись, Уокер, тебе учиться здесь ещё три года. Ты справишься, нужно лишь привыкнуть ко всему».

Привыкнуть, на самом-то деле, не так просто, как кажется, но я не позволю себе опустить руки или хотя бы допустить мысль о том, чтобы вернуться обратно. В первое время всегда тяжело, я знала, на что иду, так что давать заднюю уже определённно поздно.

Один лишь Винчесто оказался благосклонным не только ко мне, но и ко всем остальным учащимся. Он не выделяет никого из студентов, не относится к кому-то по-особенному – в аудитории для него все равны, и именно таких преподавателей я считаю идеальными. Незачем им выделять для себя любимчиков и делать им поблажки при каждой оплошности только из-за собственного отношения к ним. Никогда не понимала такого и точно не пойму. Ещё во время учёбы в школе я, видя поведение таких учителей, злилась на них, показательно закатывала глаза и не раз вступала в жаркие споры, стараясь отстоять себя и одноклассников.

Ади интенсивно машет рукой перед моим лицом, вырывая из потока мыслей. Несколько раз похлопав ресницами, я взъерошиваю волосы и возвращаюсь в реальность.

– Ви, ты идёшь? – спрашивает он и, следуя примеру Мими и Сэми, встаёт из-за стола.

– Куда? – переспрашиваю я.

Ади недовольно закатывает глаза и цокает языком, возмущённо поднимая широкие рыжие брови, и, видимо, готовится ответить что-то не совсем доброжелательное, когда Сэми нежно берёт его за руку, заставив расслабленно выдохнуть и унять свой пыл.

– В кафе, – спокойно отвечает он, но смотрит не на меня, а на Ади, тепло улыбаясь. – Тут еда не самая лучшая, – Сэми наконец переводит взгляд на меня, и я, пожав плечами, соглашаюсь.

– Будем объективны, – подключается к диалогу Мими, поднимающая чёрную сумку со скамьи, – еда вообще ни о чём.

Выходим из столовой все в приподнятом настроении, несмотря на какой-то очередной спор Мими и Ади, на который Сэми лишь посмеивается. Наверное, в их компании такое общение – норма, но и меня это, в общем-то, не напрягает.

Раскрываем зонты, чтобы не промокнуть под дождём, и ребята делятся эмоциями за день. Мими со странной для меня грустью в голосе рассказывает о том, что ей нравятся занятия по актёрскому мастерству, – раз нравятся, почему её интонация такая разочарованная? – а Ади говорит, что ничего нового – даже поделиться нечем.

– Учёба только началась, а нас уже запрягают теорией по программному обеспечению, – отмахивается он. – Профессора как с цепи сорвались: программу напиши, определение расскажи...

– Ну ничего, – успокаивающе произносит Сэми, – зато потом будешь самым лучшим программистом, – улыбается он, и, кажется, Ади это действительно помогает – по крайней мере, парень расслаблено кивает. – Ты молодец.

– А на кого учиться Люцифер? – как бы невзначай спрашиваю я, но мне действительно интересно, какую специальность он выбрал, раз сегодня так ярко отстаивал важность финансовой составляющей и рекламы. Ставлю на маркетинг.

Для ребят вопрос выходит неожиданным, но я до конца делаю максимально незаинтересованный вид, пожимая плечами. Ади прокашливается, а Мими и Сэми даже останавливаются, с удивлением смотря на меня.

– Люцифер? – переспрашивают они в один голос и абсолютно точно не понимают причины моего внезапного вопроса.

– Да, – подтверждаю я кивком и раздражённо вздыхаю, вспоминая его самоуверенную физиономию. – Он сегодня был на конференции и испортил мне весь доклад.

Мы продолжаем двигаться в сторону кафе, держась подалеже от неглубоких луж, пока я рассказываю ситуацию со всеми подробностями.

– В его стиле, – отвечает Ади, открывая перед нами стек-

лянную дверь с милой вывеской. – Нужно просто смириться: Люцифер никогда не признает чужое мнение.

– Ага, – подтверждает Мими и проходит внутрь. – А, даже если признает, никогда не скажет об этом и будет спорить до конца.

– Он учится на факультете бизнеса и управления, если ещё интересно, – подключается Сэми. – По специальности «финансы и кредит», – дополняет он, и я благодарно киваю.

Внутри кафе оказывается ещё приятнее, чем снаружи: белые диванчики, обитые мягким материалом, а столики покрашены под натуральное дерево в цвет сиденьям. Приглушённое освещение придаёт атмосферы и уюта, и мы, встряхнув мокрую обувь над ковриком, садимся за стол у окна, за которым дождь только усиливается.

Делаем заказ, и милостивая официантка приносит нам его спустя пару минут, вскоре удалившись из поля зрения. Приятный аромат кофе и свежее испечённых булочек заполняет собой всё помещение, даруя чувство пребывания в родном доме, отчего на губах невольно расплывается тёплая улыбка.

«Нужно будет найти свободную минутку и позвонить маме с папой, чтобы поделиться всем», – думаю я, пробуя на вкус эклер с шоколадом. Всё же непривычно, что мне не приходится отчитываться им обо всём на свете, но я искренне хочу рассказать, что происходит в первые учебные дни.

– Совсем забыла! – восклицает Мими, хлопнув в ладоши

после того, как отпивает имбирный чай. – Винчесто сегодня видели с какой-то девушкой, – она откусывает небольшой кусочек ванильного круассана, и взгляд серых глаз устремляется куда-то в сторону, а речь прерывается.

Слежу за тем, куда она смотрит, и замечаю неподалёку от нас Ости и Люцифера, сидящих за столом. Рядом с ними незнакомая мне рыжеволосая девушка, чьё лицо, подобно Ади, украшено россыпью ярких веснушек, но, встретившись взглядом с Мими, она недобро улыбается, игнорируя присутствие собственной компании.

Мими мягко касается руки Ади и резко отворачивается от девушки, смотря в глаза друга так, словно пытается найти в них спасение, после чего шумно сглатывает и вздыхает.

– Значит, это были не слухи, – проговаривает она, не обращая на нас с Сэми внимания. – Она, как и Вики, получила грант на обучение.

– В Нью-Йорке столько университетов, почему именно в наш? – прежний уверенный вид Ади меняется на безысходный, и он сжимается всем телом, бросая в сторону компании короткие взгляды.

Сэми негодуяще смотрит на друзей и, по всему видимому, тоже не особо понимает, что происходит, но предпочитает выжидающе молчать, пока Мими и Ади не решат объяснить всё сами.

– Не знаю, милый, не знаю... – шепчет Мими, не переставая поглаживать ладонь Ади в успокаивающих движениях.

– Что случилось? – решается спросить Сэми, когда Ади предупреждает нас, что отойдёт на пару минут, и встаёт из-за стола.

Я в глубине души благодарю его за то, что мне не придётся узнавать подробности самой.

Мими мнётся, поджимая пухлые губы, по обыкновению покрашенные тёмной помадой, и наматывает длинную прядь волос на палец, явно не желая отвечать. Но под напором наших непонимающих взглядов, смотря в пол, отвечает:

– Видите девушку рядом с Ости и Люцифером? – спрашивает она, на что мы киваем. – Это Ада. Бывшая Ади, – проговаривает она и поднимает взгляд на Сэми, наблюдая за его реакцией.

Серые глаза Сэми темнеют, принимая почти чёрный оттенок, и он сжимает край дивана, на котором сидит, после чего расстёгивает верхнюю пуговицу белоснежной рубашки так, словно ему становится тяжело дышать. Его реакция вызывает во мне только больше вопросов, но я лишь продолжаю наблюдать со стороны.

– Всё хорошо, тебе не о чем переживать, – успокаивающе улыбается Мими, положив ногу на ногу и заметив переживания Сэми. – Они расстались ещё в выпускном классе, так что её возвращение никак не повлияет на ваши отношения.

«Отношения?» – вопрос появляется в моих мыслях сам по себе, и пазл в голове складывается, когда я понимаю, почему парни часто бросают друг на друга томные взгляды, и

почему Ади успокаивается от одних лишь прикосновений Сэми.

Это прекрасно, когда два человека счастливы в отношениях и искренне любят друг друга, независимо от гендерной принадлежности.

Сэми откладывает в сторону свой меренговый рулет, видимо, больше не желая его есть, и пристально наблюдает за Адой, в то время как я больше слежу за Ости с Люцифером. Парень вальяжно сидит на диване, удобно раскинувшись на нём и расставив руки по бокам мягкой спинки, и, кажется, совсем не слушает неумолкающую Ости, которая элегантно сидит напротив него, попивая из кружки горячий кофе, о чём говорит заметный пар оттуда. Она смотрит только на Люцифера, игнорируя присутствие подруги, и продолжает отчаянно пытаться заполучить хоть толику его внимания, однако он не выказывает совсем никакого интереса – так, словно оказался здесь по принуждению.

Я усмехаюсь. Наблюдая за этим, лишь убеждаюсь, что Ости себя совершенно не уважает, иначе бы давным-давно перестала бегать за Люцифером, гордо приподняла бы подбородок и показательно ушла.

В один момент Ада, что-то предварительно сказав своим собеседникам, встаёт из-за своего стола и уверенным шагом направляется к нам. Цокот каблуков на её ботинках раздаётся эхом по всему пространству, когда она походкой от бедра приближается к нашему столику и склоняется над Мими,

оперевшись одной рукой о стол.

– Ну, привет, – здороваётся она приятным на слух голосом, но дерзкая улыбка не предвещает ничего хорошего. – Как дела, малышка Мими? Давно не виделись.

– Проваливай, пока я не вырвала тебе все волосы прямо здесь, – Мими встаёт на ноги, с силой сжимая кулаки и прожигая Аду взглядом.

Ада заливисто смеётся, прикрывая рот рукой, и останавливается резче, чем я ожидала.

– Ты совсем не изменилась, – негромко говорит она на ухо Мими, но мы с Сэми всё прекрасно слышим, переглядываясь друг с другом. – А где Ади? – более вдохновлённо спрашивает девушка, поправив за ухо рыжую прядь. – Я скучала.

Она невероятно красива, и я не могу оторвать взгляд от её голубых глаз, переливающихся в свете тёплых ламп. От улыбки – пусть и неестественной – на худых щеках появляются глубокие ямочки, а шелковистые ресницы, прикрывающие глаза, не требуют макияжа – они и без того прекрасны. Живой пример того, что по обложке судить нельзя – её тон и надменный взгляд свысока вкупе с приподнятым подбородком говорят о том, что она подошла к нам не из добрых побуждений.

– Поплачь, – чересчур грубо бросает внезапно появившийся Ади и садится рядом с Сэми, виновато на него смотря.

– Как некультурно, – Ада наигранно поджимает свои губки, после чего складывает руки на груди, будто больше вы-

пьячивает её из своего глубокого декольте.

– Ты собралась говорить мне что-то о культурности? – Ади иронично улыбается, отрицательно покачав головой. – Избавь меня от этого диалога.

– Неужели ты не скучал? – спрашивает Ада с напускной грустью. Вижу, как Мими старается держаться из последних сил, а Сэми нервно сжимает ткань брюк. Я же, переводя взгляд с одного на другого, пытаюсь понять, в чём суть происходящего. – Или, может, хочешь сказать, что нашёл кого-то нового?

– Хочу и скажу. Кого-то нового, лучшего и самого прекрасного.

Сэми стеснительно краснеет, когда понимает, что речь идёт о нём, и смотрит в пол, пытаясь скрыть смущённую улыбку.

– Познакомишь меня с ней? – Ада больше не выглядит так насмешливо, как раньше, и даже не пытается наигранно смеяться или создавать иллюзию превосходства.

– С ним, – отвечает Ади и, не сдерживая смех, наблюдает за реакцией своей бывшей пассии. – Сэми, ты не против?

Он не успевает ответить – Ади притягивает Сэми к себе за подбородок двумя пальцами и, положив свободную ладонь ему на шею, накрывает чужие губы своими, завлекая в долгий поцелуй. Теперь-то я на сто процентов уверена: они вместе, и это действительно прекрасно, если они счастливы друг с другом.

Когда Ади уверенно отстраняется от Сэми, залившегося алой краской ещё больше, замечаю, что к нам недовольно подходит ещё и Люцифер с Ости, бегающей за ним по пятнам. Не знаю, что между ними, но отчётливо вижу, как безрезультатно девушка борется за внимание незаинтересованного парня даже сейчас, когда ему абсолютно безразлично, идёт она сзади или нет. Ости, кажется, совсем не замечает этого. Пусть так, но, уверена, спустя время это выйдет ей боком и превратится в горькие слёзы – розовые очки всегда бьются стёклами внутрь.

– Тебе заняться нечем? – Люцифер обращается к Аде, сердито сверкая в её сторону глазами. – Оставь их в покое, – он бросает короткий взгляд на меня, и мне даже кажется, что на его губах появляется подобие усмешки, после чего разворачивается на пятках и покидает кафе, а девушки следуют за ним. Не знаю, зачем он помог нам, хоть и довольно своеобразным способом, но это явно спасает ситуацию.

– Я люблю тебя, – выдыхает Ади, смотря в пол так виновато, словно это он был инициатором произошедшей сцены. – Прости меня, – шепчет он, сжав колено Сэми своей ладонью, когда Мими расслабленно вновь садится рядом со мной.

Мими умиляется, смотря на парней, и умиротворённо выдыхает – кажется, она переживает за Ади и Сэми больше, чем они сами.

Мы доедаем заказанную еду и допиваем горячие напитки, больше не обсуждая эту ситуацию, и к Сэми даже возвраща-

ется аппетит, чему нельзя не радоваться. Покидаем здание и возвращаемся в общежитие ближе к вечеру, когда прекращается дождь и только-только выглянувшее из-за хмурых туч солнце вот-вот норовит скрыться за горизонтом, сменившись на этот раз тысячей ярких звёзд.

Ади и Мими умело делают вид, что ничего не произошло, в то время как Сэми ведёт себя непривычно молчаливо, смотря себе под ноги, и я понимаю, что сегодня их с парнем, вероятно, ждёт серьёзный разговор.

– Всё хорошо? – спрашиваю я, проявляя искреннюю заботу – не люблю, когда хотя бы кто-то грустит, особенно если это человек, который всего парой часов ранее был весел.

Ребята замечают это и чуть замедляют шаг, а Ади приобнимает Сэми за плечи.

– Да, порядок, – отвечает он, устало улыбнувшись.

– Мне кажется, ты что-то недоговариваешь, – Ади поглаживает парня по тёмным волосам и коротко целует его в лоб. – Это из-за Ады? – спрашивает он и получает в ответ кивок, отчего чуть нервно вздыхает. – Хочешь поговорить об этом?

– Хочу, – Сэми бросает на нас с Мими виноватый взгляд, но мы лишь понимающе поднимаем руки в знак капитуляции.

– Идите, конечно, – отвечает она и поочерёдно целует каждого в щёку.

– Постараемся не заблудиться без вас, – шучу я и обнимаю

обоих на прощание.

Парни удаляются и скрываются за дверью в общежитие, и мне остаётся только надеяться, что у них всё будет хорошо. Всё же Ади не глупый и, раз уж когда-то решил оставить Аду в прошлом, значит, на то была причина, и её возвращение никак не должно повлиять на их с Сэми отношения.

Во дворике общежития садимся на одну из немногих сухих скамеек и вдали замечаем Дино, появление которого миг поднимает мне настроение. Видимо, Мими тоже с ним знакома, так как дружелюбно машет ему, подзывая к нам. Радостно здороваемся друг с другом и начинаем незамысловатый диалог, но Дино не решает сесть рядом с нами, а лишь стоит напротив, сложив руки в карманы брюк.

– Как первый учебный день? – спрашивает он, а я лишь наигранно вздыхаю.

– Не спрашивай. Фенцио все соки из меня выжал, – говорю про седовласого профессора, которого Дино проигнорировал в коридоре, и он чуть прокашливается, задумчиво водя ногой по сырой земле.

– Папа может, – отвечает он.

Я больно прикусываю губу. Теперь-то всё становится на места. И как я сразу не заметила, что они удивительно похожи!

– Итак, – протягивает Мими, спасая меня из неловкой ситуации. – А как твой день? – спрашивает она у Дино, меняя тему, отчего я расслабленно вздыхаю.

– Ну, – он распускает свой пучок, и теперь золотистые волосы волнами ложатся на его плечи, – мы поссорились с отцом из-за того, что он всё ещё не смирился с выбором моей профессии, – Дино натянуто улыбается, и мы с Мими переглядываемся, сочувственно поджав губы. – Как обычно, в общем. И Люциферу снова стало скучно – сказал, что успел загрустить без меня за три месяца, – усмехается он.

– Люцифер со всеми так общается? – спрашиваю я, сложив руки на груди и чуть поёжившись от внезапно подувшего ветра.

– Не совсем, – уголки губ Мими опускаются, а блеск в глазах пропадает точно не из-за садящегося солнца. – Когда мы дружили в школьные годы, он хорошо со мной общался. Да и сейчас не то чтобы был слишком груб. Но да, в основном общается так со всеми, кроме близкого окружения.

Меня удивляет, скорее, факт того, что Люцифер умеет быть не таким бестактным, а не факт самого признания. Мими горько усмехается, и нетяжело догадаться, что ей действительно обидно оттого, что они перестали общаться, хоть она и пытается скрыть это за болезненной улыбкой и переводом тем.

– Откуда у него близкое окружение, если он такой грубый? – непонятливо спрашиваю я, разведя руками в стороны. – С такими общаются разве что те, кто не любит самих себя.

– Или те, кто смог понять его и причины его поведения, –

невесело улыбается Мими и встаёт на ноги.

– Совсем забыл, – легонько бьёт себя по лбу Дино. – Завтра после занятий будем заниматься волонтерством, а людей катастрофически не хватает. Может, поможете, если не сильно заняты? Мы пойдём в приют и будем заниматься с детишками.

Я хоть и не очень люблю детей, но тепло улыбаюсь – мне кажется донельзя милым, что Дино – волонтер и даже думает о том, чтобы зазывать на общественную деятельность других людей. Заняться всё равно нечем, так что мы с Мими единогласно соглашаемся.

Расходимся по своим комнатам в общежитии, а Мими решает проверить парней перед сном, так что к нам я возвращаюсь одна, устало бросив сумку на пол. Вспоминаю о том, что уже на завтра нужно делать домашнее задание, и издаю вымученный стон, садясь за рабочий стол и вынимая планшет, на котором и буду работать.

Открываю файл, в голове воспроизводя слова профессора о том, что нам нужно написать короткий сценарий для постановки в театре, и мгновенно появляется идея о том, как это можно использовать. Так как Мими учится актёрскому мастерству, было бы неплохо, если бы она согласилась поставить сценку для детей в приюте, а я бы помогла ей с подготовленным сценарием – так и выгоду от задания получу, и Дино помогу.

Мысли и идеи появляются быстрее, чем успевают печат-

тать пальцы, и я чувствую себя в этом состоянии очень спокойно и комфортно, когда текст в силу вдохновения идёт быстро и легко. Жаль, но так бывает далеко не всегда – сейчас мне просто повезло.

Я пишу о том, как главный герой, маленький мальчик, впервые выходит из дома без родителей и знакомится с миром в одиночку, в какой-то степени олицетворяя меня. Стараюсь расписывать всё подробно, чтобы в последующем Мими было не тяжело представить героев такими, какими их задумала я. А сложность в написании текста заключается в том, что у меня есть ограниченное количество слов, и выходить за пределы, к сожалению, нельзя.

Мягкий свет от настольной лампы освещает только нужное мне пространство, а потому я, увлечённая заданием, не сразу замечаю, что дверь в комнату открыта.

Люцифер стоит в проходе. Он бесцеремонно опирается о дверной косяк, даже не спросив разрешения, и, сложив руки в карманы, проходит внутрь под моим возмущённым взглядом. Его неожиданное появление пугает меня, но я сдерживаю испуганный вскрик в попытке сохранять самообладание.

– Мими нет? – спрашивает он, осматривая всю комнату, и включает основной свет, отчего я с непривычки сощуриваю глаза.

– Спряталась от тебя под кроватью, – встаю из-за стола, отложив планшет в сторону, и одним нажатием на выключатель вновь погружаю комнату во тьму. – Нет её, – цокнув

языком, отвечаю я и сажусь обратно за стол.

– Шутки шутишь, – усмехается он и садится на кровать Мими, но я ничего не отвечаю, отвернувшись спиной и продолжая работать над сценарием. – Ясно. Я подожду её здесь.

Во время работы боковым зрением замечаю, как Люцифер ходит по комнате взад-вперёд, измеряя её шагами, и время от времени берёт в руки какие-то вещи с полка Мими, внимательно рассматривая их. Больше внимания он уделяет детской фотографии на её рабочем столе и, заметив это, я поворачиваюсь к нему лицом, с удивлением отмечая тёплую улыбку на его губах.

Пожимаю плечами, как бы говоря самой себе: *«не моё дело»*, и вновь погружаюсь в выдуманный мной мир. Время за набором букв проходит слишком незаметно, и я не сразу реагирую на то, что где-то около уха чувствую тёплое дыхание. Внутри всё сжимается: Люцифер уже не одну минуту стоит рядом и вчитывается в то, что я пишу.

Слишком близко. По телу бегут мурашки от ощущения его близости.

«Вики Уокер, какого чёрта ты так реагируешь?» – проносится в моей голове.

Я резко встаю на ноги, но это не помогает сравнить наш рост – он намного выше меня.

– Тебе бы не помешали уроки этики, – недовольно говорю я, возвращая ему его же слова. – Подсматривал?

Я вспоминаю Энди и Лору. Что же всем так не терпится

залезть в моё личное пространство?

– Просто решил посмотреть, будет ли твоя новая работа качественнее утреннего доклада, – в его глазах словно пляшут черти, и это раздражает. Как кому-то может так сильно нравиться действовать людям на нервы? – И, знаешь ли, сценарии у тебя получаются гораздо лучше. Но, честно говоря, я бы посоветовал...

– Засунь себе эти советы в задницу, – перебиваю его я, ткнув длинным ногтем Люциферу в грудь и пересилив себя, чтобы снова не засмотреться на татуировки. – И вообще, почему ты оказываешься везде, где есть я?

– А может, это ты оказываешься везде, где есть я, Непризнанная? – он выделяет интонацией последнее слово, отчего я кривлюсь, после чего хватает мою руку и убирает от своей груди. – Послушала бы разбирающихся людей, может, научилась бы чему.

– Не строй из себя профессионала не в своей области, – отхожу от него в сторону и блокирую планшет, чтобы больше не было возможности ненароком увидеть что-то лишнее.

– Так ты уже пробила, где я учусь, – Люцифер довольно улыбается во все тридцать два, вновь приближаясь ко мне. – Я хоть и не сценарист, но вот Асмодей, мой лучший друг, к слову, твой однокурсник, – так вот, о ком говорил Сэми. Что ж, пока в моей голове не очень умещается, как хороший, по мнению Сэми, человек может быть лучшим другом Люцифера. – И, поверь, о вашей специальности я знаю больше,

чем ты думаешь. Так что, если не хочешь облажаться перед профессорами, лучше раскрой антагонистов подробнее. Порой и их можно понять, если углубиться в историю.

Ничего не отвечаю, потому как Мими, внезапно вошедшая в комнату, избавляет меня от этого. Она включает свет, заставляя меня вымученно застонать, когда мои глаза начинают неприятно пощипывать от неожиданной яркости, и негодуя застывает в проходе, наблюдая за тем, как Люцифер нависает надо мной с недовольным выражением лица.

– Наконец-то, – он отстраняется от меня и идёт теперь уже к Мими с таким невозмутимым видом, что я расслабленно выдыхаю. – Кроули просил передать, что драмтеатр снова проводит набор желающих.

– Спасибо, но я уже не хочу туда идти, – Мими аккуратно опускает свою сумку на пол рядом с моей и с усталым видом садится на кровать.

– Вот ему и скажешь, – отвечает Люцифер у выхода. – Я вам не почтальон.

– Ты ради этого ждал её час? – удивлённо спрашиваю я. – Не легче было передать через меня?

– Так бы ты не получила от меня бесценный совет, – подмигивает он. – Спокойной ночи, малышка Мими, – говорит Люцифер, но Мими лишь кивает, не запрещая ему так называть себя, как это было в случае с Ости. – Спокойной ночи, Непризнанная, – добавляет он и закрывает за собой двери до того, как я успеваю возмутиться.

Мы с Мими переодеваемся и поочерёдно принимаем душ. Стоя под струями горячей воды, смываю с себя остатки эмоционального дня с пониманием, что теперь мои дни, должно быть, всегда будут такими разнообразными, – никаких больше посиделок дома в одиночестве – и я даже не знаю, нравится мне это или нет.

Выхожу из ванной в уютной пижаме, когда Мими наносит на лицо ночной крем, после чего выключаю свет и ложусь в кровать, к которой даже не пришлось долго привыкать. Соседка повторяет за мной, выключив ночник.

– Как Ади и Сэми? Всё решили? – спрашиваю я до того, как мы начинаем засыпать.

– Конечно, – отвечает она, ворочаясь в постели. – Иначе и быть не могло. Я даже не знаю, что должно произойти, чтобы их рассорить.

Это меня радует – не хотелось бы, чтобы счастливая на вид пара распадалась из-за возвращения бывшей одного из них.

– А ты почему отказалась от театра? – меня действительно волнует этот вопрос, учитывая, что Мими учится на актрису. Мне кажется, было бы неплохо попрактиковаться.

– Я думала пойти в прошлом году, но мне сказали, что первый курс – слишком рано, – начинает рассказ она, а я удивляюсь тому, как быстро соседка начинает мне доверять. – Это было моей мечтой с самого раннего детства. Впрочем, неудивительно, что я выбрала именно эту профес-

сию, – не вижу, но слышу по голосу: она улыбается. – Но, видимо, не судьба. Мы в школе дружили с Адой, но после её расставания с Ади я сразу же оборвала с ней общение. Она общалась с Ости и решила отомстить мне через неё, – Мими сглатывает и, видимо, не очень хочет рассказывать это, но всё же продолжает. – Ости подговаривала своих друзей, чтобы те прилюдно высмеивали меня за выбор профессии, за то, чем занимаюсь. Я не обращала внимания, а потом... – она резко замолкает и прокашливается. – Потом распустили слух, что я снималась в порнофильме. Нашли актрису, похожую на меня, с помощью фильтров более-менее скрыли лицо и показали всем. Меня стали обходить стороной, говорить, что это единственные фильмы, в которых я буду сниматься. Я восстанавливала репутацию около полугода и даже хотела перевестись, но Ади и Сэми уговорили не делать этого.

– И правильно, – отвечаю я, когда понимаю, что рассказ окончен. – Ты поэтому так расстраиваешься, что Люцифер общается с Ости?

– Да... – тихо отвечает Мими. – Он поддерживал меня в то время, в начале первого курса, а потом медленно отдалился и стал проводить больше времени с ней. А теперь ещё и с Адой... Представь, что твой лучший друг общается с теми, кто загубил твою детскую мечту, не расстраивалась бы ты?

– Мими, – я встаю с кровати и сажусь к ней, мягко поглаживая. – Никто, слышишь, никто не имеет права лишать тебя твоей мечты, – строго проговариваю я. – Таких, как Ада,

могут быть десятки, а мечта – она одна. И к ней нужно идти, несмотря ни на что. Это твоя жизнь, и то, как ты будешь её проживать, решать только тебе. Нельзя сдаваться, ясно? – треплю её по волосам и слабо улыбаюсь. – Пошли всех, кто пытается помешать, в задницу, и делай то, что велит сердце, – коротко целую её в макушку, чувствуя запах сладких малиновых духов, и ложусь обратно в кровать в надежде, что мои наставления хоть как-то повлияют.

– Мне не хватало этих слов, – выдыхает она. – Спасибо, Ви, я подумаю над этим, когда отдохну, – Мими зевает, и я принимаю это как знак окончания разговора.

Остаётся лишь верить, что Мими выберет себя и сделает то, чем действительно хочет заниматься, а не пойдёт на поводу у общественного мнения. Какая разница, кто как проживает эту жизнь, если конец у всех одинаковый?

Милосердие

Каждый из нас носит в себе и ад, и небо.

Мими ещё спит, сладко посапывая и накрывшись пледом с головой от ярких солнечных лучей, когда я набираю номер папы. У меня так и не было ни секунды позвонить родителям за эти два дня, и отчего-то чувствую, что, если не поговорим сейчас, следующая возможность представится не скоро.

Длинные гудки наконец прекращаются, и на экране появляется папино сонное лицо. На моих губах невольно проскальзывает улыбка. Всё же хорошо, что у меня нет ни единой свободной минуты – так хотя бы не остаётся времени на мысли о доме. Не остаётся времени на то, чтобы скучать.

– Привет, доченька, – он вяло потирает глаза и надевает очки для зрения, чтобы лучше меня видеть. Замечаю, что папа ещё лежит в кровати, что удивительно: мама всегда поднимала нас с ним на ноги не позже семи часов, и я, конечно, никогда не была этому рада.

Его лицо и мягкий тембр голоса – всё, что мне нужно, чтобы понять, что я всё же соскучилась по дому за столь короткое время.

«Не оглядывайся на прошлое. Только вперёд», – я стараюсь гнать унылые мысли прочь.

– А где мама? – спрашиваю я шёпотом, чтобы не раз-

будить Мими, удобно устраиваясь в собственной постели и сложив ноги под себя. – Сегодня праздник какой-то, что она разрешила тебе поспать подольше? – улыбаюсь, всматриваясь в задний фон на видео папы: на прикроватной тумбочке неряшливо разбросаны разные бумаги, вероятно, рабочие, но это вызывает у меня лишь больше вопросов.

Мама всегда против хлама, что могло измениться за два дня моего отсутствия?

Папа прокашливается и, взяв в руки стакан воды, делает небольшой глоток, после чего серьёзно смотрит на меня.

– Ты совсем выросла у нас, Вики, – он вновь улыбается, отчего вмиг появившиеся морщины на лбу разглаживаются. – Мама уехала по делам. А как твои дела? Как книга?

Он меняет тему слишком быстро. Не в стиле папы резко переключать один разговор на другой. Не хочет, чтобы я заподозрила что-то неладное. Кажется, от меня что-то скрывают. И, видимо, это что-то – очень важное.

– Я почти не пишу, – отвечаю я, притворяясь, словно ничего не заметила. Нужно будет позвонить маме и попытаться расспросить её: ненавижу оставаться в неизвестности. – Времени нет.

– Ничего, скоро выходные. Главное, не забывай писать.

Мы разговариваем ещё с пару минут, после чего я смотрю на электронные часы и понимаю, что скоро нужно выходить. Диалог с папой оставляет после себя неприятный осадок. В голову закрадываются самые разные мысли. Набираю номер

мамы, как и планировала, но она не отвечает, а в переписке такое спрашивать бесполезно. Если уж что-то действительно произошло, она либо соврёт, сказав, что мне кажется, либо и вовсе проигнорирует.

Мими садится на кровати, когда я откладываю телефон в сторону, и, зевая, потягивается.

– Уже проснулась? – спрашиваю я и складываю в сумку необходимые тетради.

– Поспишь тут, – недовольно бурчит она. Нужно будет запомнить, что у Мими очень чуткий сон. – Ты что, пишешь книги?

Она медленно встаёт и идёт к зеркалу, сразу же принимаясь расчёсывать волосы.

Вздыхаю, понимая, что всё больше и больше людей узнают о моём хобби то ли из-за моего неумения скрываться, то ли из-за их неумения соблюдать личные границы. С другой стороны, я сама виновата, что говорила об этом при Мими – не закрывала бы она уши же, в самом деле.

– Пишу, – честно отвечаю я и захожу в ванную, чтобы сменить ночную одежду на кожаную юбку и вязаную красную водолазку.

– Ничего себе, – Мими заходит ко мне и по моей просьбе помогает собрать волосы в какую-то незамысловатую причёску. Кажется, она действительно разбирается в стиле. – Я не очень люблю читать, если честно, – говорит сквозь зубы, удерживая в них резинку, когда плавными движениями

пальцев пытается придать моим волосам форму, – в отличие от Сэми. Но твою книгу почитала бы.

Мими умело справляется с задачей, аккуратно собирая пряди у висков назад и завязывая их резинкой в короткий, насколько это позволяет длина волос, хвост. Чёлку она чуть взъерошивает пальцами, придавая ей объёма.

– Спасибо, – я благодарю Мими, любуясь в зеркало со всех сторон. – Честно говоря, я не очень люблю показывать кому-то то, что пишу, – поджимаю губы и беру в руки тушь, не отрываясь от зеркала.

– Боишься критики? – спрашивает она и тоже приступает к макияжу.

– Нет, – признаюсь без тени лжи: я вроде не глупая и прекрасно понимаю, что у каждого человека свой вкус. А *объективная* критика, напротив, хорошо – она помогает понять свои ошибки и исправить их. Я аккуратно вывожу слабые стрелки, после чего наношу на губы почти прозрачный блеск. – Просто это что-то... Личное.

– Поняла, тогда не давяю, – Мими смотрит на меня, чуть поджав губы и сощулив взгляд. – Когда-то я сделаю тебе макияж сама, – в её глазах словно мелькают маленькие дьяволята, отчего я смеюсь. Впрочем, я только за.

После того, как окончательно собрались, мы прощаемся до обеда и расходимся в разные стороны. Дино сказал, что после занятий пойдём в приют к детям, и я поделилась своей идеей о спектакле. Мими с радостью согласилась поставить

сценку после того, как прочитала сценарий, а Дино, кажется, очень обрадовался и поблагодарил за помощь. Что ж, остаётся надеяться, что профессор оценит написанное мной по достоинству.

Всё же я решила воспользоваться советом Люцифера: его идея звучала достаточно благоразумно, и, думаю, после редактирования сюжет приобрёл новый смысл. Он оказался прав. Если знать историю антагониста, его можно понять. Мы не можем осуждать человека, не зная, что ему пришлось пережить. Мими сказала, что близкими Люциферу становятся те, кто сумел понять его. Может, давая мне совет, он ненароком имел в виду себя? Интересно, сколько потребуется времени, чтобы узнать всех поближе и подружиться с ними?

В аудитории я вызываюсь отвечать по домашнему заданию второй. Профессор Мисселина хоть и кажется доброй и снисходительной, мне всё же нужно поглубже изучить её как преподавателя. У каждого человека можно найти рычаги давления, если более-менее составить для себя их цельные образы. Так, например, на маму, в отличие от отца, жалость не работает – ей нужны весомые аргументы, если хочешь что-то получить, и мне нужно понять, что жалуется Мисселина, а что с ней не работает.

Она внимательно слушает меня, время от времени поправляя белый шёлковый платок на своих светло-русых волосах. Благодаря её ласковой улыбке я чувствую себя увереннее. Я поняла после первого отвечающего: даже если

сценарий, откровенно говоря, плохой, Мисселина исправит ошибки настолько мягко, насколько это возможно, чтобы никого не обидеть и не расстроить. Пусть я и люблю объективную критику, её подход к студентам меня, впрочем, устраивает.

– Итак, – ангельским голосом начинает она, когда я заканчиваю зачитывать сценарий. – Ты молодец, Виктория. Отдельно хочу отметить: то, что ты в такой короткой работе умело раскрыла всех персонажей, их мотивы и характеры, даёт преимущество и показывает, что ты действительно знаешь, что делаешь, – Мисселина слабо касается моего плеча в знак поддержки. – И молодец, что показала антагонистов с другой стороны, чтобы зритель мог посмотреть на ситуацию не только от лица главного героя.

Работу оценили по достоинству. Я более чем горда результатом. Конечно, сценарий не вышел бы таким же хорошим без совета Люцифера, но обязательно ли ему об этом знать?

Нет, иначе зазнается.

«Что же, Вики, так держать, – сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя, и это прекрасно усвоила ещё в школьные годы».

Следующее занятие – совмещённая с другими факультетами лекция по социологии. Для меня эта дисциплина, честно признаться, довольно интересна, так что захожу в аудиторию в предвкушении, держа в руках картонный стаканчик с горячим кофе.

Лекционная аудитория отличается от тех, где мне уже удалось побывать: парты возвышаются одна за другой, а солнечные лучи пробиваются сквозь окна, расположенные под высокими потолками. Профессора ещё нет, так что я спокойно поднимаюсь наверх в поиске свободного места и замечаю за одним из столов Люцифера, сидящего в полном одиночестве и перебирающего страницы толстой книги. Он выглядит таким спокойным и уверенным, что мне становится не по себе и хочется исправить это. Такие, как Люцифер, должны знать, что их поведение не будет всегда сходиться с рук, а потому в моей голове появляется чудесная идея.

«Каждый раз при наших встречах он то и делает, что рушит моё спокойствие, – проскакивает в голове словно призыв к действию. А испорченное с утра настроение только добавляет желания совершить задуманное. – Если он всё время позволяет себе провоцировать меня, то почему я не могу сделать того же?»

На губах невольно проскальзывает усмешка, после чего я уверенно направляюсь к нему. Сажусь рядом с таким непринуждённым видом, на который только способна, и кладу свои вещи на парту рядом. Люцифер лишь отвлекается от книги, вопросительно выгнув бровь. Однако ни он, ни я не успеваем вставить и слова: внезапно подошедшая Ости опережает нас и выглядит куда более возмущённой, чем Люцифер. Её пухлые губы украшены яркой помадой бордового оттенка, а зелёные глаза выделяются на фоне тёмных теней.

«Интересно, она проводит всё утро перед зеркалом ради Люцифера или ради себя?» – вопрос, скорее, риторический. Ответ знает каждый.

– Непризнанная, что здесь забыла? – она складывает руки на груди, выпрямляя плечи, и с явным отвращением смотрит на меня сверху вниз.

– У меня здесь лекция. Неожиданно, правда?

– Я сижу с Люцифером. Всегда.

Ости готова вцепиться мне в волосы прямо сейчас, на глазах у всех, я чувствую это, видя её разъярённый взгляд.

Ох, дорогая, зачем же так явно демонстрировать свои чувства к нему?

– Ости, – расслабленно протягивает Люцифер, подперев руками подбородок, – сядь сегодня с кем-нибудь другим. Это же не конец света.

Люцифер говорит это настолько равнодушно, что появляется ощущение, словно он либо слепой и не видит, как трепетно Ости к нему относится, либо специально издевается над ней. Скорее, второе, ведь и дурак поймёт, что она к нему неровно дышит.

Однако меня изумляет не отношение Люцифера к Ости, нет. Что по-настоящему удивительно – направляясь к нему, я была почти на все сто уверена, что он снова вступит в перепалку и будет демонстрировать своё невежественное поведение, а его добровольное решение позволить мне сидеть рядом совсем не входило в мои планы. Хотя «позволить»,

наверное, не особо подходящее к этой ситуации: не то чтобы я собиралась спрашивать разрешения.

– Знаешь, что... – голос Ости дрожит, и она не заканчивает предложение.

Она оскорблённо вздирает подбородок, когда в глазах предательски проблескивают слёзы.

Ости разворачивается на пятках, удерживая на сгибе локтя увесистую на вид сумку, после чего я поворачиваюсь лицом к Люциферу. Он выглядит вполне довольным собой, чтобы можно было подумать, что ему хоть сколько-то жаль девушку.

Я более чем уверена, что это не первая ситуация, которая кончается слезами Ости, и точно так же уверена, что она не последняя. Пока девушка не поймёт, что никто не будет с ней всю жизнь, кроме неё, она будет платить за это собственным моральным состоянием, всё больше и больше опускаясь на дно.

Но я не буду на этом заикливаться. Слёзы Ости – только её проблема.

Наверное, её можно было бы пожалеть при иных обстоятельствах. Невзаимные чувства – это всегда дерьмово. Но, с другой стороны, Люцифер не виноват в том, что не испытывает по отношению к ней того же. Зачастую чувства управляют нами, и мы не в силах их контролировать, однако способны контролировать собственное поведение. Ости, видимо, этого не делает, так отчаянно унижаясь перед объектом

воздыхания даже тогда, когда видит, что ему это абсолютно неважно.

– Предпочитаешь мою компанию Ости? – усмехаюсь я, выныривая из размышлений и вспоминая недовольный взгляд Люцифера, как только место рядом с ним оказалось занято мной.

– Не обольщайся, Непризнанная, – Люцифер отворачивается от меня и вновь погружается в чтение. – Девочка просто слишком привыкла к моей компании, пора показать ей, что так не будет вечно, – бросает он, даже на секунду не оторвавшись от книги.

Непонимающе хмыкаю, сложив ногу на ногу, отчего чёрная кожаная юбка чуть задирается.

– Ты ко всем так безразличен? – спрашиваю я, выдернув книгу из рук Люцифера, и ему это явно не нравится.

– Нет, конечно, – иронично усмехается он. – Сейчас, например, я небезразличен к тому, что ты забрала у меня мою вещь, – его взгляд темнеет, а ухмылка, несмотря на это, никуда не исчезает.

Отдаю ему книгу с осознанием, что диалога не получится, – он совершенно не настроен на это – и встаю на ноги, взяв в руки все свои вещи с намерением сесть за другой ряд. Он не идёт навстречу, а разговаривать сама с собой я не особо хочу. Неужто Люцифер так взъелся из-за того, что я подслушала их диалог?

«Он провоцирует меня со спокойной душой – видит, что

я ведусь на его уловки, – осознаю я. – Но сам же на них не ведётся. Тогда мне здесь делать нечего».

– Я не люблю слабость, а Ости – сплошное её проявление, — Люцифер не удостаивает меня и взглядом, но заставляет остановиться спиной к нему и внимательно вслушиваться в его слова. Он не осматривается по сторонам в страхе быть услышанным девушкой, отчего я понимаю, что она, вероятно, и так знает его точку зрения. – Может, сядешь обратно и не будешь привлекать внимание профессора?

Только сейчас замечаю темноволосого мужчину в возрасте, что раскладывает материалы к лекции за своим столом и извиняется за опоздание. Цокнув языком, недовольно сажусь обратно со сложенными на груди руками.

– И не пытайся больше разгадать меня, ясно? – шепчет Люцифер прямо около моего уха, из-за чего я покрываюсь мурашками. Голос его всё так же не дружелюбен.

Он переводит взгляд на профессора и, подобно мне, начинает записывать тему лекции.

– Ну уж нет, – с лёгкой улыбкой отвечаю я. – Ты сам начинаешь раскрываться, когда я пытаюсь понять, что у тебя в голове, а это слишком интересно, чтобы прекращать.

– Заинтересована во мне? – играя бровями, спрашивает Люцифер, но от тетради взгляд не отнимает.

Я ничего не отвечаю – он слишком самовлюблён, чтобы принять тот факт, что кто-то может быть заинтересован в чём-либо кроме него самого, и я тешить его самолюбие не

собираюсь, полностью концентрируюсь на теме лекции.

Следующие сорок минут проходят за написанием конспекта: да уж, профессор действительно не скуп на термины. Время от времени невзначай заглядываю в тетрадь Люцифера, где ровными линиями выведены все буквы, отчего текст на его бумаге читается гораздо легче моего, и я невольно начинаю сравнивать каждую букву со своей.

– Итак, – заключает профессор, как я узнала, Геральд, сложив руки в замок. – Подведём итоги нашей лекции. Мы пришли к выводу, что в современном обществе всё больше и больше людей придерживаются мнения, что равенство полов необходимо, и стараются уходить от устоев патриархата. Может, кто-нибудь хочет высказаться на эту тему?

Как по мне, этот вопрос довольно неоднозначен, но в случае обсуждения его со старшим поколением. То есть, думаю, в наше время у всех успело сложиться практически одно и то же мнение, и дискутировать тут не о чем, однако Ости, вставшая с места и элегантно сложившая ладони на парте, заставляет меня удивиться.

– По-моему, идея равенства полов не так хороша, как думают многие, – начинает она, чуть прокашлявшись и бросив короткий взгляд на нас с Люцифером. Он, подобно мне, подпирает рукой голову и поворачивается назад, чтобы видеть девушку. – Нельзя отрицать, что женщины отличаются от мужчин – не только физически, но и психологически. И, как по мне, структура семьи, где мужчина – добытчик, а

женщина – хранительница домашнего очага, самая лучшая.

Я усмехаюсь. Это бред.

С позволения профессора я поднимаюсь на ноги, чтобы отстоять противоположную точку зрения.

– Но мы уже давно не живём в пещерах, где приходится ждать, пока мужчина добудет пищу, – складываю руки на груди, обводя Ости недоброжелательным взглядом. Что ж, неудивительно, что она так податливо бежит за Люцифером. – Сейчас мужчина, запрещающий своей любимой работать, прикрываясь этими устоями, в любой момент может уйти из семьи, оставив женщину ни с чем. Ты учишься в этом университете только потому, что в прошлом велась активная борьба за равноправие, и только после неё девушкам было разрешено получать образование наравне с парнями.

Вижу довольное лицо профессора и вдохновляющий кивок – кажется, он согласен со мной, хоть и не может открыто выразить своё мнение в пределах лекции.

– Тебе не кажется, что так женщины теряют уникальность? – Ости прожигает меня своим взглядом, и я не могу оторвать глаз от её восхитительного макияжа. – С появлением равноправия мы потеряли традиционные ценности, а девушки и вовсе перестали быть теми нежными, мягкими и заботливыми созданиями.

«Интересно, и в чём же, дорогая, проявляется твоя уникальность? В гонке за внимание Люцифера?» – не будь мы в аудитории, где присутствует профессор, я бы задала этот во-

прос вслух. – *Лучше уж быть сильными, решительными и независимыми «созданиями» и нравиться, прежде всего, самой себе, чем терять индивидуальность и растворяться в другом человеке».*

Громко вздыхаю, стараясь сохранять самообладание, чтобы не перевести дискуссию в откровенный спор. Конечно, у каждого есть своё мнение, но, раз уж у меня есть возможность его отстаивать, почему нет?

– Уникальность девушек, Ости, не заключается в том, чтобы быть нежными и обхаживать мужчин, – кажется, она забывает об однополых парах в нашей стране. Интересно, если бы я задела этот вопрос, как она отвечала бы? Кто, по её мнению, в паре девушек был бы «добытчиком», а в паре парней – «хранительницей домашнего очага»? – Мы все, – обвожу аудиторию взглядом, указав на заинтересованных студентов рукой, – индивидуальны. Независимо от пола. Одно дело, если девушка сама выбрала быть домохозяйкой, другое – если это навязанный обществом стереотип. И никто из нас не обязан подстраиваться под кого-то просто для того, чтобы понравиться. То, что цель жизни, – рожать детей и выходить замуж, во всём беспрекословно соглашаясь с мужем, очень глупо, как по мне. У каждого из нас – неважно: мужчина ты или женщина, – своя цель. И никто в двадцать первом веке не обязан подстраиваться под стереотипы.

Расслабленно выдыхаю, когда понимаю, что диалог окончен, и слышу громкие аплодисменты однокурсников, соглас-

ных с моей речью. Конечно, солидарны не все, но они в меньшинстве. К своему удивлению замечаю, что Люцифер тоже оказывается среди согласных. Он медленно хлопает, отделяясь от основной толпы, удовлетворённо улыбаясь мне, и я кое-как сдерживаю смешанные эмоции внутри себя.

Я удивлена его реакции и, чего уж таить, довольна, что он оказался согласен со мной, хоть отстаивала собственное мнение не ради его одобрения. *В отличие от некоторых.*

Мы покидаем аудиторию одними из последних, и я ловлю на себе горделивый взгляд профессора Геральда, благодаря чему настроение становится ещё лучше.

– Ты молодец, Непризнанная, – коротко бросает Люцифер уже в коридоре.

Пройдя чуть дальше, мы останавливаемся у одного из подоконников, и Люцифер удобно садится на него. Он делает это довольно аккуратно, так, чтобы ничего не испачкать, и бросает рюкзак рядом.

– Спасибо, что ли, – он совсем сбил меня с толку – получать похвалу от Люцифера довольно непривычно. – Взять с полки пирожок? – улыбка растягивается на моих губах, а он приглушённо смеётся, смотря в пол.

– Награду хочешь? – спрашивает он, на что я шутливо соглашаюсь.

Не думаю, что он спросил это всерьёз, так что беру свою сумку и собираюсь уходить, однако неожиданное прикосновение к запястью, заставившее вздрогнуть словно от тока,

пробежавшего по телу, вынуждает остановиться на месте и обернуться обратно. Люцифер медленно разворачивает мою ладонь тыльной стороной к себе и, сняв с красного маркера колпачок одними зубами, медленно проводит им по моей коже, вызывая десятки мурашек. На руке вырисовывается неаккуратная, но отчего-то так согревающая душу клубника, и я замороженно наблюдаю за процессом её появления.

– Не зазнайся только, – ухмыльнувшись и закрыв маркер, Люцифер бросает его обратно в рюкзак, после чего встаёт с подоконника и уходит.

Он оставляет меня одну с кучей вопросов и, что самое главное, с клубникой на ладони.

Что у тебя в голове, Люцифер?

После занятий ещё раз звоню маме, удерживая телефон между ухом и плечом, пока руки заняты складыванием тетради в сумку, но она вновь не отвечает. Остановившись на мысли, что мама просто работает, покидаю ВУЗ и отправляюсь в назначенное место, где мы должны встретиться с ребятами.

На улице, благо, больше не идёт дождь, так что зонтик, бережно вложенный мне в руки Мими, оказывается ни к чему, однако лужи и грязь, оставшиеся ещё со вчера, так и норовят испачкать пока ещё чистые ботинки. В месте, где мы договорились встретиться, меня уже ждут Дино, Ади, Сэми и Мими – кто-то делает это терпеливо, а кто-то – не особо.

Мими здоровается со мной мягкими объятиями, и я вды-

хаю малиновый аромат её блестящих волос, отчего улыбка невольно проскальзывает на губах. С Дино обмениваемся улыбками, а Ади даёт мне «пять», не отходя от Сэми, поступившему по примеру парня.

– Ви, – подзывает меня к себе Мими, когда мы трогаемся с места и идём за Дино в нужном направлении. – Я подумала над твоими словами насчёт театра, – говорит она негромко, так, чтобы слышала только я, а у меня внутри разливается тепло от этого заявления. – Завтра прослушивание, и я бы хотела, чтобы ты тоже была.

Радостно соглашаюсь, взяв Мими за руку в знак поддержки, – мне, несомненно, льстит, что она доверяет даже спустя такое короткое время, и, конечно, я буду присутствовать на важном для неё мероприятии.

– Вы куда ушли? – внезапно обнявший нас сзади за плечи Ади заставляет громко рассмеяться, когда мы все втроём чуть не падаем из-за неожиданности. – Больше двух говорят вслух, – он шутливо щёлкает Мими и меня по носу, пока Сэми и Дино продолжают путь, посмеиваясь.

– Нас и было двое, придурок, пока ты не повис на нас! – восклицает Мими, скидывает с себя руку друга, и через мгновение он отпускает и меня. Хоть соседка и ругается, но на губах всё-таки растягивается широкая улыбка, говорящая о том, что она не зла.

– Тише вы, – успокаивает их Сэми и указывает головой на здание персикового цвета, украшенное различными дет-

скими рисунками: облаками, радугой и тому подобное. – Мы пришли.

Заходим внутрь, когда охранник убеждается, что мы волонтеры, но никого из детей пока не обнаруживаем – игровые площадки с множеством горок и качелей абсолютно пусты, но Дино это, кажется, не смущает, и он провожает нас внутрь здания. Идём по небольшим коридорам, всё так же украшенным различными рисунками, чтобы детям было комфортно.

Мы оказываемся в кабинете директора приюта, милой статной женщины невысокого роста с очками в круглой оправе. Она дружелюбно приглашает нас внутрь и предлагает чай, но мы уклончиво отказываемся.

– Спасибо, что решили помочь, – благодарит она нас, садясь в своё кресло напротив. – Некоторые ребята с вашего университета уже пришли, я дала им указания. Дети у нас хорошие, трудностей быть не должно, – женщина улыбается, поправив свои очки и сложив ногу на ногу. – Сегодня у меня для вас несколько поручений: нужно приготовить ужин, разложить его по тарелкам и накормить детей. Ещё нужно будет чуть прибраться, чтобы не было возможности наступить на игрушки. И последнее... – она чуть задумывается, прикусив губу. – Было бы неплохо, если бы вы могли придумать что-то творческое.

Мы с Мими заговорщически переглядываемся, и я замечаю, как загораются её серые глаза при заявлении директора.

Она кивает, понимая мои мысли.

– У нас уже даже есть идея, – с улыбкой произношу я. – Как насчёт театра? Я написала сценарий, а Мими поможет ребятам поставить спектакль.

– Чудесная идея! – женщина хлопает в ладоши, явно обрадованная нашему энтузиазму. – Что ж, тогда за работу?

В хорошем расположении духа мы отправляемся в общую комнату, детские голоса из которой заполняют всё пространство по близости. Не сказать, что мне это сильно нравится, и Ади, кажется, разделяет мою точку зрения, а вот Мими явно любит детишек – сразу же отправляется к ним, начиная увлекать какой-то беседой. Сэми тоже чувствует себя в своей тарелке, как и Дино, уверенно сложивший руки в карманы брюк, когда замечает довольно дружелюбную атмосферу в помещении.

– Она души в них не чаёт, – закатывает глаза Ади, а Сэми недовольно приподнимает брови.

– Они же такие хорошие и милые, – улыбается он, вздохнув. – Разве можно по-другому?

– Ага, – иронично усмехается Ади. – Особенно когда кричат и ноют, – он переводит взгляд на меня, кое-как сдерживающую улыбку, – понимает, что я тоже так считаю.

– Потому что они ещё не умеют иначе, – пожимает плечами Сэми, когда Дино отходит в сторону столовой, готовый выполнять поручения. – Ты тоже когда-то был таким, – он легко и почти незаметно целует парня в щёку, надеясь, что

донёс свою мысль, но тот остаётся непреклонен.

– И мне очень жаль моих родителей, – уже не так категорично, как до ласки Сэми, но всё так же уверенно добавляет Ади.

Помимо нас в общей комнате ещё несколько студентов, среди которых узнаю Люцифера, скучающе стоящего в стороне, а остальных вижу впервые. Моё внимание привлекают два близнеца, но, несмотря на схожую внешность, они всё равно выглядят абсолютно разными. У них обоих гетерохромия глаз, приковывающая мой взгляд. Волосы одного из них, длиной даже больше, чем мои, выкрашены в чёрный, как ночь, и изредка из них выбиваются пряди красного цвета. Другой же предпочёл разделить вьющиеся кудри на две стороны, одной придав тот же оттенок, что и у брата, а другой – мягкий пшеничный.

Люцифер замечает меня и, не стесняясь, сверкает глазами в мою сторону. Его взгляд останавливается на ладони, где всё ещё красуется нарисованная клубника, и он довольно улыбается, не переставая смотреть на меня.

Ади и Сэми отправляются убирать игрушки по наставлению директора, Мими занята изучением сценария с детишками, Дино готовит ужин и, учитывая, что он не звал никого на помощь, видимо, и без меня неплохо справляется, так что стою в негодованием и пытаюсь найти себе хоть какое-то занятие.

– Тебе что, делать нечего? – негромко спрашивает Люци-

фер, встав позади меня и привычно сложив руки в карманы.

– Да ты капитан очевидность, – закатываю глаза, развернувшись к нему лицом.

– Тогда поможешь мне, – он аккуратно берёт меня за запястье и ведёт к маленькому столику жёлтого цвета, за которым сидят четверо детей. Перед ними несколько учебников и тетрадей, и я начинаю понимать, в чём будет заключаться моя помощь.

Ловлю на себе удивлённый взгляд Мими, когда Люцифер продолжает удерживать моё запястье, и высвобождаюсь из его некрепкой хватки, чтобы не вызывать у неё лишних вопросов.

– Если моя помощь заключается в том, что я должна делать работу вместо тебя... – начинаю я, лучезарно улыбаясь, чтобы никто не подумал, что что-то не так, и оказываюсь в компании детей лет семи-восьми, но Люцифер меня перебивает.

– Нет, – отрезает он и садится рядом на пластиковый стул того же цвета, что и стол. – Будем помогать им с домашним заданием.

Расслабленно выдыхаю – что-что, а помочь решить два плюс два я точно смогу. Сажусь рядом с маленькой девочкой, чьи рыжие волосы падают на лицо, и помогаю их убрать назад, чтобы ей было проще читать задание. Она неплохо справляется и без меня, решая все примеры очень быстро, почти не задумываясь над ними, и лишь изредка мне прихо-

дится подсказывать.

Люциферу же не так везёт – мальчик, с которым занимается он, вовсе не понимает математику. На удивление, он не злится и даже не раздражается, – или просто не показывает этого – а, наоборот, медленно начинает объяснять уже, кажется, в седьмой раз.

– Давай ещё раз, – спокойно повторяет Люцифер, когда мальчик начинает психовать из-за того, что у него ничего не получается. – Четыре плюс пять – сколько будет? – он невозмутимо ждёт, когда ребёнок ответит на вопрос, но тот лишь молчит. – Хорошо, смотри, – Люци разгибает на правой руке четыре пальца по одному, считая их вслух. – Теперь к ним нужно добавить ещё пять.

– Я сам! – воодушевлённо восклицает мальчик, теперь более заинтересованный. Он сам разгибает пальцы на руке Люцифера, который оказывается не против детских прикосновений. – Раз, два, три, четыре, пять, – вслух считает он каждый разогнутый палец.

– Верно, – хвалит его Люцифер. – А теперь посчитай все вместе.

– ... семь, восемь, девять, – делает он так, как ему говорят. – Девять! – мальчик радостно хлопает в ладоши и записывает нужный ответ в тетрадь.

Люцифер удовлетворённо кивает и треплет ребёнка по густым волосам, гордо улыбаясь его успехам. Он полностью сосредоточен на своём подопечном, не отвлекаясь ни на что

и ни на кого, и на это невозможно не смотреть. Почему-то эта сцена умиляет меня, и образ Люцифера в моей голове совсем не вяжется с таким заботливым отношением к детям. Никогда бы не подумала, что он так трепетно может помогать незнакомому ребёнку с домашним заданием.

– А у тебя есть мама и папа? – внезапно спрашивает Кэти, девочка, которой я помогаю с домашним заданием, когда продолжает решать примеры.

Вопрос вгоняет меня в ступор: конечно, у неё нет родителей, но и понять, с какой целью она спрашивает это, не могу. Мне до ужаса жаль всех детей, оказавшихся здесь. Чем они заслужили такое?

Поджав губы, киваю, надеясь, что на этом разговор закончится – не хочется вести диалог на большую для неё тему. Кэти заметно тускнеет, опустив взгляд ещё сильнее, и громко вздыхает, продолжая решать задания чуть медленнее, чем раньше.

– Я бы тоже хотела, чтобы у меня был кто-то, – тихо, почти шёпотом, говорит она. Люцифер тоже слышит это и смотрит на нас не то равнодушно, не то с толикой сочувствия, и я позволяю себе чуть приобнять Кэти за плечи. – Наверное, это здорово, когда тебя любят.

Я теряюсь, не зная, что ответить и как поддержать ребёнка. Если мне хочется расплакаться от одних её слов, тогда как же себя чувствует семилетняя девочка? Она не знает, что такое любовь, и грезит о ней, наверное, каждый день. Заме-

чаю, что Люцифер после слов Кэти тоже становится сам не свой – сжимает челюсти, а глаза, в которых я всё ещё пытаюсь прочитать хоть что-то, теряют свою яркость.

– Любовь бывает не только родительская, – отвечаю я и невольно поворачиваю голову в сторону Ади, Сэми и Мими. – Дружеская любовь порой бывает куда сильнее, – слабо улыбаюсь, но даётся мне это нелегко при виде поблескивающих глаз девочки. – И, я уверена, ты найдёшь тех, кто станет тебе семьёй.

Я поглаживаю Кэти по шёлковым волосам, прижимая к себе так, словно она – моя сестра.

– Мне часто бывает одиноко, – признаётся она и откладывает ручку в сторону. Задания не закончены, но я не собираюсь указывать ей на это. У Кэти, возможно, впервые появилась возможность выговориться, и я не смею лишать её этого. – Я всегда окружена кем-то, но почти всегда одна, – она не поднимает взгляд на меня – смотрит в пол, сглатывая. – И хочу рассказать тебе один свой секрет, можно? – спрашивает девочка, приблизившись к моему уху, и я, конечно, киваю в предвкушении. – Когда мне грустно, я ухожу отсюда. Этого никто не замечает – все заняты своими делами. Неподдалёку отсюда есть домик на дереве, но нужно пройти мимо охранника. Это довольно легко: он невнимательный, а забор легко перелезть. Я не знаю, кто сделал этот домик, но он мне очень помог.

Внезапное признание заставляет меня удивиться ещё

больше – неужели она действительно настолько одинока, что никто, даже воспитатели, не замечает, что ребёнка просто-напросто нигде нет?

Мне остаётся лишь надеяться, что она обретёт своё счастье, найдя его в друзьях или приёмных родителях. Не имею даже примерного понятия, каково это – расти в полном одиночестве, когда тебе не с кем поделиться своими победами, проигрышами и чувствами. И, пусть с моими родителями сейчас происходит что-то странное, пусть наши с мамой отношения никогда не были столь близкими, какими могли быть, пусть отец что-то недоговаривает, я всё равно не могу представить себя без них.

После того, как мы переводим тему в более-менее нейтральное русло и Кэти заканчивает работу над домашним заданием, меня подзывает к себе Мими одним жестом. Она облачивается о моё плечо, сложив руки на груди и с приподнятыми бровями наблюдая за заинтересованным и вовлечённым в процесс Люцифером.

– Никогда не видела, чтобы он хотя бы просто находился рядом с детьми, – задумчиво проговаривает Мими, не отстраняясь от меня. – Дино сказал, их с Кристофером и Астаротом заставили прийти сюда. Вроде как, распоряжение канцлераруководителя высшего учебного заведения в США. Кроули.

Я слежу за взглядом Мими, который остановился на ничем не занимающихся близнецах.

– Значит, видимо, хорошо заставили, раз настолько увлёкся, – смеюсь я и бросаю взгляд на рисунок на ладони, скрыв его рукавом. Пусть это буду видеть только я, пока не смоется.

– А эти двое, как обычно, филонят, – цокает она языком, всё не отводя взгляд от близнецов.

Астарот, тот, что с тёмными волосами, активно печатает что-то в телефоне, пока его брат неумело притворяется, что что-то делает, время от времени убирая игрушки в ящик.

Мими ведёт меня к ним и нагло заглядывает в телефон Астарота. В следующую секунду она вырывает его из рук парня. Он резким движением тянется за ним, пытается забрать, но Мими оказывается быстрее и проворнее. И всё, что остаётся Астароту, – бросать на неё недовольные взгляды. На лице его брата, Кристофера, расплывается довольная усмешка, но Мими, дав ему подзатыльник, даёт понять, что его поведением так же недовольна.

– Вы совсем, что ли, охренели? – негромко – так, чтобы не услышали дети – возмущается она, убрав телефон Астарота себе в карман и демонстративно сложив руки на груди. – Работы мало?

– Достаточно, стервочка, – отвечает Кристофер бархатым и мурчащим, словно кота, голосом, кажется, совсем не обращая внимания на то, что брат его, чтобы забрать свой гаджет, негодуяще крутится вокруг Мими, легко уклоняющейся от него.

– Верни сейчас же, – проговаривает Астарот сквозь зубы

– его это не на шутку злит, чего нельзя сказать о Мими, с лёгкой улыбкой не позволяющей приблизиться к ней и на метр.

– Не-а, и не подумаю, – она забирается на диван, предвзительно скинув обувь, чем вызывает у меня лишь смех.

– Ты не имеешь права забирать мои вещи! – его тон не становится мягче ни на мгновение, отчего Мими лишь смеётся.

– Посмотрите-ка, юрист проснулся! – всё не перестаёт хотать она, держа руку на кармане.

– Красавица, скажи подруге, что, если не вернёт мне телефон... – начинает Астарот, обращаясь ко мне – брови его сдвигаются к переносице, а глаза прожигают Мими, после останавливаясь на мне и загораясь как-то по-новому.

– Ничего ты ей не сделаешь, будем откровенны. Ты ведь занятия прогуливаешь только так и ни одного закона за два года так и не выучил! – смеётся Кристофер и, подобно плавным движениям девушки, легко приближается к ней, так же сняв обувь. – С такими стервочками, как ты, Мими, нужно просто быть чуть более ловким, – он подмигивает ей, негодующей, покрутив перед лицом телефоном, который удалось выудить прямо из её кармана.

Кристофер спускается обратно, оставляя непонимающую Мими стоять на месте, вызывая у меня смех возмущёнными всплесками рук. Астарот цокает языком так, будто Кристофер забрал у него телефон, а не вернул его.

– Вики, ты почему его не остановила? – спрашивает Мими, надевая на ноги чёрные лакированные ботинки. – Сейчас же опять ничего делать не будет.

– И правильно сделала, – усмехается Астарот, теперь держа гаджет в руках крепче, чем в прошлый раз. – Нас заставили сюда идти. Мы согласились, но вот дети меня, к сожалению, не особо интересуют, – скучающе бросает он, отчего брови Мими ползут вверх. – По мне так Вики лучше, – он касается моего плеча, не спрашивая разрешения, и я грубо отстраняюсь.

– Руки! – громко возмущаюсь я и подхожу ближе к Мими.

– Астарот, иди всё-таки поиграй с детишками, – спокойно отвечает она, не позволяя ему подойти ко мне ближе. – Глядишь, научишься чему.

Подошедшие Ади и Сэми не позволяют перепалке продолжиться, перенимая всё внимание на себя. Видимо, игрушек было действительно много, ведь выглядят они поистине уставшими.

– Вы что устроили? – недовольно спрашивает Ади – он явно не в восторге от того, где находится. – Пока мы занимаемся делами, вы тут отношения выясняете?

– Я несколько раз на конструктор наступил, – Сэми выглядит больше грустным, нежели рассерженным, и устало вздыхает. – Вроде игрушки для детей, а так больно...

– Сегодня ночью твои ступни будут болеть от поцелуев, – шепчет Ади на ухо Сэми, заставляя его щёки вмиг покрас-

нет, а я издаю тихий смешок, получив лёгкий удар в бок от Мими.

Астарот и Кристофер, – конечно, не без напоров Мими и уставших Ади с Сэми – закатив глаза, всё же соглашаются хоть немного поработать под руководством парней, а мы с Мими отправляемся готовить декорации для сценки. Ребята оказываются воодушевлены идеей, и Дино несколько раз выходит из кухни, одобрительно кивая нам.

Несколько раз я бросаю взгляд на Люцифера – закончив помогать мальчику с домашним заданием, он продолжает заниматься с другими детьми, отстраняясь от нас, хотя он не то чтобы был близок до этого.

Спустя время детей пора кормить, после чего по планам остаётся постановка сценки – и на этом всё. Идём к Дино, чтобы помочь ему накрыть на столы, и быстро справляемся с этим, а затем сразу же зовём ребят ужинать. Только вот происходит непредвиденное, заставившее меня ужаснуться.

– А где Кэти? – спрашиваю я, когда понимаю, что к одной тарелке так никто и не притронулся, но на мой вопрос все лишь пожимают плечами. Чёрт, мы ведь не могли потерять ребёнка!..

Испуганно смотрю по сторонам, не обращая внимания на дрожащие руки, а дыхание от страха становится более учащённым. Ищу хоть кого-то, кто смог бы мне помочь, но все заняты. Натыкаюсь взглядом на Люцифера, словно он – мой спасательный круг сейчас, и он всё понимает.

– Ты везде смотрела? – спрашивает Люци, когда мы выходим из здания после осмотра всех этажей.

– Я смотрела там же, где и ты, – отвечаю я и хочу расплакаться от беспомощности, но не позволяю себе этого сделать. – А если с ней что-то случилось?

– Не нагнетай, – он прикладывает пальцы к вискам, начиная их массировать с прикрытыми глазами. – Лучше думай, где она может быть.

Мысли крутятся в голове со стремительной скоростью, не останавливаясь, и ни одна из них не успокаивает. Взъерошиваю волосы, смотря по сторонам, но не вижу Кэти ни на одной из горок или качелей, отчего тревога за девочку тяжёлым комом становится в горле, не позволяя произнести ни слова.

– Успокойся, – Люцифер складывает руки в карманы и направляется прямо, в неизвестном направлении. – Нормально всё будет, мы найдём её, – он резко останавливается и берёт меня за плечи, заглядывая в глаза сверху вниз, но я отвожу взгляд, смотря в землю. – Она смышлённая, не уйдёт далеко.

Киваю с громким вздохом – в любой другой момент я бы оценила его поддержку и даже удивилась ей, но не сейчас.

– Она говорила, что часто уходит в какой-то домик на дереве, – заправляю прядь волос за ухо в старании взять себя в руки. – Но я понятия не имею, где он.

– Хорошая мысль, – соглашается Люцифер. – Я слышал ваш разговор. Насколько помню, он где-то неподалёку. Раз уж мы обошли уже всё, это сейчас наш единственный вари-

ант.

Мы легко проходим мимо охранника – впрочем, он и не задаёт лишних вопросов. Какой вообще от него смысл, если ребёнок систематически покидает территорию приюта без внимания?

Проходим с Люцифером по длинной тропинке, ведущей к нескольким деревьям, и решаем не разделяться, осматривая всё вместе. Мы не говорим ничего друг другу, лишь идём прямо, не останавливаясь.

– Кажется, оно, – Люцифер останавливается посреди тропинки и указывает мне на потрёпанный деревянный домик вблизи. – Идём, проверим.

И он оказывается прав: внутри действительно сидит Кэти, и при виде девочки, одиноко забившейся в угол домика, я расслабленно выдыхаю, сев рядом.

– Ты нас так напугала, – крепко обнимаю её и глажу по волосам.

– Вы искали меня? – с надеждой спрашивает она и переводит взгляд на Люцифера, на что он кивает. Детские глаза наполняются слезами, и она, не сдерживая их, начинает плакать навзрыд. – За меня никто никогда не переживал, – всхлипывает она, когда я ещё сильнее прижимаю её к себе.

– Не стоило тебе убегать, – произносит Люцифер, приближаясь к нам и садясь рядом. Он держится отстранённо и не позволяет себе физического контакта с ребёнком, как это делаю я, но при этом я благодарна, что он рядом. – У тебя ещё

всё впереди, – он слабо улыбается. – И всё будет хорошо. Я уверен, ты найдёшь новую семью, которая полюбит тебя.

Слова Люцифера заметно поднимают настроение Кэти, и к концу диалога она даже начинает вновь улыбаться, рассказывая нам о каких-то своих приключениях. Мы переглядываемся – я не говорю Люци прямо, но отчего-то уверена: он знает, насколько его присутствие рядом улучшило моё положение. Мы возвращаемся в приют, и я держу Кэти за руку. Она сама захотела этого, и я, безусловно, не была против.

Когда всё приходит в норму, и я прихожу в себя после внезапного происшествия, приходит время ставить сценку. Дети, как и декорации, готовы, так что всё, что нам остаётся, – садиться на пластиковые стульчики и ждать начала выступления.

Мими в восторге: когда импровизированная ширма открывается и оттуда выходят дети, она смотрит на них глазами, полными воодушевления, и сжимает моё колено под действием эмоций.

По моему сценарию главный герой, которого играет забавный рыжеволосый мальчик, оказывается в загадочной стране, наполненной различными красками и цветами, которых изображают его друзья. Какие-то из них яркие и красочные, а какие-то – бледные и невзрачные. По ходу путешествия ребёнок узнаёт, что каждый цвет означает определённую эмоцию или чувство: так, например, алый олицетворяет любовь, а вот те, что серые, с увядающими и осыпающимися лепест-

ками, – грусть и тоска.

Как позже выясняется, каждый цветок в загадочном мире требует ухода, но отличающегося от обычного. Чтобы он не стал погибать, его нужно окружать заботой и положительными эмоциями.

Главному герою приходится встретиться с названным злодеем – тем, кто намеренно лишает любви почти всех маленьких жителей страны, заставляя их чувствовать себя брошенными.

Дети неумело – оттого и умилительно – разыгрывают запланированные диалоги, медленно подходя к эпилогу. Они часто путаются во фразах и словах, и Мими, словно мамочка, подсказывает им.

В конце все получают счастливый финал: и главный герой, желающий цветкам добра, и антагонист, которого всё же удалось понять. Смысл написанного мной заключается не в том, чтобы все цветы расцвели, а в том, чтобы доступно объяснить детям, что все эмоции, включая грусть, важны. Нельзя запереть их в себе – нужно позволять проживать их.

– Ты всё-таки воспользовалась моим советом по раскрытию антагониста, – шепчет Люцифер, когда все хлопают выступившим детям, и я, не смотря на него, киваю.

Возвращаемся в общежитие под впечатлением: кто-то рад проведённому дню, а кто-то – Ади, недовольно пинающий ни в чём не виновный камешек под ногами.

Решаю чуть посидеть на скамейке перед тем, как зайти в

здание: атмосфера ранней осени меня очень привлекает, да и хочется ещё раз набрать номер мамы. Она, конечно, снова не отвечает, но я хотя бы пыталась. Если не ответит и завтра – нужно будет что-то делать.

Смотрю на вечернюю природу ещё немного, наполняя лёгкие приятным ароматом, и хочу уже уходить, когда из общежития выходит Люцифер, направляясь напрямиком ко мне. Он устраивается рядом и молча вынимает из кармана сигареты, закуривая, и я думаю, что это прекрасный момент, чтобы разговорить его.

– Не думала, что ты так трепетно относишься к детям, – вдыхаю едкий дым, выходящий изо рта Люцифера, и, закашлявшись, размахиваю руками.

– Я знал, что думать не твоё, не обязательно доказывать это каждый раз, – язвит он и, к моему удивлению, тушит сигарету о мусорный бак, после чего выбрасывает её. – Просто я знаю, каково это – расти без родителей. Не думай, что я так к ним отношусь по той же причине, что и ангелок Дино.

Его слова заставляют меня сглотнуть и сочувственно посмотреть на него, забыв про брошенную мне колкость.

– Без родителей? – тихо спрашиваю я, словно негромкий тон избавит вопрос от бестактности.

Люцифер хмыкает и хочет вновь потянуться за сигаретой, но, посмотрев на меня, откладывает белую картонную пачку в сторону.

– Чего так удивляешься? – его глаза выражают боль,

несмотря на усмешку, за которой он пытается скрыть эмоции. – Мама умерла давно, а отец такой, что лучше бы его не было, – Люцифер говорит так спокойно, словно это обыденная тема, а мне отчего-то становится не по себе.

– Прости, – шёпотом произношу я, не решаясь поднять на него взгляд, когда вспоминаю нашу первую встречу. – Прости, что сказала тогда, у лифта. Я не знала, не хотела...

– Вот именно, – вздыхает он, положив ладони на колени. – Не знала, Непризнанная, так что оставь эти извинения, – он встаёт со скамьи и бросает на меня последний взгляд, забирая пачку сигарет, после чего уходит обратно, не попрощавшись.

Люцифер думает, что я не могу разгадать его, но это не так. И я буду дальше пытаться делать это, потому что знаю: он не сможет сопротивляться.

Театр и признание

*Проблема ангелов в том, что они лицемерны.
Преимущество демонов в том, что они честны.*

Учебный день проходит довольно спокойно, в отличие от первых двух. Правда, со студентами, обучающимися со мной в одной группе, отношения не то чтобы хорошие. Скорее, их вовсе нет, а Асмодея, которого хвалил Сэми, так и не видно.

Что ж, может, оно и к лучшему, – люди с других курсов, на удивление, оказываются куда интереснее для меня. Даже Дино, с которым мы столкнулись совершенно случайно в первый мой учебный день, вот уже четвёртую перемену подряд коротает время приятными беседами.

– И что, вы совсем-совсем не общаетесь с отцом? – спрашиваю я по окончании занятий, когда мы с Дино медленным прогулочным шагом проходим вдоль коридоров по направлению к выходу. Не спеша отпиваю горячий ароматный чай, который парень любезно купил мне в кафетерии, и выхожу на улицу, когда он открывает передо мной дверь.

– Почему же? – Дино улыбается, выходя следом за мной, и уже на улице поднимает взгляд на хмурое небо. Его волосы развеваются на прохладном ветру, и он чуть приглаживает их пальцами. – Не забывай про те случаи, когда он решает поучать меня жизни, но забывает, что мне не пять лет, –

негромко посмеивается он, но, кажется, только для вида – ситуация-то нисколько не смешная.

– А из-за чего у вас такие отношения? – напрямую спрашиваю я, и Дино, благо, оказывается не против ответить.

Интересно, но, я уверена, будь на его месте Люцифер, меня бы уже давно послали куда подальше за бестактность. Я удивляюсь сама себе и собственным мыслям: почему невольно сравниваю всех с ним даже тогда, когда, казалось бы, на это нет никаких причин?

Ответа у меня, конечно, нет. Этому наверняка есть логическое объяснение, но я не то чтобы сильно разбираюсь в психологии, да и пока что не особо горю желанием вникать в это. Зачем искать причины того, что уже происходит?

«Не пытайся разгадать меня» – как бы не так! Люцифер строит из себя закрытого и недоступного парня, но уже в первые же дни я поняла, что это лишь маска, и случай в приюте для детей это подтвердил. Стал бы такой, как он, переживать за ребёнка? Определённо, нет. Стал бы помогать мне, поддерживать? Тоже нет. Так какой же ты на самом деле, Люцифер, и сколько времени потребуется, чтобы ты открылся?

– У нас слишком разные характеры, Ви, – Дино отвлекает меня от мыслей и ловко собирает пшеничные волосы в хвост, чтобы те не лезли в глаза, сравнимые с синевой океана. – Но я знаю, что он любит меня. По-свойски, конечно, и проявляет это довольно странно, но любит. По крайней мере, я надеюсь на это. Иначе же не стал бы он забирать меня

к себе от гулящей матери через суд, верно?

Фенцио, по правде говоря, показался мне не особо дружеским профессором – даже в идеальных ответах он всегда находит ошибки, и, невзирая на слова Дино, мне всё же кажется, что отец его делает это не из хороших помыслов. Хотя, может, я действительно чего-то не понимаю.

Проходим дальше по каменной тропинке, окружённой деревьями: листва на них постепенно начинает менять свой цвет и падать наземь, предвещая, что осень вот-вот вступит в свои законные права, и я невольно улыбаюсь от предвкушения. Дино переводит тему, видимо, больше не желая обсуждать столь личные вещи, и я поддаюсь.

Когда подходим к общежитию, спереди замечаю Люцифера, вальяжно прогуливающегося по дворику в расслабленной позе. Чёрная водолазка, которую я вижу на нём впервые, приковывает мой взгляд, но даже воротник не скрывает его татуировки.

Он с хитрым прищуром приближается к нам, и я замечаю, как скулы Дино сжимаются, и он сжимает кулаки, на что я удивлённо вскидываю брови.

– Так-так, – начинает Люцифер бархатным голосом, и его интонация не сулит ничего хорошего. – Почему, как только моё отношение к тебе, Непризнанная, меняется в лучшую сторону, я узнаю, что ты общаешься с Ангелочком?

Дино делает шаг вперёд и закрывает меня собой, но мне не хочется этого. Водолазка на Люцифере выглядит слишком

привлекательно, чтобы не смотреть на неё.

– Так ты теперь не просто Ангелок, но ещё и хранитель, да, Дино? – уже привычная ухмылка проскальзывает на губах Люцифера, когда он тянется за пачкой сигарет, но, бросив на меня короткий взгляд, передумывает.

– Чего ты хочешь? – спрашивает Дино угрожающей интонацией, и я впервые вижу его таким рассерженным. – С каких пор тебя это волнует?

– Дино, – обращаюсь я к нему, но взгляд мой нацелен на Люцифера. – Не обращай внимания на этого мистера-самовлюблённость.

Дино оценивает мои слова и миг меняет настроение, обнажая ряд белых зубов, пока Люци недовольно кривит губы. Неожиданно для нас он хватает меня за запястье и в один шаг нависает надо мной так, словно никакого Дино рядом нет.

– Как ты меня назвала? – со сжатыми челюстями спрашивает он, смотря на меня сверху вниз. Взгляд Люцифера такой, будто он пытается напугать меня, но у него это нисколько не выходит, потому как я вызывающе складываю руки на груди, высвободив своё запястье из некрепкой хватки.

– Мистер-Самовлюблённость, – повторяю я по слогам, чтобы он точно понял. – Какого чёрта тебе есть дело до того, кто с кем общается? Следи за своей жизнью и своим окружением, ясно?

– Будь осторожна, когда играешь с огнём, Непризнанная, – он не отстраняется, но и я не спешу делать этого. –

Легко обжечься.

Негромко смеюсь, коснувшись плеча Люцифера и стряхнув оттуда невидимую пыль.

– Я не боюсь огня, Люцифер, – спокойно отвечаю я, довольнo улыбнувшись. – Пойдём, Дино.

До этого стоявший в стороне Дино кивает, в последний раз бросив на Люцифера презрительный взгляд, и под его непонимающим выражением лица мы идём туда, куда направлялись изначально. Я не оборачиваюсь назад, но точно знаю: он продолжает смотреть нам вслед, сложив руки в карманы.

Стоим с Дино у лифта в ожидании, когда он опирается о стену, вновь распустив гладкие волосы, теперь плавно лежащие на плечи.

– У вас с ним не лучшие отношения, да? – спрашиваю я с лёгкой улыбкой и встаю рядом с парнем, так же оперевшись о стену спиной.

– Ты очень догадливая, – он отвечает той же улыбкой и отстраняется, когда лифт приезжает. – Не обращай внимания. Конкуренция, продолжающаяся с самого первого курса, – Дино нажимает кнопку нужного мне этажа, и двери закрываются.

Его слова не удивляют меня: за несколько дней, что учусь здесь, уже не раз слышала об этом, но только сейчас стала невольным свидетелем их взаимоотношений.

– Лучше не связывайся с ним, Ви, – предостерегает Дино,

когда мы прощаемся у нашей с Мими комнаты, но я ничего не отвечаю, с натянутой улыбкой закрыв дверь изнутри.

Ну уж нет, спасибо за предупреждение, но я, пожалуй, сама решу, с кем мне связываться, а с кем – нет.

В комнате творится полнейший хаос: Мими бегает взад и вперёд, в одной из её рук находится выпрямитель, а в другой она забавно удерживает помаду. До прослушивания в драмтеатре остаётся не так много времени, и, судя по всему, она не успевает. Очень сильно не успевает.

Прохожу внутрь, надеясь не попасть под горячую – во всех смыслах – руку, и бросаю сумку рядом с кроватью. Сажусь за стол после того, как здороваюсь с суетящейся Мими, и поднимаю с него её расчёску, оказавшуюся там невесть как.

– Не это ищешь? – я протягиваю соседке находку, отчего она выдыхает и кладёт опять же на мой стол косметику. Чуть посмеиваюсь от этого действия и встаю на ноги, переложив вещь на её прикроватную тумбу, чтобы в следующий раз она могла найти необходимое быстрее.

– Ничего не успеваю! – Мими вымученно стонет, схватившись за только высушенные волосы, и продолжает носиться по комнате сломя голову.

Предлагаю ей свою помощь, но она лишь отмахивается, проводя раскалённым выпрямителем по первой прядке, на что я безучастно пожимаю плечами.

Дверь в комнату открывается, и Ади с Сэми проходят внутрь, не спрашивая разрешения. Они здороваются с нами,

после чего Ади запрыгивает на кровать Мими, удобно улёгшись, и достаёт из кармана джинсов телефон, в то время как Сэми предпочитает расположиться на стуле, обитом чёрной кожей.

– Эй! – восклицает Мими, не отрывая взгляда от самой себя в зеркале. – Охренел в уличной одежде на кровать ложиться? Я сейчас в тебя этим выпрямителем кину! – пригрожает она, но, несмотря на это, не прекращает прихорашиваться ни на секунду.

– Ой-ой, испугался! – заливисто смеётся Ади, и, кажется, у него и в мыслях нет послушать Мими.

– Ты чего злая такая? – заботливо спрашивает Сэми. – Всё в порядке?

– Нет, не в порядке! Твой парень забрался ко мне на кровать с ногами, я не успеваю на прослушивание, так ещё и волосы не слушаются! – она выходит из себя, и создаётся ощущение, что ещё пара минут – и в кого-нибудь из нас действительно что-нибудь прилетит.

Подхожу к Мими и аккуратно забираю из её рук выпрямитель, пока Сэми взглядом просит Ади пересесть с кровати подруги. Ей, несомненно, не нравится, что я делаю, но я не даю ей вновь начать возмущаться.

– Спокойно, – успокаиваю её я и вновь поворачиваю спиной к себе. – Будешь злиться – вообще ничего не получится.

– Да, милая, – поддерживает меня Сэми, встав рядом, когда Ади наконец смиряется и, конечно, не забывает показат

тельно закатить глаза. – Пусть тебе лучше Вики поможет – так быстрее будет. Вдох, выдох.

Я благодарно ему киваю – кажется, это действительно помогает, и Мими вроде как больше не хочет перебить всех, кто попадётся на глаза. Она соглашается, отчего я расслабленно выдыхаю. Что ж, интересная жизнь меня ждёт.

Мими чуть успокаивается благодаря словам Сэми и мне, начинающей выпрямлять ей волосы, пока Ади нараспашку открывает шкаф подруги и вынимает оттуда короткое чёрное платье в обтяжку с длинными рукавами, небрежно бросив его на кровать.

– Наденешь его со своим серым пальто, – говорит он и проходится взглядом по обувной тумбе в прихожей. – А на ноги – ботфорты, которые я люблю!

– Может, мне тебе такие тоже купить? – смеясь, спрашивает Сэми, когда Мими соглашается на подобранный образ.

– А что, я не против, – Ади берёт обувь подруги в руки и шутливо пытается надеть её на свою ногу, но большая разница в размерах не даёт этого сделать.

– Ади! – ругается Мими, но я останавливаю её лёгким прикосновением к плечу, призывая не мешать мне, когда я работаю с её волосами.

Не знаю, но мне очень нравится атмосфера, которая воцаряется каждый раз, когда нахожусь в их компании. То есть, их шутки друг над другом не кажутся чем-то грубым или непозволительным – я понимаю, что, несмотря на это, они

все всё равно любят друг другу, и то, как Сэми с Ади поддерживали Мими после перепалки с Люцифером, это только подтверждает. Надеюсь, мне удастся влиться в их компанию, потому как пока они выглядят самыми комфортными из всех, с кем я успела познакомиться.

Взять тех же Энди с Лорой, у которых абсолютно отсутствует чувство такта, – Мими же, узнав о моём увлечении, не стала давить и спокойно отнеслась к тому факту, что я пока не готова делиться с кем-то своими работами.

Так и проходит следующий час, и мы с Ади и Сэми в какой-то мере начинаем чувствовать себя стилистами, помогая Мими собираться. Видно, как сильно она волнуется перед прослушиванием, но я рада, что надоумила её поменять своё решение в пользу театра. Всё же никто не имеет права отбирать у человека его мечту.

Выходим из общежития, когда Мими, кажется, в сотый раз смотрится в зеркало, и Ади приходится выталкивать её наружу чуть ли не силой. Сэми идёт рядом с подругой, придерживая за локоть так, словно она вот-вот упадёт.

– Всё будет хорошо, – заботливо проговаривает он, обходя глубокую лужу. – Ты там будешь лучше всех, они ещё пожалеют, что не взяли тебя в прошлом году.

На губах Мими проскальзывает расслабленная улыбка, и я даже не знаю, что ей сейчас важнее: успешно пройти прослушивание или получить поддержку друзей, но слова Сэми её явно ободряют. Ади хлопает подругу по спине, и это ока-

зывается громче – в прямом и переносном смысле – любых слов. Мими смеётся, отстранившись от друга, и мы продолжаем путь.

Театр предстаёт перед нами словно замена солнца, скрытого сегодня за густыми тучами. Высокие колонны, обрамлённые золотом, устремляются в небо, и Мими внимательно разглядывает здание; от нас не уходит её восторг, когда она радостно смотрит по сторонам, не зная, за что зацепиться взглядом – от волнения словно не остаётся и следа.

Внутри нас встречает гардеробщица, и мы оставляем верхнюю одежду работнице, получив свои номерки. Мими покидает нас, летящей походкой отправляясь в гримёрную комнату, и мы с Ади и Сэми движемся в сторону зала, заполненного красными креслами. Занавес того же цвета оказывается открытым, и на сцене, освещённой яркими прожекторами, уже играет свою роль не известная мне девушка с мягкими чертами лица и пшеничными волосами, а вот парни, кажется, знакомы с ней.

– Если они возьмут её, мне будет очень жаль Мими, – смеётся Ади, смотря на откровенно плохую игру девушки, когда мы занимаем места на одном из рядов в середине зала.

– Лилу никогда не была актрисой, – пожимает плечами Сэми и наблюдает за тем, как неестественно она выдавливает из себя слёзы. – Да уж, с Мими ей точно не сравниться.

В одном из первых рядов замечаю Дино, не особо внимательно наблюдающего за Лилу: не знаю, что он тут делает,

но телефон ему, видимо, куда интереснее. Парень оборачивается в нашу сторону, положив гаджет в карман, и улыбается мне лишь краешком губ, после чего возвращает внимание выступлению.

Мими выходит на сцену сразу же после Лилу, бросив на нас лишь один короткий взгляд. Всё, что я могу сказать, наблюдая за игрой соседки, – она в своей тарелке. Её роль – девушка, пережившая потерю в лице любимого человека, и Мими отыгрывает это настолько хорошо, что появляется ощущение, словно она действительно пережила это. Ослепительный свет прожекторов падает на её лицо, освещая все оттенки боли: от отрицания до принятия. Игра Мими настолько убедительна, в отличие от Лилу, что на моих собственных глазах невольно скапливаются слёзы, говорящие о том, что с задачей она справилась на все сто.

На сцене Мими, несмотря на ранние переживания, выглядит донельзя уверенной, и это определённо играет ей на пользу.

Мими миг переключается, смахивая слёзы с ресниц, и уже через секунду от её эмоций не остаётся и следа – словно ничего не было. Ади и Сэми совсем не удивляются этому, и что-то мне подсказывает, что она умеет совершать подобное и в реальной жизни – это мне только предстоит выяснить.

***

– Ты была невероятна! – восклицает Сэми, приобнимая Мими за плечи, когда мы покидаем здание театра.

– Ну, не тяни кота за хвост! – нетерпеливо говорит Ади, обнимая подругу с другой стороны.

Мими специально молчит – я понимаю это по её хитрому взгляду, по очереди проходящему по каждому из нас. Улыбка на её губах уже давно дала нам понять ответ, но мы продолжаем ждать подтверждения.

– Меня взяли! – радуется она, крепко сжав всех нас в объятиях. Её глаза счастливо блестят, отчего мы с Ади и Сэми начинаем заваливать её похвалами.

– Наша звёздочка, – улыбается Ади, кажется, радуясь больше, чем сама Мими.

– А мы говорили, что ты им там всем ещё покажешь! – подключается Сэми.

– Спасибо, Ви, – обращается ко мне Мими. – Если бы не ты, я бы вряд ли когда-нибудь решилась на это.

Киваю и чувствую на своей щеке короткий поцелуй, радуясь, что всё же смогла уговорить её попытаться пойти навстречу своей мечте. Наверное, за последние дни это было моим лучшим решением.

Пока мы разделяем восторг от сегодняшней победы Мими, из театра так же выходит Дино со сложенными в карманах руками и подходит ближе к нам. Он поздравляет соседку, отметив, что её игра была восхитительной, и от меня не ускользает тень смущения на её лице. Кажется, Ади и Сэми тоже это замечают – с хитрыми улыбками переглядываются друг с другом, а потом переводят взгляд на меня, понимая,

что я тоже это заметила.

Наверное, они разговорились бы чуть сильнее, если бы не Лилу, внезапно вышедшая через минуту после Дино. Она здороваётся с нами, взяв парня под локоть, и одаривает меня не очень-то дружелюбным взглядом, но через пару секунд делает вид, что рада познакомиться.

– А ты Вики, да? Дино про тебя рассказывал, – Лилу переводит высокомерный взгляд с меня на Мими и сжимает руку Дино сильнее, отчего мне приходится сдерживать смех. – Очень приятно, – отвечает она после моего утвердительного ответа. – А я Лилу, его девушка.

«Мы поняли, милая» – проносится в голове, но решаю оставить свои мысли незвученными, однако язвительную улыбку сдерживать не получается, да и не хочется. Мими так же не старается скрыть насмешки над поведением Лилу, сложив руки на груди и смотря на неё из-под опущенных длинных ресниц.

– Как, кстати, прослушивание? – спрашивает Сэми, нарушая воцарившуюся паузу. – Прошла?

Улыбка слишком широка, чтобы можно было подумать, что ей нравится находиться в нашей компании, и это не остаётся незамеченным никем из нас. Даже Дино, кажется, оказывается неловко в возникшей ситуации.

– Да! – восклицает она, по-детски хлопнув в ладоши. – Слышала, что ты, Мими, тоже прошла. Теперь будем вместе, да?

Интересно, как у неё ещё щёки не свело от настолько натянутой улыбки? Хотя, наверное, за долгое время можно было привыкнуть.

Дино смотрит на Мими таким извиняющимся взглядом, что создаётся ощущение, словно ему стыдно за свою же девушку – хотя, наверное, так и есть. Если он, конечно, не окажется таким же. Но в перепалке с Люцифером мне не показалось, что он пытается надеть на себя маску напускного радушия.

– Мы, наверное, пойдём, – говорит он, сглотнув и незаметно отпустив руку Лилу. – Рад за тебя, Мими, – на его губах проскальзывает улыбка, по крайней мере, кажущаяся мне искренней.

– Спасибо, – благодарит его Мими. – Лилу, будешь так же подлизывать преподавателям, как нам только что, может, когда-то сможешь получать высокие баллы, – кричит она вдогонку, но девушка никак не реагирует. – Сплошной парад лицемерия.

– Ангелы такие Ангелы, – соглашается Ади, когда мы начинаем движение в сторону общежития. – Всегда обходят искренность стороной, лишь бы оставаться святошами в глазах других – и им неважно, кто это: друзья, родственники или первые встречные.

– Не все Ангелы такие, – расстроено бросает Сэми, ногой откинув камень в лужу. – Как будто распределение проходит по принципу «лицемерный или нет»... – бурчит он,

напоминая, что попал к Ангелам благодаря успешной учёбе.

– Я думаю, Ади не имел в виду тебя, – стараюсь его подержать я, и Ади, не следящий за своими словами, сконфуженно кивает. – Я так же могу сказать, что Демоны вовсе не фильтруют свою речь, – перевожу взгляд на парня, отчего он смеётся. – Но это же не значит, что я имею в виду Мими или Ади? Хотя...

– Неправда, – отвечает Мими, посмеявшись. – Если бы распределение проходило иначе и не зависело бы от твоей социальной жизни, уверена, Сэми имел бы все шансы попасть к нам.

– Это комплимент или оскорбление? – недоверчиво спрашивает он, сощутив глаза.

– Комплимент! – в ту же секунду, не раздумывая, отвечает Ади, и на этот раз его неумение сначала думать, а уже потом говорить идёт на пользу.

Сэми наконец расслабляется, и на его губах расплывается широкая улыбка, после чего он получает короткий поцелуй от Ади.

– Почему вы общаетесь с Дино, если так не любите Ангелов? С Сэми всё понятно, но вот с ним... – вопрос сам собой рождается в моей голове, и я незамедлительно спрашиваю – чувствую себя достаточно комфортно с ними, чтобы не замалчивать интересующие меня вещи.

– Не всех мы не любим, – хмыкает Мими. – Просто большинство, понимаешь, ведёт себя как конченные эгоисты, –

она пожимает плечами и наступают на сухой лист, опавший с дерева. – Даже та же Лилу – она недолюбливает нас, считает, что Ангелы лучше Демонов, но никогда не скажет этого в лицо. Они добрые только тогда, когда это выгодно, вот и всё. Дино, он... По натуре своей мягкосердечный. Но, несмотря на это, всегда говорит правду.

Ади и Сэми подтверждают слова подруги, не забывая привести в его пользу по несколько аргументов, таких как, например, честность Дино со всеми, включая даже отца и профессоров, или его искренняя доброта к тем, кто этого, по его мнению, заслуживает, но Мими по непонятной для меня причине резко сменяет тему:

– Так! – восклицает она, забавно хлопнув в ладоши. – Мы собираемся как-то отмечать то, что я теперь официально в театре?

Глаза у Ади, как и у меня, загораются, он заговорщически оглядывает нас троих и хитро потирает руки друг о друга. Сэми улыбается, понимая, к чему клонит парень, и открывает перед нами дверь в общежитие. Я разделяю и радость: было бы неплохо развеяться после огромного потока новой информации.

– Мы идём в нашу комнату, а вы – к себе, – начинает Ади, проходя внутрь. – У меня где-то оставалось что-то из выпивки, мы с Сэми принесём. А с вас еда!

Расходимся по своим комнатам, и первым делом Мими, бросив сумку на пол, устало ложится на кровать, отчего се-

рый мягкий плед под ней мнётся, в то время как я аккуратно складываю свои вещи на тумбу.

Она радостно улыбается, лёжа в постели, и я, мысленно похвалив себя за то, что помогла ей найти силы на исполнение мечты, захожу в ванную, чтобы привести себя в порядок. Белые пряди неряшливо спадают на лицо, прикрывая ослабленный взгляд, и я заправляю их за уши, улыбнувшись собственному отражению в зеркале.

Я чувствую себя так, словно оказалась там, где должна была, хотя прошло всего несколько дней. Наверное, это хороший знак.

В голову невольно закрадываются мысли о том, что мама так и не перезвонила, но я не хочу сейчас об этом думать. Если бы с ней что-то произошло, папа бы точно сказал, но, раз уж он что-то скрывает, уверена, у него есть на это причины. Продолжаю смотреть на своё отражение в зеркале, растягивая накрашенные бордовой помадой губы в широкой улыбке, и даю себе обещание ещё раз набрать маму утром.

В нашей комнате не оказывается много еды – мы с Мими чаще всего питаемся либо в столовой университета, либо в кафе, на крайний случай предпочитаем полуфабрикаты, так что на столе оказываются лишь чипсы, бутерброды и фрукты не первой свежести.

Постельное бельё на кровати Мими шуршит под ней, когда она встаёт на ноги, чтобы помочь мне накрыть импровизированный стол. Парни заходят в комнату без стука, держа

в руках бутылки с виски и вином, и Мими сразу же бросает меня, забрав у Сэми тару из зелёного стекла, отчего он негодуяюще смеётся.

– Ну всё, – говорит Ади, положив рядом с едой остальные бутылки, – мы её потеряли.

– Давай только не как в прошлый раз, а? – Сэми начинает разливать виски по бокалам, но я, как и Мими, отдаю предпочтение вину. – Чтобы нам не пришлось тебя укладывать спать.

– Вот такие вы друзья, – нарочито грустно заявляет она, вручив мне бокал с алкоголем. – Тяжело позаботиться о любимой подруге!

Мы все поднимаем бокалы с напитками, приподняв их друг к другу, и стукаем с громкими вскриками и характерным стеклянным звоном, после чего Ади и Сэми залпом выпивают свой виски, в то время как мы с Мими делаем лишь по глотку.

– Посмотрим ещё, кто кого спать укладывать будет, – добавляю я, отмечая, как скоро Ади наливает себе новую порцию янтарной жидкости.

Запах спиртного витает в воздухе, а дружеская атмосфера только поднимает настроение. Мы приоткрываем окно – алкоголь вызывает жар, и уже совсем скоро щёки каждого из нас принимают забавный румянец, а прохладный воздух разряжает обстановку. Парни включают громкую музыку, не обращая внимания на приближающуюся ночь и не думая о

том, что мы кому-то можем помешать. Кажется, словно их не волнует никто и ничего кроме веселья.

– Предлагаю сыграть в «я никогда не»! – восклицает чуть выпивший Ади, когда спустя, наверное, часа полтора – мы совсем потеряли счёт времени – приходит к выводу, что «вечеринка слишком тухлая». – Правила же все знают? – он не ждёт ответа, выпивает жгучий виски и расслабленным взглядом рассматривает Сэми словно впервые.

– Да, – отвечает Мими, с улыбкой наблюдая за тем, как быстро алкоголь подействовал на друга. – Я говорю, чего я никогда не делала, и если кто-то из вас это делал, то выпивает, – ей приходится говорить громче и повышать голос, чтобы перекричать музыку, но никто из нас не против высокой громкости плейлиста, включённого Ади.

– Я начну, – Сэми так же не сводит глаз с Ади, и, хоть они не часто проявляют свои чувства и эмоции друг к другу на публике, их взгляды и касания как бы невзначай говорят о многом. – Я никогда не убежал из дома.

Мими выпивает, но, помимо меня, этому никто не удивляется, – видимо, Сэми и Ади и так об этом знали.

– Я была очень импульсивным ребёнком, – усмехается она, покрутив в руке бокал с багровой жидкостью. – У меня никогда не было секса в машине.

Ади и Сэми, переглянувшись друг с другом, залпом выпивают виски, после обменявшись хитрыми взглядами.

– Ну вы извращенцы! – смеюсь я, налив им алкоголя.

– Не завидууй, Вики, – подмигивает Ади. – Я никогда не...

Он не успевает договорить – в дверь кто-то стучит с невероятной силой, и этот кто-то явно очень настойчивый, ведь стук не прекращается даже после нецензурных криков Ади о том, чтобы нас оставили в покое. Мими недовольно цокает языком и делает музыку тише, пока я иду ко входу, чтобы открыть дверь незваному гостю.

На пороге оказывается Люцифер: его крепко сжатые кулаки и сощуренный взгляд говорят о том, что он сильно разозлён, и это почему-то смешит меня, а выпитый алкоголь ударяет в голову, и неконтролируемая улыбка проскальзывает на губах. Безмятежно опираюсь о дверной косяк и складываю руки на груди, пока друзья громко интересуются, кто нарушил нашу атмосферу.

– Вы совсем с ума посходили? – отнюдь не радушным тоном спрашивает он, но моё настроение сейчас ничто не испортит. – Время видели? Музыка этажом выше слышно!

– Не злись, Люци, – настолько мягко, насколько позволяет мой голос, проговариваю я, отчего он лишь на мгновение приходит в негодование. – Мими прошла прослушивание в театре, мы просто отмечаем.

На секунду в его глазах мелькает гордость, – или мне так кажется – но практически сразу он вновь надевает маску суровости, шумно сглотнув.

– Мне неважно, – бросает он, но огонёк интереса всё же проблескивает в его глазах. – Заканчивайте давайте.

– Кто там, Ви? – спрашивает Ади, но не дожидается ответа и подходит ко мне сам с полупустой бутылкой виски. – О, Люцифер! – восклицает он так, словно они старые приятели, смотря на нас стеклянным взглядом, и опирается о меня, теряя равновесие. – Чего хмурый такой? Присоединяйся к нам!

Ади отстраняется от меня и приобнимает Люцифера за шею, притягивая к себе и безрезультатно пытаясь затащить его в нашу комнату. Их силы слишком не равны – как минимум потому, что в Ади примерно на литр больше алкоголя, чем в Люцифере.

– Перестань, – ворчит он, а я никак не вмешиваюсь в их неравноценную борьбу, чего нельзя сказать о Мими и Сэми.

Мими ничего не говорит – лишь задумчиво наблюдает за ними в стороне, пребывая в каких-то своих мыслях, Сэми же улыбается и пытается помочь Ади уговорить Люцифера присоединиться к нам, но, в отличие от парня, делает это словами.

– Давай, Люцифер, – подначивает Сэми, смотря на то, как Ади не теряет надежды затащить его к нам. – Он же не отстанет, – хмыкает он. – Мы недолго посидим, завтра всё равно на занятия.

Не знаю, дело ли в убедительности Сэми или, может, в том, что Люцифер и сам спустя пару минут уговоров захотел присоединиться к нам, но он сдаётся и, подняв руки в знак капитуляции, соглашается. Закрываю за ним дверь и, когда

возвращаюсь, замечаю, как Ади, ставший внезапно дружеским по отношению к Люци, наливает ему остатки виски.

– Продолжаем играть? – спрашивает Мими, делая вид, что ничего не изменилось, но от меня не уходит её потерянный взгляд.

Видимо, если в нашем с Люцифером случае мне нравится спорить с ним, то в их с Мими ситуации всё иначе: ей действительно не всё равно на то, что они больше не общаются.

– Мы играем в «я никогда не», – объясняет Сэми ново-прибывшему. – Ади, твоя очередь.

– У меня никогда не было секса по пьяни, – говорит он и сверкает изумрудными радужками в сторону своего парня, как бы говоря ему, что хотел бы это исправить, отчего я смеюсь, а щёки самого Сэми заливаются румянцем.

Мими и Люцифер выпивают, не смотря друг на друга, – делают вид, что не находятся в одной комнате, беззаботно играя в игры спустя столько времени разлуки – и он наклоняется ко мне, опалая моё ухо своим дыханием. Этого никто не замечает – все заняты тем, что наливают по бокалам новые порции алкоголя, коего осталось не то чтобы много, и тело отчего-то покрывается мурашками, когда Люци почти что невесомо касается моего запястья своей рукой.

– Ну ты и монашка, оказывается, Уокер, – шепчет он, на что я вопросительно выгибаю бровь, но не успеваю ответить даже слово.

Ади неуклюже ставит передо мной бокал, расплескав

багровую жидкость по деревянной поверхности стола, и я, прежде чем Мими начинает ругаться, вытираю всё салфеткой.

«Посмотрим, кто тут монашка» – проносится в моей голове, и я заявляю:

– Я никогда не угоняла полицейскую тачку, – выпиваю вино до дна и смотрю в этот момент только на удивлённое выражение лица Люцифера. Впрочем, ошеломлённым оказывается не только он, но сейчас меня не интересует ничья реакция, кроме его.

Решаю оставить подробности в тайне, ведь, если их раскрыть, история получится не такой интересной. В голове невольно возникают воспоминания того дня, когда я, возвращаясь домой после ночной прогулки, услышала за углом странные звуки. Оказалось, у бедняжки начались преждевременные роды, и, к её несчастью, в то время в городе были многокилометровые пробки.

Оставить её одну в таком состоянии я не могла, а «скорая» могла бы просто-напросто не успеть. Конечно, опыта в принятии родов у меня никогда не было, зато были водительские права и полицейская машина, припаркованная совсем рядом.

Хотелось бы мне позвать кого-то на помощь – да некого. Помню, как подняла взгляд на полную луну и небо, заполонённое звёздами, пытаюсь найти выход. Как в наважде-нии, разбила окно в чёрно-белом авто с мигалками сверху,

не без приложенных усилий открыла дверь и усадила внутрь девушку. Мы доехали до ближайшей больницы так скоро, как только могли – сердце норовило вот-вот выпрыгнуть из груди, я всё думала о последствиях и представляла, какой срок могу получить за совершённое, и даже беспомощные крики роженицы не могли заглушить моих мыслей.

Она была так благодарна, что выступала на суде свидетельницей, отчаянно защищая меня. Рассказала, что врачи нарекли: если бы меня в тот день не оказалось рядом, она могла потерять не только ребёнка, но и свою жизнь.

Честно признать, сидя на скамье подсудимых в тот день, я кое-как сдерживала слёзы и уже было начинала жалеть о том, что сделала. Думала, что все мои мечты на счастливое будущее канут в лету, но спустя несколько минут услышала долгожданное и, казалось, нереальное «оправдана». А новоиспечённая мамочка после не раз звонила мне с благодарностями и всё пыталась узнать мой адрес, чтобы отправить подарок по почте.

– Охренеть, – слова Мими развеивают мои мысли, и я с усмешкой наблюдаю за тем, как она негодует от моего признания. – С кем я живу! – смеётся она, но веселье её прекращается, когда очередь доходит до Люцифера.

– Я никогда не состоял в серьёзных отношениях, – говорит он и лишь скучающе смотрит на алкоголь в своих руках.

Мы с Ади и Сэми выпиваем, Мими же с Люцифером не притрагиваются к напиткам. Насчёт него я не удивлена, а вот

по поводу соседки – да. Как же так получилось, что она, такая яркая и экстравагантная, ни разу не состояла в серьёзных отношениях? Или просто ещё не нашла своего человека?

– Я никогда не бросала друзей ради кого-то нового, – настаёт очередь Мими, и она изучающим взглядом проходится по Люциферу. В этот раз никто не выпивает, и её это явно удивляет.

– Нет, малышка Мими, – он понимает, к чему она клонит и вполне серьёзно даёт ей прямой ответ.

– Тогда в чём дело? – алкоголь развязывает ей язык, теперь всё, что она так долго копила в себе, выходит бесконечным потоком слов. – Почему мы перестали общаться без какой-либо причины спустя столько лет? Мы дружили с детства, а с появлением Ости ты просто забыл обо мне, начал игнорировать даже тогда, когда я отчаянно, но безрезультатно пыталась узнать хоть что-то.

Люцифер вздыхает и взъерошивает волосы – ему больше не удаётся прятать эмоции за маской холода и безразличия.

– Мими, давай потом, – отрешённо бросает он, но все мы понимаем, что «потом» вряд ли наступит.

– Итак, – Сэми меняет тему, нарушая неловкую паузу. – Я никогда не плакал на похоронах.

Из нас всех выпивает только Люцифер и приглушённо смеётся, когда замечает, что никто, кроме него, даже не притрагивается к алкоголю.

– На маминых, – отвечает он на немой вопрос, вставший

в наших глазах, и наливает себе очередную порцию виски, выпив её до того, как игра продолжается.

Мы быстро возвращаемся к игре, чтобы не затрагивать его болезненные темы, и спустя пару кругов в глазах начинается мутнеть от количества выпитого. Мими стеклянным взглядом обводит помещение, смотря словно в пустоту, она пребывает в своих мыслях и не собирается посвящать нас в них, в этот раз держа рот на замке. Сэми лежит на плече у чрезмерно активного для человека в его состоянии Ади, а я подпираю голову рукой в попытке не уснуть. Люцифер тоже пьян – об этом говорит его слишком развязное поведение, в отличие от обычного, он сидит на моей кровати практически полужёжа и, кажется, даже чувствует себя комфортно. Впрочем, для компании Мими, Ади и Сэми это не удивительно. Кажется, словно они способны расположить к себе кого угодно.

– Давайте, наверное, заканчивать, – сонно зевает Сэми и нехотя поднимает голову с плеча парня.

– Веселье только начинается! – протестует он, но мы соглашаемся с тем, что пора бы всем по своим комнатам. – Зану-у-уды, – пьяно протягивает Ади и встаёт с кровати, стараясь ровно держаться на ногах.

– Приятных снов, – улыбается Мими. – Сэми, следи, чтобы Ади не потерялся, – шутит она, на что друг кивает, смиренно приложив руку к голове.

– Доброй ночи, – желаю им я, и мы прощаемся с парнями тёплыми объятиями, а Люцифер – рукопожатиями.

– Я тоже пойду, – говорит он, когда мы остаёмся в комнате втроём, на что Мими лишь пожимает плечами. Я знаю, о чём она думает, и Люцифер, очевидно, тоже, так что решает не мучить её и отвечает на такой важный для неё вопрос. – Мы перестали общаться, малышка Мими, потому, что я не мог дать тебе того внимания, что ты заслуживала. Мне нужно было перестать финансово зависеть от отца, и поэтому я должен был всё свободное время уделять учёбе. Я знаю, как ты расстраивалась, когда мы отдалялись. Тогда вы с Ади стали сближаться, я видел, как с появлением Сэми ваша дружба стала ещё крепче, чем в детстве, и подумал, что, раз уж ты переключилась на них, потеря меня будет не такой тяжёлой, какой могла бы.

Он уходит, оставляя Мими в негодовании – она приоткрывает рот, желая что-то сказать, но не решается. Мы больше не разговариваем, ложимся спать, каждая в своих мыслях, и, даже если бы я очень хотела, не позволила бы себе расспрашивать её после столь неожиданного признания Люцифера.

Азарт

Не все люди открываются, отдавая. Кто-то подпускает к себе только после трёх шагов навстречу.

Утро начинается с оглушающего будильника, трёх полных стаканов воды, выпитых практически залпом, и ужасной головной боли. Шипящая белая таблетка аспирина становится надеждой на улучшение состояния, но несколько не помогает.

Мими, сладко спящая в своей тёплой кровати, накрыта мягким пледом и крепко обнимает подушку. Она тихо посапывает, и мне очень хочется оказаться на её месте, но сейчас это невозможно. Я завистливо смотрю на Мими, цокнув языком и вновь схватившись за голову.

«Так крепко спит, аж бесит!»

Стягиваю с неё одеяло, чтобы разбудить на занятия и расспросить о том, что было ночью, – или чтобы не чувствовать себя столь обделённой, – но она лишь хнычет и издаёт измученный стон.

– Вики, отвали, – бормочет она, даже не пытаясь вернуть одеяло – сон, видимо, гораздо важнее тепла. – Я никуда сегодня не иду, и тебе советую.

– Ага, – саркастично отвечаю я и, нехотя сжавшись, от-

даю ей одеяло. – Мне со стипендией только бы прогуливать.

Мими больше ничего не говорит – сон одолевает её, и я кое-как борюсь с желанием лишить её плета вновь. Вместо этого я лишь неохотно складываю тетради в рюкзак, не забывая время от времени издавать протяжные зевки.

На занятия я иду без прежнего энтузиазма – да уж, праздновать что-то за несколько часов до учёбы, очевидно, не лучшая идея, но, если я не хочу слететь со стипендии, прогуливать нельзя. *«Я пропустила слишком много веселья, чтобы сейчас так просто отказаться от этого»*, – с усмешкой думаю я о своих потерях ради стипендии, вспоминая, с какой искренней грустью приносила в жертву практически каждую вечеринку за последние полгода.

По расписанию первой должна быть история кино, но профессор, на удивление, задерживается. Я вновь сижу за партой одна, а хвалёного Асмодея так и нет. Что ж, либо у него что-то случилось, либо он предпочитает сон. Не могу отрицать, что я жду, когда он придёт хотя бы на одно занятие – мне было бы действительно интересно посмотреть на того, кого похвалил Сэми, и в частности на того, кто является лучшим другом Люцифера. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, – верно?

Слышу, как позади меня шепчутся Лора и Энди – это, впрочем, неудивительно, они делают это абсолютно всегда, заставляя меня всё время оборачиваться назад и недовольно просить перестать, но на просьбы они, конечно, не реагиру-

ют. Ложусь на парту, кажущуюся сейчас особенно удобной, и закрываю глаза, положив под голову руки. Не знаю, сколько времени нахожусь в такой позе, но прихожу в себя только от знакомого голоса, эхом прозвучавшего в голове, отчего изначально создаётся ощущение, словно всё происходящее – сон.

– Добрый день, – здоровается она, и я не верю своим глазам, видя мамино лицо. Я так и не позвонила ей, не узнала, что произошло, а сейчас она невозмутимо стоит передо мной, держа в руках папку с бумагой. – Меня зовут профессор Ребекка, и с этого дня я буду преподавать у вас историю кино.

Я не знаю, как реагировать и что я должна чувствовать в этот момент, и просто хлопаю округлёнными от удивления глазами. Она тоже замечает меня, но задерживает на мне взгляд не дольше, чем на ком-либо другом, убрав пшеничную прядку волос с лица. Так, словно я означаю для неё ровно столько же, сколько и остальные в этой аудитории!

Моему негодованию нет предела – это сюрприз? Тогда мамочка, он совершенно не удался! Несомненно, я знала, что мама окончила этот же ВУЗ и этот же факультет, – отсюда и моя любовь к режиссуре – но откуда мне было знать, что она может решить преподавать здесь, не предупредив меня?

На занятии она ведёт себя точно так же, как и всегда, оставаясь серьёзной и ни на секунду не давая понять хоть кому-то, что в аудитории находится её дочь. Честно признать, я

часто задумывалась: испытывает ли она хоть иногда какие-то чувства, или они вовсе чужды для неё? В отличие от порой чрезмерно эмоционального отца, переживающего о любой царапинке на моём детском теле, мама всегда подходила к ситуациям с холодным разумом. Для меня всегда было приятным удивлением, что они остаются вместе спустя столько лет, строя счастливую и крепкую семью независимо от совместимости характеров.

Бесконечный поток вопросов о том, как она вообще здесь оказалась, лезет в голову, практически не давая мне возможности отбиться от них, и Энди попадаетея под горячую руку, когда прерывает мои мысли, решив, что это идеальный момент для того, чтобы попросить ручку. Интересно, зачем тебе, идиот, ручка, если нам пока не было сказано что-то писать?

Лекция, по ощущениям, длится бесконечно, и я действительно устаю от неё, несмотря на то, что несколькими часами ранее скучала по голосу мамы и хотела вновь его услышать. Облегчение наступает лишь тогда, когда она произносит последнюю фразу и показательно захлопывает свои конспекты:

– На следующее занятие подготовьте, пожалуйста, доклады о редко встречающихся жанрах кино в начале двадцатого века и их влиянии на современное киноискусство, – говорит мама, встретившись с недовольными возгласами. – Спасибо за внимание, хорошего дня, – она игнорирует всеобщее возмущение, словно ничего не заметила.

Все расходятся, прощаясь с ней, а я остаюсь по очевидным причинам.

– Ничего не хочешь сказать? – спрашиваю я, подойдя к маминому столу, когда она складывает свои бумаги обратно в папку.

– А должна? – она вновь делает вид, что ничего не произошло, вновь не показывает ни единой эмоции и даже не поднимает на меня взгляд.

– То есть то, что ты, оказывается, теперь преподаёшь у меня, не должно было меня удивить? Или это теперь в порядке вещей – не делиться ничем, не отвечать на звонки? – смотрю на неё сверху вниз, сложив руки на груди так, что сумка неудобно упирается в живот. Вопросы, которые я держала в себе на протяжении полутора часов, выливаются из меня без остановки, но легче нисколько не становится. Даже наоборот, ведь теперь я точно понимаю, что не сплю.

– Виктория, – мама прерывает меня строгим голосом – таким, какой я слышала каждый раз, когда провинилась – и массирует шею круговыми движениями. – Не будь такой инфантильной. Мне предложили повышение, как я могла отказать? Так ещё и в ВУЗе, который мне довелось окончить много лет назад.

– А папа? Ты оставила его одного? Где ты сейчас живёшь? – вспоминаю наш видеозвонок и его странное поведение, отсутствие мамы и порядка в доме, и теперь всё становится на свои места.

– Я живу у своего коллеги и по совместительству старого друга, профессора Винчесто, ты с ним уже знакома, – отвечает она, но вопросов у меня только прибавляется. Насколько это нормально – жить с другим мужчиной, когда находишься в браке больше двадцати лет? – Папа был не против, всё нормально. Хватит, я прошу тебя, – её тон даёт понять степень недовольства, а взгляд, наконец поднятый на меня, скорее раздражённый, чем дружелюбный.

Я тоже рада тебя видеть, мама.

Она больше не даёт мне возможности задать даже один вопрос, выталкивая из аудитории почти силой, что уж говорить о тёплых объятиях, подобающих матери с дочерью. Как расчётливая мама, принимающая подобные серьёзные решения не за один день и иногда даже не за одну неделю, могла так импульсивно переехать в другой город? И как чувственный папа, так лелеющий их отношения, мог отпустить её жить с незнакомым человеком? Что такого могло произойти за несколько дней моего отсутствия, что доверительные отношения с родителями вмиг распались, и теперь они скрывают от меня что-то важное?

Наверное, так бывает, когда ты взрослеешь и начинаешь смотреть на вещи совершенно под другим углом. Теперь мама не кажется тем человеком, с которым можно поговорить обо всём на свете, а папа больше не ждёт тебя из школы, чтобы узнать, всё ли хорошо у единственной дочурки. Конечно, я знала обо всём этом, но никогда не думала, что ляжет на

мои плечи так скоро. Такие события всегда кажутся невероятно далёкими, и даже в момент их наступления ты не всегда веришь, что то, чего так боялся, произошло.

После произошедшего настроение ещё хуже, чем утром, – мне хочется закрыться в комнате и никуда не выходить, хорошенько выспаться и забыть о том, что в семье что-то не так. А хуже всего то, что я до сих пор не знаю и не понимаю, что значит это «что-то».

Желания идти на совмещённую с другими курсами лекцию совершенно нет, но приходится. Жаль, но разрушенное детское мышление вкупе с похмельем не является уважительной причиной для прогула.

Я занимаю место в конце аудитории, чтобы никто не смог отвлечь меня от поиска информации для задания на семинар мамы. Лучше подготовить всё сейчас, а в общезитии отдыхать, чем наоборот. Хотя, быть может, таким образом я просто пытаюсь убежать от мыслей о произошедшем. В таком случае, нужно отвлекаться на что-то другое.

Но моему одиночеству не суждено длиться долго – Люцифер, вошедший в аудиторию, практически сразу замечает меня и уверенно направляется в мою сторону, при этом, на удивление, совсем не выглядит хоть сколько-то уставшим. Впрочем, его появление не сильно напрягает меня: Люцифер не испортит настроение мне ещё больше – либо будет задумчиво молчать, либо же решит попытаться подколоть меня, но это скорее забавно, нежели неприятно.

– Как дела, Непризнанная? – непринуждённо спрашивает он, удобно устроившись рядом со мной.

– Дай-ка подумать. У меня похмелье, от которого разрыгается голова, как у меня могут быть дела? Чудесно, конечно! – саркастически язвлю я, чем вызываю у Люцифера лишь смешок. А о семейном разладе ему знать необязательно.

– Даже в похмелье ты находишь повод грубить мне, – Люци хитро сощуривает глаза, но я нахожусь не в том состоянии, чтобы снова спорить. – Может быть, я искренне интересуюсь твоими делами?

– Люцифер, мне не до тебя сейчас, – равнодушно отвечаю я и медленно начинаю раздражаться, так как ни один из сайтов не выдаёт мне нужную информацию. – Я занята более важными вещами.

– И какими же? – спрашивает Люцифер, не обращая внимания на мою колкость и незаинтересованность, что довольно странно.

Непонимающе хлопаю глазами, когда профессор уже оказывается в аудитории, но вовсе не обращаю на него внимания. Ему действительно интересно, чем я занимаюсь?

– Ищу информацию для доклада, – у меня не остаётся сил спорить, и я повторяю слова мамы, когда Люцифер, как мне кажется, искренне интересуется темой для задания. Но его реакция заставляет меня вопросительно выгнуть бровь.

– Ну, удачи тебе найти это в интернете, – он выделяет интонацией «это», и не сказать, что мне сильно нравится его

отношение к теме моего доклада.

– Что не так? – спрашиваю я, но, кажется, медленно начинаю понимать.

– Асмодею на первом курсе задавали что-то похожее. Он тогда все сайты пересмотрел – ничего не нашёл, – слова Люцифера совсем не обнадеживают, а, наоборот, вызывают у меня измученный стон, заставивший других студентов обернуться в нашу сторону. – Помню, мы обошли всю библиотеку Непризнанных, и там тоже ничего не было. Тогда какой-то благородный старшекурсник провёл нас в библиотеку Демонов, и только там, спустя часы поисков мы нашли то, что нужно было.

Ещё одна особенность РиА – отдельные библиотеки. Насколько мне известно, сделано это для того, чтобы каждый студент мог проводить больше времени непосредственно с теми, кто находится с ним в одной группе, однако то, что в разных библиотеках разные книги, совсем не радует. И как я, по вашему мнению, должна искать информацию?

Слова Люцифера звучат правдиво: пока ни один из пересмотренных мною сайтов не выдал хоть сколько-то похожую информацию на то, что мне нужно, так что я обессиленно ложусь головой на парту, ненароком слабо ударившись.

Просить поблажку или помощь у мамы абсолютно бесполезно – в плане официальных отношений и учёбы она всегда была консервативна и принципиальна. *«Ты должна учиться справляться с заданиями сама, чтобы во взрослой жизни»*

ни было легче сепарироваться», – говорила она мне, когда я не понимала домашние задания. Ни мои просьбы, ни слёзы не могли пробудить в ней хоть какое-то сочувствие, а потому мне всегда приходилось украдкой пробираться к папе и просить помощи у него.

Я смотрю на Люцифера, но не могу разобрать его эмоции: он не изображает сострадания или понимания, но вместе с этим я не замечаю ни капли насмешки, которую ожидала увидеть по обыкновению.

– Ни на что не намекаю, но рядом с тобой сидит один из представителей демонов, – медленно и нарочито незаинтересованно проговаривает он, довольно ухмыляясь.

– Ты же не поможешь мне просто так, я права? – и дурак поймёт, что Люциферу незачем делать что-то, если он не получит выгоду взамен.

Он медленно кивает, оценивающим взглядом проходясь по мне, словно радуясь тому, что я быстро всё поняла.

– Ну и... Что я должна сделать, чтобы ты провёл меня в библиотеку Демонов? – спрашиваю я, сцепив руки в замок и положив их под подбородок. Внимательно вглядываюсь в завораживающие глаза Люцифера и не думаю прерывать зрительный контакт, а он, в свою очередь, поступает так же. Мы словно играем в гляделки, не сговариваясь, и приз за победу может быть совершенно не предсказуемым.

– Одно желание, – отвечает он, следя за моей реакцией, но я не поддаюсь на его уловки, лишь прикусив нижнюю губу

с целью сдержать возмущения.

– И что это за желание? – спрашиваю я, наивно полагая, что он скажет мне его сразу же, и через секунду Люцифер раздражается тихим низким смехом.

– Ну уж нет, Непризнанная, – скучающе произносит он. – Так неинтересно.

Одному дьяволу известно, каким будет это желание: зная Люцифера пусть и всего пару дней, я могу догадаться, что он заставит сделать что угодно и не задумается ни на секунду о последствиях для меня. Незаметно – насколько могу это сделать – сжимаю челюсти и вздыхаю от собственного бессилия. С другой стороны, я ведь могу попросить Мими или, например, Ади, чтобы они помогли мне?

– Тогда я найду человека, который сможет помочь мне безвозмездно, – недовольно бросаю я и отворачиваюсь от него, начиная стучать ногтями по экрану телефона, печатая соседке сообщение.

– И кого же? – всё не унимается Люцифер. – Мими и Ади? – он недобро усмехается, подперев голову кулаком. – Мими потеряла пропуск ещё на первом курсе и делать новый ей некогда, а Ади даже не числится в списках читателей. Говорит: «мне что, заняться нечем, – по библиотекам шляться?», – его слова заставляют меня издать вымученный стон и отложить телефон в сторону. Люциферу незачем врать, если, конечно, его желание уже не придумано и не является чем-то чересчур важным.

А сообщение Мими – благо, с телефоном она практически не расстаётся – лишь подтверждает его слова.

прости, ви, никак. я где-то потеряла пропуск ещё в прошлом году

да и, в любом случае, без него ты хрен пройдёшь. так что, даже если бы не теряла его, вряд ли помогла бы

Блокирую телефон, обессиленно отставив его в сторону. Бесплезный! И за что со мной это происходит? Неужели это и есть та самая «взрослая жизнь»? Неужели с переездом от родителей все проблемы мира вмиг обрушиваются на вас?

Я не знаю, что теперь делать: заваливать доклад перед мамой не вариант, я *должна* выполнить его идеально, так, чтобы у неё не возникло вопросов. Так, чтобы она поняла, что я чего-то стою и не заслуживаю к себе такого отношения, как сегодня. Она всё детство ругалась из-за уроков, заставляла делать их до поздней ночи. Не то чтобы от этого прибавилось больше знаний – нет, скорее, я стала хитрее, научилась врать и незаметно сбегать из дома. Но выслушивать очередную тираду в свой адрес я не намерена.

Я обязана показать ей, что выросла. Обязана показать, на что способна. Может быть, тогда она поймёт, что я самостоятельная? Может быть, тогда похвалит меня?

И, наверное, это стоит того, чтобы выполнить желание Люцифера. Его я знаю всего несколько дней, а мама докучает мне всю жизнь. И если для того, чтобы она наконец признала меня или хотя бы одобрительно кивнула головой с лёгкой

улыбкой на губах, нужно проиграть Люциферу, я готова.

– Хорошо, – сквозь зубы соглашаюсь я. – Пообещай, что желание будет адекватным, и мне не придётся бегать голышом по всему зданию университета, – я знаю, что наивно полагать на его благоразумие, но всё равно делаю это.

– Уокер, ты только что подкинула мне прекрасную идею, – он сверкает глазами в мою сторону, отчего мне невероятно сильно хочется бросить шариковую ручку ему в лицо.

***

По окончании занятий Люцифер находит меня сам – что же, оказывается, он человек слова и не собирается бросить меня ни с чем. По дороге к библиотеке мы вовсе не разговариваем, Люцифер отдаёт предпочтение телефону, а я не собираюсь выпрашивать внимание. Он и так тратит своё свободное время на то, чтобы, пусть и не бескорыстно, но помочь мне.

Забавно, насколько с разных сторон я видела Люцифера за эти несколько дней: не знаю точно, но, кажется, он лишь хочет показаться грубым и холодным, ведь его поступки говорят об обратном. Азарт течёт по крови с невероятной скоростью, и мне хочется раскрыть его истинную натуру, понять, какой он на самом деле. Я знаю, что на это уйдёт уйма времени, но не собираюсь сдаваться.

Светлая библиотека встречает нас неестественным освещением: солнце сегодня совсем не приветливое – скрылось за густыми тучами, и я постепенно начинаю привыкать к

пасмурным дням, коих теперь, похоже, будет достаточно. За деревянной стойкой, незаинтересованно перебирая какие-то бумаги, скучающе сидит пожилая женщина, на носу у которой очки явно многолетней давности. Люцифер негромко прокашливается, постучав костяшками пальцев по дереву, и старушка абсолютно равнодушно поднимает на него взгляд уставших глаз, приспустив очки за одну из дужек.

– Пропуск, – проговаривает она скрипучим голосом и, кажется, совсем не довольна тем, что мы прервали занятие. Вот так выглядят люди, пребывающие на нелюбимой работе: синяки под глазами, в которых, очевидно, когда-то блестели искры; свитер, впопыхах надетый на скорую руку; и, конечно, отвратительное настроение, которым, может, и ненароком, но точно заразишь кого-нибудь.

Люцифер вынимает из кармана брюк свой пропуск и открывает его так, словно это не обычный читательской билет, а служебное удостоверение какого-нибудь работника полиции; работница же, в свою очередь, щурится и всматривается так, словно пропускает нас не в обычную библиотеку, а в запретную лабораторию. Интересно, она действительно думает, что сюда может прийти кто-то помимо студентов, которым всего-навсего нужно найти информацию для доклада?

– А подружка? – она отрывает взгляд от пропуска Люцифера и указывает подбородком в мою сторону, показывая явное презрение.

– Она со мной, – отвечает он, обнажая ряд белоснежных

зубов. Видимо, пытается казаться дружелюбным, но это явно не тот подход, что нужен в этой ситуации.

– Это я вижу. Пропуск где? – она стучит пальцем по столешнице, призывая положить несуществующий читательский билет туда.

Но я не из робкого десятка и начинаю показательно искать его в сумке. Пусть на актрису учится и Мими, но я тоже не лишена навыков игры. Какого чёрта Люцифер обещал помочь, а в итоге я делаю всё сама?

– Мими, – я не сразу понимаю, зачем он произносит имя моей соседки, и продолжаю рыться в сумке. – Мими, ты опять забыла пропуск дома? – теперь до меня доходит, что он обращается ко мне, но причина мне всё ещё не ясна. – Ты же знаешь, как нам важна эта книга! Как мы придём на занятия без этих знаний, ты не подумала? – Люцифер говорит раздражённым и, наверное, даже злым тоном, и, кажется, я окончательно начинаю понимать, в чём дело. Он тоже блефует, и как я сразу не поняла!

– Не кричи на меня, я была уверена, что положила его сюда! – я начинаю подыгрывать и указываю ему в пустой карман сумки.

– Поздравляю, Майерз, теперь нам возвращаться домой три часа без учёта пробок. И обратно столько же, – со сжатыми челюстями произносит Люцифер настолько реалистично, что я и сама на мгновение начинаю верить в происходящее. – Как мы, по-твоему, всё успеем?

– Успокойтесь, – шикает наконец обратившая на нас внимание работница. – Всех читателей мне распугаете! Ладно, – сдаётся она под напором наших обречённых взглядов. – Мими Майерз?

Люцифер подтверждает вместо меня, и женщина начинает водить мышью по столу в полной тишине. Шорох движений вкупе с щёлканьем по ней становится единственным, что нарушает молчание. Она медленно набирает на потрёпанной клавиатуре названное имя и, бросив на меня последний взгляд, неохотно кивает.

– Проходите уже, – она отмахивается от нас словно от назойливых мух, а после снова надевает очки на кончик носа. – Но это в первый и в последний раз!

Я незаметно выдыхаю от радости, что всё действительно получилось, и беру свои мысли насчёт Люцифера обратно. Оказывается, у него был план, просто я его опередила.

Мы киваем и, пока женщина не передумала, спешно проходим вглубь библиотеки, где по всему периметру помещения расставлены немаленькие читальные столы, за которыми, склонившись над толстыми книгами с пожелтевшими от времени страницами, сидят такие же студенты, как и мы. Люцифер уверенно ведёт меня в сторону стеллажей высотой до потолка.

– А если Мими узнает, что мы воспользовались её именем? – шёпотом спрашиваю я по дороге и оглядываюсь по сторонам, чтобы удостовериться, что нас никто не слышит.

Люцифер слишком резко разворачивается на пятках лицом ко мне, и я ненароком чуть не врезаюсь в его грудь, но вовремя останавливаюсь.

– Покрутит пальцем у виска и посмеётся, сказав, что такое мог придумать либо идиот, либо гений, – отвечает Люци, и я понимаю, что он хорошо знает Мими. До сих пор. – Успокойся, Непризнанная, она не придёт сюда даже под дулом пистолета.

Его слова вселяют в меня уверенность: не хотелось бы поспорить с новоиспечённой знакомой ещё до того, как мы успели стать подругами.

– Так, – задумчиво проговаривает Люцифер и поворачивается лицом к полкам, внимательно проходясь по ним взглядом. – Тебе нужна книга «Сюрреализм и кино», она в голубой обложке, насколько я помню, – он отрывает глаза от стеллажа и обходит меня сзади. – Что ж, удачи, я пошёл.

– То есть так, да? – складываю руки на груди и вызывающе поднимаю одну бровь. – Ты обещал помочь. Взятся за дело – иди до конца или вовсе не начинай, – требовательно проговариваю я.

Не хотелось бы остаться здесь одной под надзором работницы, которую мы нагло обманули. Я перестану тревожиться только тогда, когда выжму из этой библиотеки всю нужную мне информацию. Если в случае с ложью родителям всё, что меня ждало, – ссора и выговор, то сейчас потери могут оказаться крупнее. А с Люцифером, хоть я и не хочу это при-

знавать, мне будет спокойнее.

– Какие мы настойчивые, – подтрунивает он, и я уже начинаю жалеть, что сказала остаться. – Вообще мы договаривались только о том, что я помогу тебе пройти в библиотеку, но, если сама Виктория Уокер жаждет моей компании, как я могу ей в этом отказать? – на лице Люцифера появляется такая довольная улыбка, словно он заполучил то, о чём давно мечтал, и я закатываю глаза от собственной беспечности – самовольно потешила его это, молодец!

– Какой же ты самовлюблённый, – бросаю я через плечо и огибаю Люцифера с другой стороны, начиная проходиться взглядом по корешкам книг, изредка вынимая их с полки, чтобы удостовериться, что это не то, что мне надо. – Учти: я не Ости, и на меня твои уловки не действуют.

Люцифер стоит на удивление близко ко мне, не обращая внимания на, пусть и небольшое, но всё же количество студентов, оказавшихся здесь по своей – или не очень – воле. Благо, к нашему отделу близко никто не подходит, и это играет мне на руку, не заставляя ускорять поиски и торопливо копошиться в сотнях книг.

– О, да, – саркастично проговаривает он и то ли от скуки, то ли от каких-то других побуждений начинает помогать мне искать необходимый учебник. – На тебя так сильно не действуют мои уловки, что ты уже в который раз упоминаешь Ости с надеждой на то, что я не замечу твою ревность.

Его всё происходящее только забавляет, пока я недоуме-

вающе стою, развёрнутая спиной к нему.

– Какая ещё ревность? – с совершенно искренним непониманием спрашиваю я, пока раздражение от столь нарциссичного диалога только возрастает. – Ты слишком недооцениваешь меня и переоцениваешь себя.

– Может быть, – пожимает он плечами. – Только вот твои глаза, загорающиеся каждый раз при виде меня, говорят об обратном, – произносит Люцифер, а я не могу сказать ни слова: их слишком много, чтобы сформулировать во что-то связное и понятно выразить свою мысль.

Как можно было перепутать азарт, вызванный банальным интересом, с ревностью? У самого черти в глазах пляшут во время каждой нашей перепалки, но я ведь не пытаюсь указать на это. Понимаю же, что он, как и я, в жизни не признается, что наши споры, желание доказать собственную правоту, отстаивать своё мнение и, если повезёт, принять победу невольно заставляют вступать в них снова и снова, и каждый раз финал абсолютно не предсказуем – его не сможем предугадать ни мы, ни окружающие, ни ясновидящие.

Мы знакомы всего несколько дней, чуть меньше недели, а он уже успел почти что поселиться в моей голове, всё время вынуждая представлять наши очередные разговоры и то, чем они закончатся на сей раз. К слову, я ещё ни разу даже близко не угадала, как пройдет наша встреча. Это похоже на некое соревнование с самой собой: одна сторона меня словно специально подкидывает мысли о Люцифере даже в,

казалось бы, самые не подходящие для этого моменты, пока другая, напротив, всеми силами пытается выудить его из моей головы до того, как это зашло слишком далеко. А самое страшное то, что я сама не имею представления о том, нравится мне это или нет.

Я поворачиваюсь лицом к Люциферу с вызывающе сложенными на груди руками. Всё, на что меня хватает, – беззвучно открывать и закрывать рот в поиске таких слов, которые он не смог бы перевернуть с ног на голову, но не нахожу ничего подобного. Я даже не замечаю, как быстро в его компании забываю о такой важной для меня минутой ранее книге. Люцифер тихо посмеивается, наблюдая за тем, как на моём лице со стремительной скоростью одна эмоция сменяет другую, и опирается одной рукой о стеллаж позади меня. Разница в росте заставляет его смотреть на меня сверху вниз, но взгляд его несколько не высокомерный. И это позволяет мне чувствовать себя комфортно, не думать, что мы с ним на разных уровнях.

Его рука, находящаяся сбоку от меня, словно останавливает, чтобы я не уходила. Но я знаю: при желании я бы без проблем освободилась и вернулась к первоначальной задаче прихода сюда, а он не стал бы давить и силой останавливать. Но желания нет, а потому я продолжаю стоять неподвижно.

Глаза Люцифера выражают что-то новое, ранее не известное мне. А может, я просто не замечала этого. Кажется, словно он смотрит на меня даже с интересом, да с таким, кото-

рый я не замечала в нём никогда. Ощущение, словно до этого момента он оставался абсолютно равнодушен ко всему, а сейчас резко переменяет собственное восприятие.

– А знаешь, Непризнанная, – его бархатистый голос нарушает внезапно воцарившееся молчание, возвращая меня в реальность, – мне даже нравится твоя настойчивость.

Я молчу. С одной стороны, мне не должно быть дела до того, что там ему нравится или нет, а с другой... Хочется проявлять в себе это качество ещё больше.

Если Люци, пусть и медленно, но так внимательно отмечает каждую деталь моего характера, могу ли я позволить себе думать о том, что он начинает испытывать то же самое, что и я? Или, может, Люцифер просто играет со мной, чтобы скоротать время между надоедливыми встречами с теми, кто ему вовсе не интересен?

«*Какого чёрта ты так реагируешь?*» – адресуя вопрос самой себе, когда тело бесконтрольно покрывается россыпью мурашек от его мини-признания. Дьяволу даже не нужно касаться меня, чтобы я осознала его присутствие всюду: как физически, так и в моих мыслях.

– И что, даже не накричишь за то, что я «нарушаю твои личные границы»? – с ухмылкой спрашивает Люцифер, наверное, впервые столкнувшись с моим молчанием.

– Не в этот раз, – я натягиваю на губы обольстительную улыбку, чтобы у него не было повода задуматься над тем, что мне, в общем-то, есть дело до его мыслей обо мне.

«Подумать только! Мне не всё равно!» – наверное, будь я здесь одна, схватилась бы за голову и дала себе хлёсткую пощёчину за это в попытке вернуть здравый рассудок. Но пока остаётся только играть в его игру, вводя в неё свои правила.

– Мой комплимент настолько сбил тебя с толку? – ухмыляется Люцифер, всё ещё продолжая удерживать свою руку сбоку от меня. Его рукав полностью забит татуировками, и я вновь позволяю себе наглость бесстыдно рассматривать их.

– Твой комплимент, Люцифер, – начинаю я и не отвожу взгляда от причудливых изображений на его руке, – не сбил меня с толку, но навёл на определённые мысли.

– И какие же? – он определённо замечает, что я пытаюсь внимательнее рассмотреть татуировки, потому как в следующую секунду непринуждённо закатывает рукав чёрной рубашки, позволяя мне увидеть больше.

– Я, пожалуй, оставлю это в тайне, – замороженная множеством сюжетов, запечатлённых на его теле чернилами, я невольно касаюсь одного из них и провожу по нему ногтем. – А это что, какой-то демон? – сама не замечаю, как начинаю размышлять над смыслом и посылом рисунков.

– Я, пожалуй, оставлю это в тайне, – Люцифер нагло повторяет мои слова и вновь раскатывает рукав.

– Ах так! – я выпрямляю плечи, отведя их назад, и гордо вздираю подбородок. – Какая там, говоришь, книга нужна?

В следующую секунду я свободно отхожу в сторону и возвращаю своё внимание полкам с книгами так, словно ничего

не произошло.

– «Сюрреализм и кино», – Люцифер тихо посмеивается, стоя позади меня, и складывает руки в карманы. – Ты настоящая Дьяволица, Уокер, знаешь это?

– А ты Дьявол, да ещё какой! – бросаю я, но не оборачиваюсь назад. Не хочу видеть его довольное выражение лица, не хочу видеть расслабленную улыбку и горящие огнём глаза! Иначе есть риск подумать, что он тоже равнодушен, подумать, что ему есть дело до кого-то, кроме себя, а это, на самом деле, не так.

Я слышу его низкий смех, негромко звучащий позади меня, но делаю глубокий вдох и собираю в себе все силы, чтобы отдать всё своё внимание поиску учебника.

Когда в поле зрения наконец появляются заветные буквы, я спешно забираю с полки книгу и победно показываю её Люциферу, который лишь удовлетворительно кивает. Однако радость длится не долго – количество страниц в учебнике совершенно не радует, и я с вымученным стоном сажусь за стол, морально готовясь к тому, что проведу здесь по меньшей мере несколько ближайших часов.

И я оказываюсь права: изучение темы проходит мучительно долго, настолько, что под конец работы при закрытии глаз я вижу бесконечное количество букв, плывущих без остановки. Не знаю, сколько времени мы так сидим: я, склонённая над книгой, и Люцифер, коротающий время в телефоне и лишь изредка посматривающий на меня, но, когда работа

окончена, за окном уже темнота.

Я издаю вымученный и даже в какой-то степени победный стон, взявшись за голову руками и устало помассировав виски. Мама никогда не была любителем лёгких заданий, но я и подумать не могла, что мне придётся торчать из-за неё в библиотеке до позднего вечера!

Из студентов в помещении остаёмся только мы с Люцифером – из-за вовлечённости в процесс я даже не замечаю, как все расходятся.

– Всё, закончила? – спрашивает Люцифер, и этот резкий вопрос словно бьёт по ушам после уже привычной тишины.

– А что, устал ждать? – без тени на сарказм спрашиваю я, потому что понимаю, что он не должен был сидеть со мной всё это время и тратить свои свободные часы впустую.

– Я – нет, – он пожимает плечами и встаёт из-за стола, подав мне руку. – А ты, кажется, да. У тебя уже глаза красные.

Я принимаю этот жест и с его помощью поднимаюсь на ноги, со скрипом задвинув за собой стул. Люцифер берёт уже не нужный учебник и кладёт его обратно.

– Нормально всё, – отрицаю я, когда мы направляемся к выходу, не забыв попрощаться с уже, кажется, засыпающей библиотекарьшей.

Очевидно, Люцифер не верит в мои слова: лёгкое покачивание головой из стороны в сторону явно демонстрирует это, но я не хочу и не буду показывать свою уязвимость. Ни перед ним, ни перед кем-либо другим.

– Зачем ты врёшь? – он складывает руки в карманы и учтиво открывает передо мной дверь, ведущую на улицу.

Приятный осенний воздух наполняет собой лёгкие, и я чуть расслабляюсь, вдыхая его полной грудью. Прохладный ветер треплет мои волосы, и эта атмосфера действует лучше любого успокоительного.

– А зачем ты делаешь вид, что тебе есть дело до этого?

Мои слова противоречат мыслям, но сейчас совершенно не та ситуация, в которой я буду говорить то, что думаю. Проблески переживания в глазах Люцифера ещё больше заставляют думать о том, что ему не всё равно, но я скорее поцелую лягушку, чем поверю в это.

«Почему я не могу просто залезть к Люциферу в голову и узнать, о чём он думает на самом деле? – отчаянно думаю я и раздосадованно понимаю, что желание узнать его настоящего растёт с каждой секундой. – Так было бы гораздо проще!»

Люцифер не отвечает – лишь его негромкий вздох мешает со свистом ветра, от дуновения которого я инстинктивно обнимаю себя двумя руками.

– Знаешь, что я заметил? – спустя пару минут молчания спрашивает он, вероятно, уже забыв о моём вопросе. – Ты, Непризнанная, так активно пытаешься понять, что в моей голове, хотя сама скрываешь не меньше моего. Например, ты даже не думаешь рассказать кому-то о том, почему у тебя сегодня такое паршивое настроение – сама на себя не по-

хожа, и, поверь, это заметно. А ещё я знаю, что ты не расскажешь об этом ни мне, ни кому-либо другому – а если и расскажешь, то сделаешь вид, что тебе плевать – потому, что хочешь оставлять в чужих глазах свой образ весёлой и равнодушной к проблемам девочки, чтобы никто не знал о твоих искренних переживаниях. Потому что только так ты можешь чувствовать себя в безопасности.

Мой удивлённый взгляд и хлопающие глаза выражают всё, что я испытываю в данный момент. Люцифер прав, чертовски прав во всех своих высказываниях, но я даже подумать не могла, что он может проводить столь глубокий анализ чьей-то личности. Моей целью было узнать, разгадать его, но, кажется, он занимается тем же. И, стоит уточнить, выигрывает. И удивляет меня скорее не то, что сегодня мне не удалось скрыть ужасное настроение, а то, что человек, с которым мы пререкаемся каждый день, заметил это.

– Поэтому нам интересно друг с другом, – негромко произносит он, не уставая поражать меня собственной прямолинейностью. – Мы, не сговариваясь, вступили в этот поединок, может, с разной мотивацией, но одинаковой целью. И, что самое интересное, ни ты, ни я не готовы уступать. И запомни мои слова: мы оба добьёмся того, чего хотим, это лишь вопрос времени.

Только сейчас, когда Люцифер заканчивает свой монолог, я осознаю, что он, на самом деле, видит намного больше, чем я думала, и с бóльшей лёгкостью, чем кто-то другой, счита-

вает меня. И это так же завораживает, как и пугает, заставляя чувствовать себя уязвимой. Интересно, ощущает ли он то же самое, когда я пытаюсь внедриться в его сознание?

Благо, Ади, появившийся в поле моего зрения, не даёт мыслям развиваться в моей голове: он, сидящий на скамье перед общежитием, не замечает меня, но вызывает во мне ослабленный выдох от осознания, что сейчас мы с Люцифером будем вынуждены разойтись. Хотя, с другой стороны, мне было бы интересно послушать его дальше, но на сегодня достаточно.

Ади сидит один, сложив руки в замок на коленях, и, наверное, кого-то ждёт – очевидно, Мими и Сэми. Я ускоряю шаг, радостно направляясь к другу, пока Люцифер идёт сзади с абсолютно незаинтересованным видом.

– Вики! – радушно здоровается Ади тёплыми объятиями со мной, только потом заметив позади и Люцифера. От меня не уходит резкая смена его настроения на удивлённое: он явно не ожидал увидеть нас вместе поздно вечером.

Парни здороваются невозмутимыми кивками, что вызывает у меня искренний смех – воспоминания о вчерашнем вечере, когда Ади завлекал к нам Люцифера так, словно они близкие друзья, яркими картинками всплывают в памяти, и их сдержанность друг с другом сейчас выглядит даже забавной.

Мими и Сэми, вышедшие из общежития в этот же момент, впрочем, тоже не понимают моего веселья, пытаюсь узнать

ответы у такого же непонимающего Ади.

– Ви, что с тобой? – улыбаясь, спрашивает Мими после того, как её первоначальное наваждение от присутствия с нами Люцифера отходит на второй план.

– Она не расскажет, – с ухмылкой отвечает Люци, когда я успокаиваюсь и прихожу в себя. – Я прав, мисс я-знаю-вас-лучше-всех?

– Чего пристали? – спрашивает Ади, поддерживающе хлопав меня по спине. – Лучше расскажите, откуда вы, язвы, шли вместе?

– С библиотеки, – с улыбкой отвечаю я и непринуждённо перевожу взгляд на Люцифера.

– Как она тебя туда затащила? – Мими, сложившая руки на груди, продолжает старательно делать вид, что ей не предоставляет дискомфорт присутствие Люцифера, но это читается в её скованных движениях и, как это любят говорить современные психологи, «закрытой» позе.

Кажется, кому-то пора поговорить наедине, но они оба слишком гордые, чтобы делать первые шаги друг к другу. Однако после признания Люцифера Мими как будто стало легче находиться с ним вблизи: по крайней мере, теперь она не старается избегать ему и, хоть и нарочито, но всё же спокойно находит в себе силы обращаться к нему. На сцене у бедняжки скрывать эмоции получается явно лучше, чем в жизни.

– Пусть это будет между нами, – подмигивает Люцифер.

– У-у, – подтрунивает Ади, потеряв ладоши друг о друга. – Секретики? Люблю такое! Сэми, ты слышал? У них уже появляются секреты от нас!

– Ой-ой, как будто у нас их нет, – смеётся Сэми, и я благодарно киваю ему за то, что избавил нас от необходимости что-то отвечать. – Слушайте, мы идём в парк прогуляться, вы с нами?

– Нет, на сегодня слишком много компании Непризнанной, – Люцифер отвечает первее, и от этого заявления я легонько бью его в бок, хотя это, скорее, обычное прикосновение, нежели удар. – Шучу, шучу. Но пойти не смогу – дела, – он раздвигает руки в стороны, как бы говоря: «будь я свободен, пошёл бы с вами».

– Как жаль, – отвечаю я и сама не знаю, говорю ли это искренне или саркастично. – А я, пожалуй, пойду.

Мими радостно улыбается, а Ади поворачивается к Сэми и с характерным звуком хлопка даёт ему пять. Мы расходимся с Люцифером, попрощавшись лишь словами, но я замечаю, что он задерживает на мне взгляд дольше, чем на остальных.

«Перестань видеть то, чего нет!» – одёргиваю я себя, но попытка остаётся безуспешной.

Благо, ребята отвлекают меня на себя, направляясь в сторону выхода из студгородка, и я иду за ними. Не знаю, влияет ли на это осенний ветер, Люцифер или приятная компания рядом, но я чувствую себя теперь в разы лучше, чем утром.

– Как день прошёл, Ви? – спрашивает Сэми по дороге.

Я иду по бордюру, расставив руки в стороны и пытаюсь удержать равновесие, а он идёт сбоку, чтобы в случае необходимости подстраховать меня.

– Помимо, конечно, того, что вы каким-то чудесным образом спелись с Люцифером, – говорит Ади, наблюдая за тем, как неуклюже я передвигаюсь.

– Ни с кем я не спевалась, – отмахиваюсь я от него. – Он просто помог мне, вот и всё, – я стараюсь закрыть тему как можно скорее, но не потому, что смущаюсь или не хочу говорить об этом, а потому, что понимаю, как Мими, должно быть, неприятно это слушать.

Хотя, с другой стороны, может, это и эгоистично, но не избегать же мне теперь его, в самом деле! Я не виновата в том, что они, два упрямых барана, не могут просто взять и поговорить. Сколько же проблем можно было бы решить, если бы люди умели пользоваться своим языком в нужных целях!

– Люцифер? Помог? **Просто?** – Ади особенно выделяет интонацией последнее слово, а я недовольно закатываю глаза оттого, что мы никак не уйдём от этой темы.

– Ну за желание, какая разница? – спрашиваю я и схожу с бордюра, теперь идя по дороге рядом с друзьями. Сэми, кажется, это успокаивает, и он расслабленно выдыхает. Мне кажется одновременно милым и ужасным, что он так переживает за всех – я бы, наверное, сошла с ума, если бы так же сильно волновалась о каждом из своего окружения.

– За желание?! – подключается уже Мими, молчавшая до этого. – С ума сошла? Он тебе за него что, помог выиграть миллион? Иначе я не понимаю, как на такое можно было согласиться!

– Да что вы взъелись? – я не останавливаю шаг, просто иду впереди всех, не оборачиваясь назад.

– Потому что желания Люцифера могут варьироваться от «принеси мне стакан воды» до «выкради у Геральда ответы на тест», – объясняет Сэми.

– И это, кстати, не преувеличение! – Ади обиженно складывает руки на груди, видимо, вспоминая собственный неудачный опыт.

– С другой стороны, благодаря этому ты получил высший балл, – смеётся Мими и завязывает свои длинные волосы в высокий хвост, выпуская передние пряди на лицо.

– Да больно он мне был нужен! – явно выказывает он своё недовольство, повышая голос. – Я потом замучился оправдываться перед Геральдом. Всё, проехали. Вики, ты так и не рассказала, как день прошёл.

Издаю шумный вздох с осознанием, что мне снова придётся проживать утренние эмоции. Я хочу поделиться с ними этим, хочу, чтобы знали, что я им доверяю. Да и держать всё в себе, на самом деле, не очень хорошо.

Я делюсь с ребятами всеми подробностями: от того, как невыспавшаяся пришла на занятие, до диалога с мамой, и, несомненно, рассказываю обо всех своих эмоциях. Удиви-

тельно, но мне становится гораздо легче, когда я говорю об этом вслух и встречаюсь с сочувственными взглядами.

Мими сконфуженно поджимает губы – ей эта тема совсем не близка, я знаю это по её рассказам о счастливых днях с семьёй, а потому она даже не находит слов, чтобы поддержать меня. Но мне это не нужно – достаточно того, что они просто рядом и нашли время, чтобы меня выслушать. Ади же начинает заламывать пальцы, а Сэми тепло обнимает, крепко прижимая к себе.

Я, откровенно говоря, не ожидала такой реакции, боялась, что они послушают просто из вежливости и переведут тему в более позитивное русло, но этого не происходит.

– Может, тебе стоит поговорить об этом с папой? – спрашивает Ади, сложив руки в карманы и смотря в землю.

– Я пыталась, – пожимаю плечами. – Он молчит так, будто подписал соглашение о неразглашении.

– Думаешь, у них что-то случилось? – подключается Мими.

– Очевидно, – подтверждаю я. – Только никак не могу понять что. У них всегда всё было хорошо. То есть, нет, мне всегда казалось, что их всё устраивает.

– Родители часто скрывают от детей, если что-то не так. Они полагают, что так сохранят им психическое здоровье, – Сэми шумно вздыхает, отстранившись от меня. – А потому впоследствии их ребёнок ничего не понимает. Порой даже думает, что он во всём виноват.

– Ну уж нет, – усмехаюсь я. – Себя я точно не виню.

– Тогда оставь их в покое, – спокойно говорит Ади, но я его слов не понимаю. – Они взрослые, разберутся как-нибудь. Главное, что все живы.

В его словах есть логика, но сказать легче, чем сделать. Я не могу просто закрыть глаза на то, что в моей семье произошёл разлад. И, видимо, очень серьёзный. Но продолжать думать об этом не хочется – я высказалась, и мне стало легче, этого достаточно. Незачем развивать тему.

А потому я выбираю одну из деревянных скамеек под деревом в парке, куда мы дошли довольно быстро под наши диалоги. Ади садится рядом со мной, а Сэми и Мими отправляются к кофейному автомату за горячими напитками неподалёку от нас.

Наше умиротворение длится недолго и прекращается, когда я с округлёнными от удивления глазами указываю Ади на вход в парк, где уверенной походкой к нам приближается Ада. Не знаю, как она здесь оказалась и совпадение ли это, но её появление мне абсолютно не нравится.

– Ну нет, – вымученно стонет Ади чрезмерно громко и ищет в моём взгляде спасение, но я, к сожалению, не могу избавить нас от её компании. Мы оба прекрасно знаем, что она пойдёт за нами даже в том случае, когда мы пошлём её куда подальше.

– Ну да, – ухмыляется Ада, видимо, услышав реакцию парня, и садится рядом с ним, полностью игнорируя моё при-

сутствие.

Она элегантно кладёт ногу на ногу и, видно, неслучайно задирает подол юбки. По моему телу невольно пробегают мурашки при виде этого: на улице явно не подходящая погода для того, чтобы одеваться так легко!

– Ада, проваливай, – бросает Ади с шумным вздохом.

– Я просто хочу поговорить, – молящим тоном говорит она, состроив такой невинный взгляд, что любой, кто не в курсе происходящего, подумал бы, словно Ади – изверг.

– А я хочу, чтобы ты ушла, – он прикладывает пальцы к вискам и прикрывает глаза. – Желательно снова из моей жизни и навсегда. Всё, обменялись несбыточными мечтами?

– Ади, я же знаю, что тот парень, как его... – Ада задумывается лишь на секунду. – Сэми, кажется? Просто прикрытие. Да, я совершила ошибку, когда изменила тебе, но перестань ломать комедию. Мы же оба знаем, что всё ещё любим друг друга, так почему бы не вернуть всё как было?

Теперь-то я узнаю, почему они расстались. И теперь всё становится на свои места, я понимаю, почему Ади так относится к ней. Измена – это одна из самых ужасных вещей, которые можно сделать в отношениях, и оправдать её нельзя. Сначала нужно расстаться, а уже потом идти к другому человеку.

Не знаю, как Ади удаётся оставаться таким спокойным. Если бы мой бывший позволил себе говорить что-то подобное, он бы уже получил в лицо.

– Боже мой, Ада, сходи к психиатру, – он кое-как может говорить из-за внезапного приступа смеха. – Не носи бред и сваливай, пока Мими не вернулась. Я никогда не позволю себе сделать что-то плохое девушке, но она-то сдержит своё обещание вырвать себе волосы.

– Ади, прости, что вмешиваюсь, – влезаю я в их диалог – не могу больше слушать этот цирк. – Но смотреть на это выше моих сил. Измена – это не ошибка, а выбор, – я обращаюсь к ней и замечаю, как Ади благодарно кивает мне. – У него есть любимый человек, разве непонятно? Зачем ты так унижаешься? Поступила как идиотка – так признай это и оставь его в покое. Как можно изменить, когда любишь?

– Ты вообще кто? – нагло спрашивает она, заставив меня возмущённо вскинуть брови. – Думаешь, прицепилась к ним и можешь говорить мне что-то?

– Она наша подруга, – сквозь зубы процеживает Ади, а у меня в груди что-то сжимается.

Подруга... Звучит так приятно, и я мысленно повторяю его несколько раз в голове, словно пробуя на вкус. Я бы точно заулыбалась во все тридцать два, если бы это не было сказано в такой ситуации, но сейчас мне остаётся лишь надеяться, что эти слова искренние.

– Что тут происходит? – растерянно спрашивает Сэми, удерживающий в руках два картонных стаканчика, от которых исходит пар.

– Я тебя разве не предупредила держаться от нас подаль-

ше? – угрожающий тон Мими пугает даже меня, и она показательно выставляет перед собой два горячих напитка, словно намекая. – Убирайся, сейчас же.

– Как скажешь, – с недоброй улыбкой проговаривает Ада. – Но мы ещё не договорили, малыш, – она посылает Ади воздушный поцелуй, на который он лишь закатывает глаза.

– Договорим в твоих снах, – кричит он ей вслед и в спину показывает средний палец.

Сэми и Мими дают нам с Ади по стаканчику с кофе, и мы медленно отпиваем его, рассказывая о том, что только что произошло.

Напряжение, повисшее в воздухе, рассеивается лишь тогда, когда Мими высказывает, кажется, всю существующую нецензурную брань мира, а Сэми расслабляется после нежных поцелуев Ади на всём лице.

Удивительно, насколько они отходчивые и как быстро меняют тему разговора и даже своё настроение, никогда не закливаясь на чём-то одном. Я уже зарубила себе на носу, что в их компании за полчаса можно обсудить всё: от покупки продуктов до политических проблем, и постепенно привыкаю к этому. За такими непринуждёнными беседами и проходит оставшийся вечер, и я всё ещё искренне благодарна им за то, что позвали с собой, определённо подняв мне настроение.

Люцифер

Жизнь слишком коротка, чтобы думать о желаниях других в страхе потерять их благосклонность.

Выходные не задались. Мало того, что Асмодей снова предпочёл мне и пинте пива компанию очередной блондинки, коих у него за последние полгода было больше, чем я мог бы сосчитать на пальцах, так ещё и канцлер Кроули позвонил в самый неподходящий момент.

Субботним вечером я сидел в баре в компании Астарота и Кристофера – не лучшее, конечно, что могло быть, но, впрочем, терпимо. Конечно, я мог отправиться туда один – одиночество никогда не пугало меня, напротив, в большинстве случаев я добровольно выбираю его, – но настрой был иным. И, если бы Асмодей не решил испортить всё в последний момент, мне бы не пришлось довольствоваться близнецами.

– С кем Асмодей на этот раз? – развязно спросил Кристофер и попросил бармена повторить порцию алкоголя, хотя и без неё уже был изрядно пьян.

– Думаешь, он мне докладывает? – съязвил я, допивая горькое пиво, и на языке остался приятный солодковый привкус.

Пить, в отличие от братьев, больше не хотелось, а пото-

му я отставил пинту в сторону и отдал внимание светящемуся экрану телефона. Многочисленные трещины невольно стали напоминанием о последней встрече с отцом, и я пару раз мотнул головой, силясь избавиться от непрошенных отголосков недалёкого прошлого.

Я удивлённо выгнул бровь, когда открытая мной вкладка сменилась уведомлением о звонке от канцлера, и кое-как подавил в себе порыв нажать на красную кнопку вместо зелёной. Звонить мне вечером выходного дня – верх наглости, и я ответил на вызов именно с целью высказать всё своё недовольство.

Мне плевать, что он старше, плевать, что по нормам морали к нему нужно относиться с уважением. Этот человек занял свою должность самым нечестным образом, заплатил за неё и даже не скрывает этого. А теперь измывается над невинными профессорами, каждый день угрожая им увольнением. Так почему я должен уважать его?

– Как невежливо – звонить мне в мой официальный выходной день, – начал я вместо того, чтобы хотя бы поздороваться.

– Оставь свои пререкания для кого-то другого, – один лишь его голос на конце провода заставил меня раздражённо закатить глаза, так что, наверное, даже хорошо, что он именно позвонил. Хотя я бы предпочёл и вовсе избавиться от его компании. – Я по делу.

– Кто бы сомневался, – я не раздумывал быть с ним веж-

ливым ни на секунду, и мой недовольный тон стал причиной для немых вопросов в глазах близнецов.

– Люцифер, перестань дерзить, – сквозь зубы произнёс он, но звучало это, скорее, смешно, чем угрожающе. – Ты знаешь, что наш университет каждый год проводит осенний бал для студентов. Украшения, еда, напитки, развлечения – всё на студенческом совете. Но в этом году у них проблема с финансами, – Кроули говорил так чётко, быстро и уверенно, что у меня невольно появилась мысль о том, будто он читал уже готовый текст. – Твой отец, как спонсор, мог бы неплохо помочь нам дополнительным выделением средств, и я подумал, раз уж ты его сын...

Я не дал ему договорить. Как у этого старикашки вообще хватило смелости попросить меня о подобном?

– Нет, – резко отрезал я со скривлёнными от его наглости губами. – Я не буду помогать вам выпрашивать у Сатаны денег.

– Пойми, без финансовых вложений нам не удастся провести бал в этом году, – сказал он так, словно на кону стоял закрытый аукцион.

«Он бы заплакал, если бы узнал, как же мне поебать», – подумал я и уже было рассмеялся в трубку собственным мыслям, когда Кроули в очередной раз пробил дно своим заявлением.

– Помочь нам в твоих же интересах, – чересчур самоуверенно заявил он. – Ты же не хотел бы лишиться стипендии,

верно?

От его слов зубы непроизвольно сжались с такой силой, что, казалось, вот-вот раскрошатся. Я прижал пальцы к перегородке носа и прикрыл глаза с пониманием, что у него всё же есть рычаги давления на меня.

Умно, Кроули. И неожиданно. Я думал, он станет угрожать отцом, но дед оказался проворнее. Конечно, ни для кого не секрет, насколько для меня важна эта стипендия.

Необходимость избавиться от финансовой зависимости от Сатаны оказалась даже сильнее, чем моя дружба с Мими. Знаю, она ненавидит меня так же, как и понимает, но одновременно с этим и представить себе не может, что я испытываю по сей день после того, как вынужденно отдалился. Пусть думает, что я бесчувственный, раз сумел так поступить. Глупышка полагала, что мне не всё равно на навязчивую Ости, и что она стала истинной причиной того, почему мы больше не общаемся. Я не мог позволить Мими продолжить измываться над собой мыслями о том, что Ости могла заменить её, а потому принял решение, пусть и на пьяную голову, рассказать ей правду.

– Не нужно мной шантажировать, – произнёс я с такой интонацией, что Астарот и Кристофер стали перешёптываться, пытаясь понять, что происходит.

– Ну что ты, я просто предупреждаю, – я более чем уверен, что в тот момент на его тонких губах растянулась насмешливая улыбка от удовольствия власти надо мной. – Значит,

договорились?

– Радуйся своим положением, пока можешь, Кроули. Тебе всё вернётся.

Удерживая телефон между плечом и ухом, я вынул из кармана джинс белую пачку сигарет и махнул рукой на близнецов. Астарот без лишних слов протянул мне зажигалку, и я закурил, сделав глубокую затяжку.

– И да, одна второкурсница вызвалась быть организатором бала, – добавил он, видимо, желая добить меня. – И было бы неплохо, если бы ты взял её с собой – финансами будет распоряжаться она.

«Этого мне ещё не хватало, – подумал я, выдыхая сигаретный дым изо рта. – Она вызвалась быть организатором, а я должен помогать, как чудесно!»

Однако после дальнейших слов Кроули я вмиг изменил своё мнение и теперь с нетерпением ждал поездки, на какое-то время даже забыв о пункте назначения.

– Вы уже завтра должны встретиться с Викторией Уокер, чтобы она успела купить всё необходимое. О встрече договоритесь сами, номер её я тебе отправлю смс-кой, – произнесённое имя сумело разогреть во мне интерес, да такой, что теперь встреча с отцом казалась не такой уж и ужасной перспективой.

Непризнанная даже не подозревает о том, как сильно удивляет меня с самой первой нашей встречи. Большинство студенток знает о том, кто мой отец, но даже не догадыва-

ется, каким, на самом деле, монстром является. А потому они думают, если будут потакать каждому моему желанию и стелиться передо мной, быть может, им что-то да перепадёт. Только вот если Ости грезит о моём внимании и уважении, то основная масса желает денег и не включает мозги даже на секунду, ведь иначе хоть одна из них да поняла бы, что от Сатаны мне не досталось ни цента.

Для меня все из них пустышки – не больше. У Вики же есть внутренний стержень, который никогда не позволит подстраиваться под кого-то даже для собственной выгоды. Она рассудительна и видит во мне в людях больше, чем просто красивую оболочку. Стоит ли говорить о том, как сильно мне нравится её желание узнать меня настоящего?

И я, конечно, сопротивляюсь. По крайней мере, пока есть силы на это. И мне приходится выводить её на эмоции каждый раз, чтобы хотя бы немного чувствовать себя победителем, жаль только, что она воспринимает всё совершенно иначе. Всё же Непризнанная не так хороша в психологии, как пытается это показать, и не может прочесть меня насквозь, но от этого менее интересной не становится.

Но окончательно успокоить моё раздражение и возмущение после требований Кроули факт того, что мне составит компанию Непризнанная, не смог. Так что с самого утра воскресенья я прихожу на ринг – единственное место, способное успокоить почти что любые мои эмоции, будь то злость, как сейчас, или, например, банальную грусть. Благо, послед-

нее я испытываю крайне редко. Спасибо, Сатана, за детский запрет на слёзы.

Ринг находится в комплексе, дорога до которого занимает около десяти минут пешком – идеальное время, чтобы побыть наедине с собой и очередной сигаретой. Я выкидываю окурок в мусорный бак, не забыв перед этим стряхнуть пепел, и прохожу внутрь. Охранник лишь кивает и беспрекословно пропускает меня как постоянного посетителя.

Я прохожу по коридорам с единственным намерением: выпустить пар на любом, кто окажется на площадке, и мысленно уже надеваю перчатки, когда вдруг сталкиваюсь с Дино, светлая аура которого так и манит очернить её.

– Эй, Ангелок, – окликаю я его, не давая возможности пройти мимо меня, и замечаю, как он разворачивается на пятках. – Ты потерялся? Церковь в другом месте.

Его глаза готовы убить меня каждый раз, когда мы видимся. Давай, святоша, покажи своё истинное лицо, уж я-то знаю, что ты не такой непорочный.

Честно признать, в отличие от Дино, так яростно реагирующего на любое моё слово, я не воспринимаю всерьёз ни одну нашу ссору. И оттого лишь веселее: наблюдать за тем, как выводишь кого-то из себя одним лишь своим присутствием, оказывается, очень смешно.

– Что, хорошее настроение? – спрашивает он со сложенными в карманах руками и выглядит чересчур спокойным.

– Наоборот, – на моих губах расплывается предвкушаю-

щая ухмылка. Учебный год начался слишком скучно, пора бы исправить это. – Думаю вот, как бы отреагировала твоя ненаглядная Лилу, если бы сняла розовые очки и увидела, с каким придыханием ты смотришь на Мими.

О да, Дино, сжимай челюсти и кулаки, ещё больше доказывая мою правоту. Он идиот, если думал, что я не замечу этого. */Я всё замечаю/*.

Я вызывающе выгибаю бровь в ожидании ответа. Да мне даже стараться не надо, чтобы разозлить его! Знаю, конечно, это не моё дело, но, если оно касается кого-то важного для меня, мне автоматически становится не всё равно. А Мими, несмотря ни на что, всё так же остаётся для меня лучшей подругой, пусть мы больше и не общаемся. И, раз уж Дино показывает себя невинной овечкой, то должен соответствовать, но на протяжении вот уже пяти месяцев я вижу, что он ведёт себя как подросток в пубертате. Какой смысл встречаться с одной, если равнодушен к другой?

– Тебя это не касается, ясно? Навёл бы порядок в своей жизни, прежде чем лезть в чужие, – он делает шаг навстречу ко мне, вероятно, пытаясь напугать, но у меня это вызывает лишь смех.

– В моей всё в порядке, не беспокойся, – спокойно отвечаю я и вздираю подбородок, показывая собственное превосходство. – Знаешь, я бы не хотел в будущем попасть к такому психологу, как ты. Правильно говорят: оценки не показатель ума, иначе ты бы учился хуже Астарота.

– А я бы и не принял такого пациента, как ты, – Дино выдыхает и смотрит прямо мне в глаза. Он мог бы быть хорошим соперником, если бы не прятал свои потаённые желания за огромным нимбом.

– Ой-ой, расстроил! – с наигранно-расстроенным выражением лица хватаюсь за грудь двумя руками, вызывая у него лишь закатанные глаза своим представлением. – Такой скучный, посмеялся бы хоть раз.

– Посмеюсь, когда ты поймёшь, что зло скрыто в тебе, а не во мне, Люцифер, – он поправляет ворот своей белой рубашки и расстёгивает одну из пуговиц так, словно готов вот-вот применить в действие кулаки. Спешу его расстроить: сегодня такой чести он удостоен не будет, ринг всё ещё ждёт меня, а менять планы не в моём характере.

– Моё не скрыто. И каждое своё действие, кстати, я могу обосновать. А ты можешь таким похвастаться? – я тоже делаю уверенный шаг вперёд, выпрямив плечи. Святоша отступает назад, будто без слов принимая поражение. Ещё бы.

Я знаю, что он намекает на Мими и Ости, но объясняться перед Дино не собираюсь. Он нахально толкает меня плечом и уходит, по всему видимому, на шахматы. Правильно, пусть чувствует себя умным хоть где-то, раз в жизни это не выходит.

Довольный тем, что показал Дино свою осведомлённость о происходящем в его личной жизни, я направляюсь прямоком на ринг. Благо, по пути больше никого не встречаю, так

что спокойно прохожу внутрь и встречаюсь с тренером, Эрагоном. Он говорит, что напарник уже ждёт меня, и наказывает надеть перчатки, что я и делаю.

Выхожу на площадку без футболки, в одних спортивных шортах и боксёрских перчатках, и каково же моё удивление, когда я понимаю, что сегодняшний мой напарник – Асмодей. Это точно поднимает мне настроение, теперь я не буду переживать о том, чтобы сдерживаться. Во время наших боёв мы оба выкладываемся на максимум. «Всё, что происходит на ринге, остаётся на ринге», – негласное правило, устоявшееся между нами ещё с первого курса.

Я иду к Асмодею с широкой улыбкой и распахнутыми руками, словно зазывающими в объятия, и он ведётся на это. Однако его радушное выражение лица вмиг сменяется негодующим, когда я охватываю сзади за плечо и с силой прижимаю друга к себе, в следующую секунду опрокидывая его на пол.

– Ты чё, блять, творишь? – кричит он, игнорируя присутствие тренера в зале, и пытается встать на ноги. К слову, у него это получается.

– А нехер было опять рушить мои планы! – отвечаю я и, воспользовавшись возникшей заминкой, наношу Асмодею первый удар в бок.

Он кривится от внезапной боли, но я не намерен останавливаться. Осознание того, что происходящее на боях никак не влияет на наше общение, полностью срывает мне крышу,

и я каждый раз словно слетаю с катушек, позволяя себе всё то, чего не позволяю с другими. Впрочем, в этом плане у нас всё взаимно, так что тренер ставит нас в пару настолько редко, насколько это возможно.

Пытаюсь нанести очередной удар, но Асмодей к этому времени уже успеваает прийти в себя и с лёгкостью уворачивается от каждого моего действия. Более того, он начинает размахивать кулаками в ответ, и это только раззадоривает меня.

Асмодей бьёт меня в плечо, но я не обращаю внимания на резкую боль. Да уж, сил он явно не жалеет.

– Так я и поверил, что ты взбесился только из-за этого! – дыхание Астарота затрудняется с каждой секундой, он явно не был готов к моим нападениям. – Рассказывай, что случилось, – его навязчивое желание исповедовать меня смешит, и я попадаю ему кулаком в скулу. Должно быть, останется синяк, но ни Асмодею, ни мне не привыкать.

– Кроули, – говорю я, потому что не сомневаюсь: от него ничего не скрыть. Впрочем, я и не собирался. – Позвонил и угрозами заставил ехать к отцу.

Я вновь уклоняюсь от очередного удара, но на мгновение теряю бдительность, и Асмодей, не раздумывая, пользуется этой заминкой – трижды бьёт мне по рёбрам. Но сейчас меня злит не столько моё приближающееся поражение, сколько нахально улыбающийся образ Кроули в голове.

«Да кто он такой, чтобы шантажировать мной?»»

Ярость захлёстывает с головой, и я вовсе перестаю контролировать себя. Асмодей принимает удары в грудь, рёбра, плечи, словно он – груша для битья, и тратит все свои силы на отчаянные попытки отбиться вместо того, чтобы защищаться. Он лишь изредка отражает мою атаку, незначительно ударяя в нижние челюсти. Асмодей бьёт в лицо не слабо, но терпимо, пытаясь привести меня в чувства. Он знает, /какой/ ужасной для меня может быть встреча с Сатаной, а потому не останавливает бой, давая мне возможность выплеснуть все эмоции.

Вместо него это делает Эрагон, когда я наношу заключительный удар в нос Асмодея, из которого сиюминутно начинает течь кровь.

– Парни, стоп! – тренер взбирается на ринг и становится между нами, вынуждая разойтись в разные углы площадки. – Это просто тренировка, Люцифер, что с тобой?

Я сажусь на пол, с шумным и тяжёлым дыханием взъерошивая влажные волосы, и пытаюсь прийти в себя. Бокс, кажется, помог мне – по крайней мере, я больше не хочу убить полмира.

Асмодей подходит ко мне и садится рядом, тыльной частью ладони вытирая кровь с носа, и мыжимаем друг другу руки. Его пепельные волосы, с которых почти что стекает пот, падают ему на лицо, дыхание сбивчивое, а веки узких карих глаз прикрыты, из-за чего я понимаю, что совсем вымотал его. Он не винит меня, а просто молча понимает, и

я искренне благодарен за это, хоть и вряд ли признаюсь об этом вслух.

– А теперь подробнее про Кроули, – говорит он после того, как мы оба успокаиваемся. – На кой ему твоя встреча с отцом?

– Дед шантажировал меня стипендией, – я жадно делаю глоток воды из пластиковой бутылки и передаю её другу. – Сказал, я должен помочь ВУЗу и договориться с отцом насчёт финансов, иначе лишусь её.

Моё лицо полностью оказывается в воде – Асмодей нево время решает выпить её и от удивления выплёвывает всё в меня. Да уж, он никогда не был скуп на эмоции.

– Чего? Старый головой ударился? – кричит он так громко, что в помещении даже образовывается эхо. – Люцифер, ты должен с этим что-то сделать!

Иронично усмехаюсь его словам. Будем объективны: как бы мне ни хотелось, в этой ситуации я бессилён. А потому мне и приходится соглашаться на то, чего я делать абсолютно не хочу. Стыдно признавать, но у Кроули, пусть и такими грязными методами, есть рычаги давления. Так что всё, что мне остаётся конкретно в данный момент, – строить недовольные выражения лица и откровенно грубить ему.

– Давай с тобой поеду? – Асмодей проводит ладонью по влажным волосам и серьёзно смотрит на меня. – Так хоть не скучно будет.

Я хлопаю друга по плечу в знак благодарности. Всё же,

несмотря ни на что, Асмодей мой лучший друг. И, хоть он любит часто менять планы за секунду, – проще говоря, кидать меня ради девушек – я знаю, что в трудной ситуации он всегда будет поддерживать. Даже если окажется на другом континенте. Даже если мы поссоримся и покроем друг друга отборным матом, пообещав больше не приближаться друг к другу.

– Порядок, – отвечаю я и разминаю костяшки пальцев. – Кроули отправил со мной Непризнанную.

В глазах Асмодее загорается искра интереса, и он подсаживается ближе ко мне с хитрым прищуром.

– Непризнанную? – заговорщически переспрашивает он. – Это моя одноклассница, которая жаждет узнать, что в твоей голове?

Я утвердительно киваю. Конечно, Асмодей в курсе всего и удивлён, что я */заинтересованно/* рассказываю о какой-то девушке – он привык, что обычно я предпочитаю упомянуть о ком-то лишь вскользь, показать, что мне никто не интересен, и женские имена не повторяются в наших диалогах дважды.

– Так-так-так, – он потирает ладони друг о друга и бросает на меня такой воодушевлённый взгляд, словно я собираюсь вот-вот поведать ему о тайнах мироздания. – Она уже знает, что поедет с тобой? Как отреагировала? Вы же не только к Сатане поедете, да?

– Притормози, сводник хренов, – я поднимаюсь на ноги

и вынимаю из кармана спортивных шорт телефон, который начинаю крутить в руках. – Уокер ещё ничего не знает, и поедем мы исключительно по делам.

– Фу, какой скучный, – Асмодей показательно закатывает глаза и тоже встаёт на ноги. – А знаешь, кстати, мне было бы интересно познакомиться с первой, кто смог поселиться в твоих мыслях, – совсем не в тему добавляет он, надевая на потное тело белую футболку.

Пока он раздражается тирадой о том, что я мог бы делать куда больше, чем просто говорить ему о Непризнанной и нарочно выводить её на эмоции с целью узнать, что она обо мне думает, я открываю диалог с Кроули на телефоне и вижу десять заветных цифр.

Я ненавижу старика, но за это готов даже пожать ему руку. Но лишь единожды.

Палец сам тянется к полученному номеру, зажимает сообщение с ним и выбирает кнопку «копировать». Я не обращаю внимания на Асмодея, игнорирую его присутствие и сохраняю новый контакт. В моём телефоне она тоже будет «Непризнанной», и никак иначе.

Невольно заглядываюсь на фото в её профиле. Оно не одно, но то, что Уокер определила главным, привлекает моё внимание больше всего. На нём она стоит лицом к камере с чуть прикрытыми глазами и смеётся так легко, свободно и искренне, что я понимаю: это не специально снятый кадр. Нельзя так подделать искренние эмоции, чтобы на фотогра-

фии это выглядело не наигранно. И даже красочный закат и бушующее море позади Вики не приковывают мой взгляд так же сильно, как её настроение на снимке.

/Настоящая. Живая/.

Так удивительно и необычно видеть, как Вики радостно смеётся – ещё ни одна наша встреча не прошла без того, чтобы она закатила глаза, скривила губы или нагрубила мне. Да, она разозлила меня, когда мы увиделись в первый раз, и я ответил ей тем же. Но я и подумать не мог, что это превратится в ежедневное подначивание друг друга.

Нравится ли мне личность Непризнанной или то, как она отчаянно пытается разобраться во мне? А может, все мои мысли об Уокер вмиг испарятся, когда она добьётся своего? Тогда стоит ли мне позволить ей добраться до моей души как можно скорее, чтобы всё не зашло слишком далеко? Может быть, мой интерес держится исключительно на том, что мной кто-то впервые увлётся искренне, без какой-либо другой цели?

«Чёртова Непризнанная, поселилась в моей голове, – думаю я и начинаю набирать текст на экране. – Теперь и ты немножко подумаешь обо мне».

*я знаю, ты жаждешь встречи со мной.
приходи к трём во двор общежития.*

Асмодей заглядывает в мой телефон и начинает смеяться так оглушительно, что, кажется, однажды в его компании я оглохну. Впрочем, я тоже посмеиваюсь от собственного со-

общения и с ухмылкой наблюдаю за тем, как быстро Вики заходит в сеть и то печатает сообщение, то останавливается.

– Уверен, ты настолько сбил её с толку, что они с Мими вдвоём пытаются понять, кто ты, – Асмодей чуть успокаивается и становится рядом со мной, чтобы видеть ответ.

И через несколько секунд мы оба слышим уведомление.

непризнанная

что за бред? кто это?

Конечно, она не узнала меня. В профиле нет ни одного фото – я предпочитаю общение в реальной жизни и мессенджерами практически не пользуюсь, а вместо имени – смайлик клубники. От представленного негодующего выражения лица Уокер в моей голове я лишь больше веселюсь и сразу же печатаю ответное сообщение.

приходи и узнаешь.

непризнанная

а если не приду?

– Вообще, разумно. Она же не знает, что это ты, – соглашается с ней Асмодей, а я нервно стучу пальцами по экрану. Да, разумно, но теперь я не знаю, что ей ответить.

непризнанная

замолчал, как жаль

мальчик не привык к отказам? :)

Какая же нетерпеливая. Что ж, зато теперь-то я точно понимаю, что Уокер не притворяется и ведёт себя так не только со мной – такой, видимо, у неё характер, и это только больше

подкупает.

непризнанная, ты, оказывается, так со всеми общаешься, а не только со мной?

– Так быстро сдался, – Асмодей отмахивается от меня и начинает скучающе собирать вещи, приложив к носу вату. Кровь пусть и остановилась, но это не помешает.

Вики читает сообщение сразу же и, наверное, с минуту ничего не печатает, и я уже почти что выключаю телефон, как уведомление вновь приходит:

непризнанная

люцифер? откуда у тебя мой номер?

кроули дал. он сказал, что ты вызвалась быть организатором бала, и сказал, что поехать мы должны будем вместе.

так что мои слова о встрече были не шуткой, я буду ждать тебя в три.

непризнанная

какого хрена, кроули...

ладно, хорошо

Она соглашается удивительно быстро, так что мне придется проморгаться и несколько раз перечитать написанное, чтобы удостовериться в действительности происходящего. Проходит несколько секунд прежде, чем я понимаю, что времени до встречи не так много. Точнее говоря, его остаётся только на то, чтобы дойти до общежития и зайти за Непризнанной, так что я прощаюсь с Асмодеем крепкими рукопо-

жаниями, и он многозначительно играет бровями, на что мне остаётся лишь показательно закатить глаза.

Я покидаю комплекс в более спокойном настроении, так что по дороге обратно у меня уже нет желания убить кого-то. Только вот Ости, внезапно появившаяся на моём пути, так наигранно делает вид, что не замечает меня, что хочется громко рассмеяться ей в лицо, но я обхожусь лишь усмешкой.

– Люци? – нарочито удивлённо спрашивает она. – Привет.

Ости смущённо заправляет прядь волос себе за ухо, не смотря на меня, – между нами расстояние не больше полуметра, но ощущение, что не меньше нескольких километров. И если ей определённо грустно от этого, то мне же абсолютно наплевать.

***

В тот день я шёл по общежитию, направляясь в свою комнату, чтобы подготовиться к первой учебной неделе, но моему одиночеству не было суждено длиться долго – вероятнее всего, не без желания самой Ости мы столкнулись с ней в коридоре. Я не говорил ей, что уже приехал, но слухи в университете распространяются со скоростью света, а потому немудрено, что она всё знала.

– Как каникулы прошли? – ненавязчиво спросила она, одетая в брючный латексный костюм, – она всегда умела подчёркивать все достоинства собственной фигуры, жаль только, что, несмотря на это, не блещет любовью к себе.

Но я вести светскую беседу не собирался.

– Чего тебе? – я понимал, что наше, по моему мнению, временное общение, слишком затянулось, а она – нет. Так что я наглядно демонстрировал свою незаинтересованность.

– Я хотела поговорить... – прокашлялась она, принимая такую высокую ноту собственного голоса, что я непонимающе вскинул бровь. – Насчёт нас.

Подобные диалоги изрядно выматывали. Я никогда не видел смысла говорить о том, чего нет.

Я раздражённо выдохнул и медленно помассировал виски указательными пальцами.

– Хватит, – процедил я сквозь зубы. – Нет никаких нас, и ты это прекрасно знаешь. Ты сама дала согласие на то, что у нас будет исключительно секс без обязательств – ничего больше. Ты зря переступила грань. Теперь нас не связывает ничего.

– Я же не могу контролировать свои чувства, – произнесла она так жалобно, словно это могло пробудить равнодушие и во мне.

– А действия – можешь.

Ости замолчала. На мгновение я подумал, что до неё дошёл смысл моих слов и она поняла, что нельзя так унижаться, особенно когда и без меня пользуется вниманием не одного парня, но мои мысли, к сожалению, не оправдались.

– Люци, ты уверен? – робко спросила Ости. Она навязчиво

попыталась коснуться моей руки, но я только скривил губы.

– Да, сколько раз повторять? – холодно ответил он и показательно отстранился от неё, убирая её руку со своего запястья. – Ости, мы это уже обсуждали. Я больше не хочу затрагивать эту тему. Всё.

Я обернулся на пятках и спешным шагом удалился, даже не взглянув напоследок на Ости, готовую вот-вот расплакаться. Я не давал ей обещаний или ложных надежд, так почему должен заботиться о её чувствах?

***

– Ты с бокса идёшь? – спрашивает Ости, и я утвердительно киваю. – Понятно, а я вот только с торгового центра.

– Мне не интересно, – совершенно искренне отвечаю я без понимания того, чего она от меня хочет. Я разве не всё объяснил? – Ости, опять за старое?

– Ну, раз ты разрешил проводить с тобой время, я же могу просто узнавать, как твои дела? – с надеждой в голосе спрашивает Ости, на что я издаю громкий вздох.

– Проводить время со мной и в моей компании – разные вещи, – поправляю её я. – Зачем ты пытаешься сблизиться даже после всего, что я тебе говорил?

Не знаю, что ещё нужно сделать, чтобы донести до неё одну простую вещь. Насильно мил не будешь, незачем стелиться перед человеком, которому на тебя всё равно. А Ости, как и её тупая подружка Ада – по-другому не скажешь: как, блять, можно изменить любимому человеку, а потом бегать

за ним и молить о прощении? – продолжает носить розовые очки и надеяться на что-то. Девочка слишком заигралась, пора бы ей найти себя и перестать заполнять пустоту в жизни бессмысленной «любовью».

– Что я делаю не так? – она игнорирует мой вопрос и задаёт свой. – Вы знакомы с Уокер всего неделю, но ты уже провёл с ней больше времени, чем со мной за последние полгода. Чем она лучше меня?

О, нет, Непризнанную сюда приплетать точно не нужно.

«*Всем, Ости*, – так и хочется ответить ей прямо в лицо. – *Она лучше тебя всем*, – говорю я, прежде всего, себе».

Я не озвучиваю свои мысли вслух: не смогу в очередной раз слушать её дрожащий голос и видеть заплаканные глаза. И нет, не потому, что мне её жаль, а потому, что эта история поднадоедает.

Даже грустно, что Мими думала, будто я бросил её ради Ости. Какая глупость! С Ости я стал проводить время лишь потому, что с ней было легко: поначалу она не требовала внимания, а я не считал нужным давать ей многого – мы просто держали друг друга рядом на тот случай, когда кому-то из нас захочется развлечься. И всё было по взаимному согласию до определённых пор, пока Ости не поняла, что влюбилась.

Я оборвал всё сразу же – не хотел обременять её чувствами ни себя, ни её. По мне так находиться к предмету воздыхания так близко физически, но одновременно так далеко ментально – невыносимо, так что прекращение общения,

наверное, самый оптимальный вариант.

И только её надоедливая настойчивость стала причиной, по которой я не отпускаю Ости, но и не подпускаю к себе. Она липнет ко мне, как бы старательно я ни пытался прервать общение, так что попытки эти уже давно стали бесполезными. Игнорировать, кстати, я тоже пробовал. В конечном итоге я пришёл к выводу, что оттого, что я позволю ей проводить в моей компании какое-то время, никто не пострадает, но, видимо, это было лишним – очередная надежда затмила ей глаза белой пеленой.

– Ости, перестань за мной бегать, – бросаю я, хоть и знаю, что прохожусь своими словами как раскалённым ножом по её сердцу. – Я позволил тебе быть рядом какое-то время, надеялся, что всё прекратится. Но ты снова переступаешь грань. Мне всё равно, что ты там чувствуешь, просто оставь меня в покое, и давай прекратим всё на этот раз окончательно.

– Это из-за неё, да? – в глазах Ости появляются слёзы, я уже знаю, что сейчас начнётся, так что не перебиваю её. Пусть выговорится, может быть, полегчает. – Всё из-за Непризнанной? Скажи, Люцифер, я ведь права? Ты не стал бы так часто водиться с ней, если бы тебе было на неё плевать так же, как и на меня!

Ости начинает плакать, громко и навзрыд, но я не буду её успокаивать. Её чувства – не моя зона ответственности, особенно учитывая, что я сразу обо всём предупредил. Вместо

того, чтобы отдалиться от меня, избавиться от чувств или сосредоточиться на себе, Ости во вред себе делает только хуже, всё время бегая за мной.

– Даже если это и так, – негромко произношу я так, что меня практически не слышно из-за её рыданий, – тебя это касаться не должно.

Я нарочно ускоряю шаг и удаляюсь от Ости, оставляя её один на один со своими эмоциями. Меня ждёт Непризнанная, и тратить время на то, чтобы успокоить кого-то, я не собираюсь.

Громкие обсуждения Мими и Вики чего-то слышны ещё у лифта, и я невольно усмехаюсь этому, когда подхожу к их комнате и стучу в дверь. Видимо, они слишком заняты своими делами, потому что мне никто не открывает, так что я захожу внутрь сам.

Встречаюсь с возмущёнными взглядами Непризнанной и её подруги и в своё оправдание говорю, что стучался к ним.

– Надо было ждать или стучать громче! – недовольно ворчит Уокер, а Мими лишь поддакивает.

Но я не обращаю внимания на их раздражение: внешний вид Непризнанной интересует меня куда больше. На неё надеты чёрные кожаные шорты с туго затянутым ремнём и того же цвета лонгслив, что в совокупности подчёркивает её тонкую талию. Ноги, на которые Уокер натягивает ботфорты, визуально удлиняются за счёт удачно подобранной обуви, и на фоне её невысокого роста это выглядит выигрышно.

– Ты что, на показ мод собралась? – спрашиваю я, указывая на её ярко покрашенные бордовой помадой губы и проведённые из уголков глаз стрелки.

– Тебя забыла спросить, – Непризнанная встаёт с табурета, на котором надевала на себя сапоги, и смотрится в зеркало, поправляя цепочку на шее, которая только дополняет хорошо подобранный образ.

Не понимаю, почему Вики грубит мне. Может, я не мастер комплиментов, но её внешний вид более чем завораживает – я не могу отвести взгляд даже тогда, когда она надевает поверх одежды чёрный кожаный плащ длиной чуть выше колена.

Мими лежит на кровати и лишь кивает в знак приветствия. Её мысли далеки от нас, это я понимаю по тому, что их с Вики разговоры миг останавливаются, стоит мне появиться на пороге. Ей действительно так тяжело находиться рядом со мной?

– Я готова, – ставит меня в известность Непризнанная и нарочно красуется своим нарядом, выставя одно бедро вперёд. И я, конечно, не стыжусь разглядывать её. – Мими, мы пошли. Тебе что-нибудь нужно в торговом центре? – заботливо спрашивает она, стоя уже в дверном проёме.

– Умение относиться ко всему с такой же лёгкостью, что и ты, – смеётся Мими, и я прокашливаюсь, напоминая, что пора идти.

На самом деле, мне просто не хочется смотреть на то, как

она расстраивается. Если в случае с Ости это раздражает, то в случае с Мими я понимаю, что действительно виноват в том, что она чувствует. И, пусть ей, вроде как, стало чуточку лучше после моего признания, я знаю, что это, в любом случае, не сможет окончательно исцелить её состояние – Мими всегда была очень сентиментальной и эмпатичной, а потому ни одно событие не проходит мимо её сердца.

Мы с Непризнанной выходим на улицу и садимся на скамейку у входа в общежитие, где я достаю из кармана телефон, на котором так и остался открытым наш с ней диалог в мессенджере, и закрываю ненужные приложения, после чего вызываю такси.

– И долго вы будете бегать друг от друга? – спрашивает Вики, положив ногу на ногу, на что я вопросительно выгибаю бровь, не понимая, что она имеет в виду. – Боже, – она закатывает глаза так, будто я ясновидящий и должен был прочесть её мысли. – Мими никогда не подойдёт к тебе первой, ты же знаешь, – Непризнанная говорит это так прямо, что я на секунду сбиваюсь с толку. После множества людей, начинающих непростые темы издалека, это очень непривычно и заставляет даже растеряться. – Не делай вид, что не замечаешь её желания всё вернуть! Да и сам хочешь, вижу же. Ты даже общаться с ней перестал ради её же блага.

Медленно, но верно Вики подбирается к своей цели. Она говорит об этом так спокойно и буднично, словно мы обсуждаем сегодняшний завтрак, а не мои мысли, которые я так

старательно и, как мне казалось, умело прятал в себе весь последний год.

Не знаю, может, я просто придумал своё умение хорошо скрывать всё внутри себя, а на самом деле моя душа лежит на поверхности – так, что замечает каждый прохожий, но, по крайней мере, ни один из этих прохожих ещё ни разу даже не намекнул, что что-то знает. Чего уж говорить о прямолинейном диалоге.

– Очевидно, она примет тебя с распростёртыми объятиями, забудет обо всех обидах, стоит тебе только начать разговор, – Непризнанная слишком уверена в своих словах, хоть я и знаю, что она права. – Знаешь, Мими всегда переводит тему, стоит мне просто упомянуть твоё имя. Она не особо рада тому, что мы общаемся, но я не знаю почему. Я пока не разобралась – мы с Мими не говорим об этом, она молчит, прикусив язык, но, надеюсь, когда-то мне удастся узнать.

Усмехаюсь её словам: это вполне в характере Мими – замалчивать обиды, не говорить о том, что что-то расстраивает. Не сказать, конечно, что мне нравится её подход. В школьные годы у нас не раз были разногласия по этому поводу, когда она молчала, не говорила о своих чувствах, и мне приходилось лишь догадываться, что на этот раз пошло не так. А потом, спустя время, Мими лишь в шутку признавалась, */что именно/* её задело. Но я не провидец, чтобы читать мысли. Почему нельзя просто сказать напрямую?

И, кто знает, когда бы Мими показала мне свои эмоции,

если бы не её хмельное состояние в тот день.

– Ты разберёшься в этом только со временем, – говорю я, борясь с желанием вынуть пачку сигарет из кармана бежевого пальто. Не буду делать этого в присутствии Вики – мне хватило того, что в прошлый раз она чуть было не задохнулась от приступа кашля. – Мими сама всё объяснит, но только тогда, когда ей станет уже всё равно.

– Что? Почему? – спрашивает она так искренне, словно никогда не сталкивалась с подобным. Неумение разговаривать – на самом деле, распространённая проблема в нашем мире.

– Уж на это я тебе точно не отвечу, – ухмыляюсь я, смотря на подъезжающее такси. – Наверное, ей так легче.

Мы встаём со скамьи и направляемся в сторону прибывшего жёлтого авто. Я услужливо открываю дверь перед Уокер, пропуская её внутрь, а сам сажусь с противоположной стороны. Называю водителю адрес, и машина трогается с места.

– А как же Ади и Сэми? Или я? Она делилась с нами своими переживаниями и, кажется, делала это с абсолютно чистой душой, – всё не унимается Вики.

– Она рассказывала вам о переживаниях, связанных с вами или с кем-то другим? – спрашиваю я и даю ей какое-то время на размышления, когда сам устремляю свой взор в окно, где кампус постепенно сменяется шумным Нью-Йорком и яркими небоскрёбами.

– С кем-то другим, – задумчиво отвечает Вики, тоже уставившись в окно.

– Ну вот ты и ответила на свой вопрос.

Да уж, куда проще рассказывать о проблемах друзьям, чем тем, с кем это произошло. Странно, но я вам не судья, чтобы решать, что правильно, а что нет. В любом случае, если Мими совершает ошибки, она должна понять это сама, а дальше решать ей – оставить всё как есть или поменять ситуацию и своё поведение.

Какой бы хорошей подругой для меня ни была Мими, я никогда не забуду, каким деспотом оказывался в глазах её окружения только из-за того, что от неумения высказать всё напрямую она шла к друзьям. Я не могу винить её, но и понять тоже. Правильно всё-таки говорят, что никто из не идеален. Это и делает нас */живыми/*.

– А расскажи про Дино, – Вики резко сменяет тему, видимо, не желая больше копаться в белье подруги. – Почему ты так его ненавидишь?

– Ненавижу? – с искренним удивлением спрашиваю я и отвожу взгляд от дороги, встречаясь теперь с голубыми глазами Уокер. – Это Ангелок тебе так сказал?

– Ну, не то чтобы... Скорее, я сама сделала выводы, исходя из вашего поведения друг с другом, – говорит она, пожав плечами, но взор не отводит.

И мне определённо нравится, как уверенно она смотрит прямо мне в глаза, хлопая длинными ресницами.

– Я его не ненавижу, – я начинаю заливисто смеяться от её доводов.

– Странно, мне показалось иначе. Да и, к тому же, Дино сказал, что между вами конкуренция, так что это было довольно логично, – Вики кладёт ногу на ногу и поправляет пепельные волосы назад. Её осанка ровна, что говорит о том, что она нисколько не смущается, задавая мне такие личные вопросы.

Пробирается прямо в голову. И я не могу противостоять этому. Кому угодно, но не ей. Она истинная дьяволица!

– Не знал, что Дино такой обиженка, – на моих губах расплывается ухмылка: я что, действительно задеваю его */на-столько/*? Тогда это прекрасная новость! – И каково же это – дружить с обиженкой? – спрашиваю я без злобы, скорее, с интересом.

Вики морщится и недовольно складывает руки на груди